

Независимый текст

Антон Носик

**Лытдыбр. Дневники,
диалоги, проза**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Носик А. Б.

Лытдыбр. Дневники, диалоги, проза / А. Б. Носик —
«Издательство АСТ», 2021 — (Независимый текст)

ISBN 978-5-17-120168-5

“Лытдыбр” – своего рода автобиография Антона Носика, составленная Викторией Мочаловой и Еленой Калло из дневниковых записей, публицистики, расшифровок интервью и диалогов Антона. Оказавшиеся в одном пространстве книги, разбитые по темам (детство, семья, Израиль, рождение русского интернета, Венеция, протесты и политика, благотворительность, русские медиа), десятки и сотни разрозненных текстов Антона превращаются в единое повествование о жизни и смерти уникального человека, столь яркого и значительного, что подлинную его роль в нашем социуме предстоит осмысливать ещё многие годы. Каждая глава сопровождается предисловием одного из друзей Антона, литераторов и общественных деятелей: Павла Пепперштейна, Демьяна Кудрявцева, Арсена Ревазова, Глеба Смирнова, Евгении Альбац, Дмитрия Быкова, Льва Рубинштейна, Катерины Гордеевой. В издание включены фотографии из семейного архива. Содержит нецензурную брань. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-120168-5

© Носик А. Б., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

От составителей	8
Глава первая	9
Павел Пепперштейн Молочное братство	9
Рождение	19
О сверстниках	20
Бабушка	21
О папе	22
Мой первый рубль	24
Чему меня научил мой первый гомосексуальный опыт	25
СПИД	27
О советской власти	29
Уехать. Вернуться. Снова уехать	30
Закон о возвращении	31
Об эмиграции	36
О России	37
Почему я dolboeb	38
Могут ли долбоёбы из РКН запретить слово dolboeb	40
“Газета. ру”	41
Об отдыхе	42
О “Живом Журнале”	43
Америка	44
О Горохе	47
Музыка в моих ушах	48
Я вчера женился	49
О Лёве	50
О мозгах	51
Чего я никогда не делал	52
Год без “Ленты. ру”	53
Жиртрест, колбаса, промсосиска	54
О свободе	55
Пресненский суд поздравляет меня с 50-летием	56
Май дей ын корт, как сказал бы Мутко	57
Сколько можно бояться	58
Последнее слово в суде	59
О жлобстве	63
Пираты выпустили фальшивую книгу от моего имени	65
О вере и смысле жизни	66
Нерукоподатность	67
Наркомфин	69
Если просят – сделай. Благодарности не жди	70
16 лет вместе	71
Смерть	72
Глава вторая	74
Демьян Кудрявцев. Еврей и человек	74
Декретное время	79
Можно ли бороться с террористами их же методами?	83

Неделя имени Кошаровского	84
Без креста	88
Как мы пели за деньги	90
Всю жизнь – взаймы	93
Урок перспективы	97
Заметки у позорного столба	102
Так покупать или не покупать?	105
Ни слова о шин-гимеле	106
Почему в Палестине до сих пор нет двух государств?	108
50 лет назад Иерусалим стал нашим, окончательно и навсегда	109
Про уехавших из Израиля	113
Глава третья	116
Арсен Ревазов. Несколько эпизодов с Антоном Носиком в главной роли	116
Кто придумал Рунет	123
Русский интернет, начавшийся в Меа Шеарим	125
Рука руку моет	128
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Антон Носик

Лытдыбр. Дневники, диалоги, проза

Составление Виктории Мочаловой и Елены Калло

© Носик А. (наследники), текст

© Калло Е., Мочалова В., составление

© ООО «Издательство АСТ»

От составителей

Антоша,

нам было очень тяжело делать эту книгу без тебя. За три года, пока всё это длилось, мы испытали массу сомнений, возникло огромное количество спорных мест, порой вообще всё шло наперекосяк (о пандемия!), и единственным, кажется, неизменным критерием для нас оставался тот, чтобы всё это не оказалось унылым говном, которого бы ты точно не одобрил (да-да, в твоей книге нет отточий и звёздочек на месте не самых приличных слов).

*Теперь уже поздно оправдываться, что есть то есть,
прочти и дай как-то знать, что думаешь.*

Ну всё.

Глава первая Сто фактов обо мне

Павел Пепперштейн Молочное братство

Сколько себя помню, всегда у меня был друг. Называл я его Антошей или Антоном, другие охотно звали его Антосиком, ещё кое-кто называл Носом, а после того, как нам обоим исполнилось тринадцать, я нередко обращался к нему “Антон Борисыч”, ибо мой друг хотел поскорее стать взрослым. Мы делили наше детство пополам, как делят пополам пряник в форме сердца, но мне этот пряник нравился, а ему – не очень. Я старался затормозить время, чтобы детство не кончалось, чтоб оно за мною мчалось... и так далее. А Антоша торопил время, ему хотелось поскорее покинуть постылую территорию детства, поскорее выпутаться из обременительного статуса ребёнка, как выпутываются из липких сетей.

Родители наши были близкими друзьями и, кажется, зачинали нас по договорённости, так что зарождение дружбы предшествовало нашему появлению на свет. Видимо, мы вели с Антоном кое-какие эмбриональные беседы уже тогда, когда наши мамы не жились рядышком на диване с большими беременными животами (это запечатлено на одной из фотографий).

– Тебе известно что-нибудь о мире, где мы оказались?

– Не особо. Но кое-какие предположения имеются.

Думаю, будучи эмбрионом, Антоша уже тогда хмурил брови и слегка кривил губы, прежде чем ответить на заданный ему вопрос, – так же, как он имел обыкновение делать после своего рождения.

То ли моя мама кормила грудью Антосика, то ли его мама Вика кормила меня, – в этом вопросе никогда не было ясности. Так или иначе, мы с Антошей стали молочными братьями. Эта поразительная и необычная форма родства нас гипнотизировала. Случались периоды, когда слово “молочный” нами игнорировалось, и мы просто ощущали друг друга братьями.

Присутствие Носика в моей жизни казалось мне естественным, как воздух, и я не мыслил своего существования без этого присутствия.

Антон всегда был для меня неразрешимой загадкой. Достаточно вспомнить, как он спал. Поскольку в детстве мы нередко спали в одной комнате, я не раз имел возможность видеть это. Антон засыпал в совершенно обычной позе спящего ребёнка, но через некоторое время, не просыпаясь, обязательно принимал позу мусульманина, совершающего намаз: стоя на коленях, руки простёрты перед собой, тело как бы совершает земной поклон, голова упирается в подушку лбом, при этом обе ладони сжимают подушку с удивительной силой, словно бы впиваясь в неё. В этой позе Антон “молился” все ночи напролёт, но перед пробуждением всегда возвращался в обычное расслабленное положение тела, и только после этого просыпался.

Попытки поведать ему о загадочной молитвенной позе, которую он принимает во сне, кончались крахом: со всей присущей ему запальчивостью и готовностью спорить с любым утверждением Антон отрицал возможность спать в молитвенной позе. Много раз я хотел сфотографировать его во сне, чтобы доказать, что я это не выдумал, тем более что мои слова подтверждали все, кто когда-либо видел его спящим. Но до фотографирования дело так и не дошло, а на исходе детства это странное свойство исчезло.

Можно предположить, что в прошлой жизни Антон был мусульманским религиозным подвижником. Это предположение кажется мне совпадающим с некоторыми свойствами его

характера: Антон часто представал в качестве человека фанатичного, как бы глубоко и пылко преданного чему-то, но предмет его горячей убеждённости оставался подвижным, плавающим, и иногда создавалось впечатление, что он может быть любым.

Я уже сказал, что Антоше хотелось поскорее покинуть пределы детства, поэтому, будучи ребёнком, он изъяснялся на подчёркнуто взрослом языке, называл своих родителей Викой и Борисом, отпускал тонкие саркастические шутки совершенно взрослого типа, иногда переходя на изысканный французский или английский язык, тщательно избегал детского сентиментального или фантазматического лепета. Ему нравилось вступать со взрослыми в продолжительные и витиеватые дискуссии или даже горячие споры на самые разные и неожиданные темы, причём в этих диспутах мой друг способен был потрясти своих собеседников остротой мысли и глубиной полемического дара, шквалом остроумнейших реплик и изворотливых аргументаций. Он мог осыпать оппонента сотней язвительных игл или же поразить тщательно взвешенной паузой в ответ на какую-нибудь реплику, при этом в течение этой паузы он скептически искривлял губы и приподнимал брови, как бы изумляясь тому факту, что его доводы, столь очевидные и неоспоримые, всё ещё отвергаются неуступчивым и твердолобым собеседником. В такие моменты казалось, что перед вами не карапуз, а какой-то изощрённейший парижский адвокат конца XIX века, защищающий, например, Дрейфуса на открытом судебном заседании, способный посрамить обвинение убийственной смесью остроумия, эрудиции, яда и человеколюбия.

Такого рода поведение со стороны маленького мальчика некоторых взрослых восхищало до глубины души, других же раздражало или даже бесило, так что все известные мне тогда взрослые разделялись на “антонофилов” и “антонофобов”. Это разделение никак не касалось нас, детей, – все ровесники любили и даже обожали Антона. Не припомню никого, кто поддерживал бы “антонофобские” тенденции; мы все были яростными “антонофилами”.

Антоша был не просто необычным – он был крайне необычным ребёнком, и это было известно всем, так как маленький Антон являлся непревзойдённым мастером по части привлечения к себе общественного внимания. Его спонтанные публичные выступления и неожиданные речи имели характер сверкающих эскапад или словесных фейерверков, способных держать в напряжении практически любую аудиторию, начиная от потрясённой гардеробщицы в предбаннике какого-нибудь дома творчества и заканчивая сообществом взрослых интеллектуалов, собравшихся в мастерской Кабакова.

В спорах Антону нравилось занять позицию достаточно уязвимую и защищать её с яростью. Вспоминается гигантский, многодневный спор о личности генерала Власова. Антону захотелось выступить в качестве адвоката генерала, в то время как в роли обвинителя на этом незапланированном процессе оказалась группа взрослых, включающая в себя, если не ошибаюсь, Кабакова и моего папу. Антон решил доказать всем, что предателем этот генерал не был. Вначале было интересно внимать этому спору, но потом спор надоел, а он всё не кончался, всё длился, обретая новые витки и изгибы, – казалось, между нами поселилось новое тело, тело спора, драконообразное и извивающееся, покрытое многоцветной и драгоценной чешуёй.

Нам с Антоном было лет по шесть, когда его мама Вика рассталась с его папой Борисом, уйдя к художнику Илье Кабакову, с которым её познакомил мой папа. История этого развода полна драматических эпизодов, Антон оказался между двух огней. Как я теперь понимаю, ему пришлось нелегко, – и, возможно, его пристрастие к полемике коренится в том периоде, когда он, будучи маленьким мальчиком, оказался между двух конфликтующих сторон, каждая из которых обладала склонностью к пылкому и язвительному красноречию.

Одно из наших первых с Антоном совместных дел (а таких дел у нас было множество) – строительство огромного картонного замка в мастерской Кабакова: мы исступлённо клеили этот замок, множились его башни и стены, он обрастал мостами, крошечные воины щетини-

лись пиками на стенах... Замок расплзался по мастерской, как плесень. До какого-то момента “дядя Илья”, как мы его называли, смотрел на нашу деятельность сквозь пальцы, но затем его это задолбало, и он сжёг наш замок в камине. Нельзя сказать, что это нас особо травмировало, – мы были сумасшедшими детьми, постоянно готовыми по уши погрузиться в какую-нибудь новую игру.

В 1975 году мы все поселились в одном доме. Этот дом на “Речном вокзале” построил в начале семидесятых архитектор по фамилии Меерсон, явный последователь Ле Корбюзье. Его проект “Лебедь” из четырёх семнадцатизэтажных башен на ножках похож на иллюстрацию к известной книге Паперного про Культуру Один и Культуру Два.¹

Культура Один – авангардна, динамична, стремится к полёту, перемещению: именно в её недрах возникают всевозможные модули, летатлины и дома на ножках. Культура Два желает заземлиться, укорениться, она создаёт зиккураты и мавзолеи. Гениальный архитектор Меерсон, настоящий советский постмодернист, решил объединить эти два противоположных принципа: к домам на ножках прилагался мавзолей-зиккурат из красного кирпича, где, по мысли Меерсона, должны были располагаться различные функционально полезные заведения: почта, аптека, магазин...

Наш мавзолей долго не могли достроить, он почти превратился в разрушающуюся новостройку. В наших детских глазах и снах он сделался зловещей и притягательной руиной: внутри гнездилась тьма и шныряли крысы. Ну, и мы там шныряли, конечно же, и даже, видимо, с риском для жизни.

В целом творение архитектора Меерсона оказало гигантское влияние на наше сознание. В этом длинном высокорослом доме на ножках с внешними лестницами, отделёнными от бездны чем-то вроде органных труб, мы постоянно тусовались на лестницах, на всех этажах и даже на крыше – плоской, как крыша итальянского палаццо; там возле загадочных вентиляционных отверстий вырастали зимой сказочные ледяные грибы в человеческий рост, сотканые из замороженного газа.

Дом был заселён художниками – и, соответственно, обитатели дома веселились до упаду. Потребовалась бы тысяча и одна ночь, чтобы рассказать все сказки этого дома, но для такого дела должна бы родиться семнадцатизэтажная Шахерезада-Лебедь с кожей, покрытой квадратными кусочками зеленоватой смальты с гладкой стеклянистой поверхностью. Почему дома-лебеди не белые, а зеленовато-серые, – на этот вопрос уже не сможет ответить архитектор Меерсон.

Взрослые собирались каждый вечер в одной из квартир: выпивали, ели, болтали... Перкели, Чуйковы, Гороховские, мои родители... Илья Кабаков был фонтанирующим центром этого клуба застолий. Однажды, когда все сидели у Перкелей за длинным столом, ломящимся от яств, в дверь позвонили. За дверью стояла импозантная старуха: накрашенная, в седоватых буклях, с жемчугами на шее, в элегантной юбке и пиджачке, в туфлях на высоком и мощном каблуке. Никто её не знал, но она вошла – интеллигентная дама, возможно, коллекционерша современного искусства, она пленила всех своей жеманной эрудицией. Особенно её интересовали картины и рисунки, развешанные на стенах. Она всматривалась в них, одновременно отражаясь в стёклах и мимоходом поправляя причёску или макияж. В целом она была очень женственна, несмотря на возраст. Она успела всех обаять, прежде чем присутствующие поняли, что эта дама – не кто иной, как переодетый Кабаков, который решил всех разыграть. Роль была исполнена безукоризненно.

У нас сложилась разбитная детская компашка – девочек и мальчиков примерно поровну. Это был период первичного эротического возбуждения, лет девять-десять, крайне возбуждённый возраст. Потом года на полтора наступает успокоение, прежде чем крышу снесёт наве-

---

¹ См.: Паперный В. Культура Два. М.: НЛО, 1996.

гда. Наш дискурс в отсутствие взрослых был крайне порнографичен: мы в упоении пересказывали девочкам поэму “Как я пошла купаться” (рифма читателю ясна), сказки про чёрный чемодан и другие порношедевры коллективного литфонда. Девчата в ответ хихикали, пинали нас ногами и возмущённо-восторженно блестя очами – они тоже были перевозбуждены, как и всё вокруг: деревья, снега, лестницы...

Как-то раз мы с Антоном маялись дома одни и решили позвать в гости двух девочек. Антон сказал, что мы должны их роскошно накормить, – и мы принялись увлечённо готовить еду. Наконец, девочки пришли и сразу же весьма кокетливо поинтересовались, что мы, собственно, будем делать вчетвером в этой квартире. Антон сообщил им, что их ожидает трапеза. Но девочки не знали слова “трапеза” – и решили, что это слово должно обозначать нечто крайне неприличное. Поэтому они стали усиленно хихикать и носиться по комнатам, как бы убегая от нас. Столкнувшись с таким провокативным поведением со стороны девочек, мы уже не могли признаться им, что слово “трапеза” означает всего лишь еду, утаили от них наличие приготовленного обеда, и вместо этого носились за ними, зажимали в углях, разводили на поцелуи, а с одной из девочек нам даже удалось стянуть трусы.

Всё это и было “трапезой” – новое значение слова родилось прямо под нашими пальцами, блуждающими по ускользающим и в то же время льнущим девчачьим телам. Напоминает игру со словами “поцелуй” и “напёрсток” в сказке про Питера Пэна.

Ребёнком Антон ненавидел процесс поглощения пищи, но приготовление еды его интересовало. Он едко критиковал кулинарные способности своей мамы, говоря, что та готовит в стиле Джордано Бруно и Жанны д’Арк: всё подгорает; естественно, это были хитроумные инсинуации со стороны Антона. Эти инсинуации помогали ему максимально затягивать любую трапезу (трапезу в классическом понимании слова): он набивал щёки, как хомяк, и вращал глазами, но глотать не глотал.

Однажды Антоша заявил, что мы должны овладеть искусством приготовления тортов. Я немедленно согласился на это, как соглашался на все безумные предложения Антона. Мне самому такое в голову не пришло бы – я никогда не любил готовить еду, к тому же был равнодушен к тортам и вообще к сладкому. Это не помешало нам внезапно превратиться в чокнутых изготовителей тортов, и мы даже достигли в этом деле некоторого совершенства. Удивительно, но мы продержались в амплу кондитеров довольно долго, и предложили множество изощрённых изделий друзьям и гостям наших родителей. Некоторые торты имели успех, другие вызвали отвращение. Вначале мы относились к этому делу серьёзно, с диким энтузиазмом, но затем привычное хулиганство взяло верх, и мы стали пихать в торты разную недобрую дребедень, после чего взрослые мгновенно утратили какое-либо доверие к нашим изделиям. Наши торты больше никто не желал отведать (если не считать несчастных неопытных гостей, пришедших в первый раз). Дело докатилось до извращённого кондитерского концептуализма в детском исполнении, но, к счастью, вскоре мы охладели к этой опасной игре. Её вытеснили другие игры, иногда не менее опасные.

Мы тусовались в нашем доме на “Речном вокзале”, тусовались на чердаке Кабакова и в папином подвальчике на Маросейке, тусовались в домах творчества художников и писателей, тусовались вместе в Праге, где Антон с Викой бывали почти так же часто, как и я: там жила Викина сестра Нина со своими сыновьями, Андреем и Павлом, которые приходились Антону кузенами. Нина была замужем за Иржи Тыпольшом, одним из министров в правительстве Дубчека.

Итак, в детстве нас объединяло множество пространств, разделяла только школа: я учился в обычной школе в соседнем дворе, потом перешёл в школу рабочей молодёжи в Дегтярном переулке, Антон же учился в экспериментальной школе с английским уклоном на “Водном стадионе”. Там вокруг него иногда вспыхивали небольшие колоритные скандалчики. Вспоминаю два инцидента, и оба связаны с австрийскими канцлерами.

Каким-то образом Антону удалось убедить всю школу, что он – незаконнорождённый сын австрийского канцлера Бруно Крайского. Сначала в эту легенду поверили его одноклассники, затем она распространилась по другим классам. Постепенно об этом волнующем факте узнали учителя, а затем информация дошла и до директрисы.

Не то чтобы Бруно Крайский был чрезвычайно известен в Советском Союзе, скорее наоборот: о нём редко упоминали, потому что он не принадлежал ни к ярким врагам, ни к добрым друзьям советского руководства. Именно поэтому, видимо, легенда выглядела правдоподобно. А может быть, соль заключалась в особом звучании этого имени: Бруно Крайский. Короче, было во всём этом нечто такое, что заставляло поверить в историю с канцлером.

В какой-то момент директриса школы вызвала к себе Вику, чтобы обсудить некоторые аспекты Антонова поведения. Держалась она странно и после различных околичностей перешла на приглушённый, несколько даже интимный тон: “Конечно, я понимаю всю сложность ситуации, в которой находится ребёнок... Да, ситуация щекотливая... Требуемая особой деликатности, учитывая высокое положение отца... Поскольку дело касается международных отношений, мы, конечно, готовы закрывать глаза на некоторые... Видите ли, нам кое-что известно о, так сказать, сфере общих интересов, связывающих вас с товарищем Крайским, и... Отдавая себе отчёт в степени занятости товарища Крайского государственными делами...”

Вика внимала этому бредовому лепету в полном недоумении и долго не могла понять, о чём толкует трепетная директриса экспериментальной школы. Антошина мама не только никогда не видела “товарища Бруно Крайского”, но, возможно, даже не вполне помнила, кто он вообще такой.

В другой раз всем в классе поручили выучить наизусть какое-нибудь стихотворение Пушкина. Антоша забил болт на это дело, но уже в классе, сидя на уроке, быстро написал стихотворение в пушкинском стиле и прочитал его вслух у школьной доски. Стихотворение называлось “Меттерниху”. Учительница осталась очень довольна, похвалила Антона за то, что он раскопал такое малоизвестное, но блестящее стихотворение Пушкина, и поставила ему пятёрку. Каким-то образом потом всплыло, что стихотворение написал Антон. Учительница восприняла это как личное оскорбление, и Вику снова вызвали в школу...

Не знаю, чем взволновали воображение Антона австрийские канцлеры, но учился он хорошо (в отличие от меня) и, в целом, слыл вундеркиндом.

Описать мир детских obsessions невозможно, ибо он слишком обширен. То мы предавались коллекционированию, как все мальчики нашего возраста: марки, монеты, бумажные ассигнации... Мы сами придумывали и рисовали бесконечные знаки, флаги, карты, гербы. Дипломатические отношения между двумя воображаемыми странами, Блюмаусом и Носиконией, поглощали нас целиком, – пока это не вытеснялось, например, провалами в чёрно-белый мир шахмат. Однажды мы даже противостояли чемпиону мира по шахматам Карпову, который устроил сеанс одновременной игры на двадцати досках в Институте славяноведения, где работала мама Антона. Тот самый Карпов, с которым Фишер отказался играть, сказав: “Фишер не играет с Карпом”. Но мы с Карпом играли, и зеркальная рыба победила нас.

В какой-то момент Кабаков обзавёлся автомобилем: жёлтые “жигули” вошли в историю нашего детства под именем Желтопузик; кажется, это имя тоже из мира рыб. В утробе Желтопузика мы посетили множество подмосковных усадеб и монастырей: Илья Иосифович, охваченный религиозным экстазом автомобилиста-неофита, возил нас повсюду – ему было всё равно, куда ехать, лишь бы не расставаться с Желтопузиком, которого он обожал. Эрудиция Ильи не имела пределов, рассказывал он обо всех этих усадьбах и монастырях как бог, так, что, казалось, нужно отрастить двадцать пять ушей, чтобы впитать всё это.

Невозможно умолчать о неимоверном шкафе, созданном руками Ильи Кабакова. Илья Иосифович купил три антикварных буфета, изобилующих украшениями: деревянные фрон-

тоны, миниатюрные балюстрады, краснодеревщиков укромные затеи – тонко вырезанные дворцы, покрытые гроздьями винограда... Илья разобрал эти буфеты, выдержанные в разных стилях, и собрал из них один Мега-Шкаф, покрывавший все стены в квартире на Речном, где жили Вика, Илья и Антон. Таким образом все они оказались как бы живущими в шкафу, у которого, как у ленты Мёбиуса, не было “внутри” и “снаружи”. Так они уподобились Примакову, герою знаменитого альбома Ильи “В шкафу сидящий Примаков”.

Всеприсущий шкаф обнимал собой и маленькую комнату Антона, и там таилось множество сокровищ – охапки пёстрых европейских автомобильчиков, вертолётков, домиков, ковбоев, рыцарей, пиратов, книг, виниловых пластинок и прочих кайфов.

Ну и, конечно, комиксы – предмет моего обожания! Из Парижа, где обитал Боря Носик, щедрым потоком лились сокровища: Антон располагал практически полным собранием роскошно изданных Тин Тинов, а также Обеликсов и Астериксов. Кроме того, регулярно поступали комиковые журналы “Пиф” и “Пилот” – первый стопроцентно детский, а второй более чем взрослый, совершенно не подходящий нам по возрасту и от этого особенно нами любимый. Должно быть, советский писатель Боря Носик, посылая малолетнему сыну комиковые журналы, сам в них не заглядывал, и не знал о буйных сюрреалистических видениях эротического свойства, которые обильно распускали свои яркие лепестки на страницах журнала “Пилот”: обнажённые боги Энке Билала или трахающиеся невидимки Мило Манары были далеко не самыми солёными среди этих упоительных graphic stories. Возможно, конечно, что Носик-старший не был так уж слеп, – просто ему нравилось посылать своему сыну некий порнографический флюид. Во всяком случае, я очень благодарен ему: великолепные художники журнала “Пилот” оказали большое влияние как на моё рисование, так и на формирование моих эротических фантазий. Ну и, конечно, среди сокровищ Антона я обожал сборник карикатур Джона Тенниела, публиковавшихся во времена королевы Виктории в лондонском “Панче”: бесконечная гравированная борьба гладиаторов Гладстона и Дизраэли. Этот сборник я смотрел снова и снова, так же как и небольшие аппетитные издания графических историй Чарльза Аддамса и Джона Горей: чёрноhumорный и мистический эпос о семейке Аддамсов, тогда ещё не обретший своего кинематографического воплощения, но и графического было довольно, ведь Чарли Аддамс – подлинный гений.

Не помню, сколько нам было лет, когда мы написали в соавторстве роман “Пятеро в пространстве” – космическую одиссею с элементами порнографического детского галлюцинирования. За этим последовала повесть “Тридцать отрубленных голов” в духе Э.Т.А. Гофмана. Структура повести строилась на родстве слов “глава” и “голова”: повесть состояла из тридцати глав, в каждой из которых парикмахер-убийца отсекал очередную голову очередного клиента.

Затем мы написали сборник эссе, вдохновившись примером Кабакова, Эпштейна и Бакштейна, которые писали тогда втроём эссе на темы, которые сами себе задавали. Эссе у нас получились очень неплохие. До сих пор помню некоторые из них – “Череп”, “Дом творчества”, “Руины философии”...

В целом, совместно и порознь, мы написали множество литературных произведений – по большей части довольно жутких и фантазмагорических (готические кошмары владели нашим воображением). Пожалуй, эти малолетние труды тянут на многотомное издание, переплетённое в детскую кожу, под общим названием “Страшные тени счастливого детства”. Название – цитата из моего стихотворения, написанного в конце девяностых и посвящённого слову “пизда”. Не стану скрывать, это слово часто сияло, как некое солнце, в эпицентре нашего космоса.

Мы в пушистые шубки успели одеться,
Мы в ушанках и валенках ходим давно,

Только страшные тени счастливого детства
Вереницей весёлой скользят из кино.
Из того, из того, из того кинозала,
Окружённого жаркой листвою, кустами,
Где впервые ты тайно мне пизду показала,
И я жадно прильнул к ней устами... Устали?
Написал это слово “пизда” – и вздрогнул.
Не хочу оскорблять непристойностью честных людей!
Только слова другого не дал ведь Господь нам,
Да и это священно. Оно веселей,
Чем “ваджайна”, что сумрачно дышит санскритом...
Но пизда родилась ведь из птичьего крика
И из звона мочи по древесной коре,
Так из пены и крови возшла Афродита:
Родилась и зажмурилась на солёной, кипрейской заре.
В этом слове есть бездна, и мзда, и, конечно же, “да”,
И падение шарика с башни Пизанской,
В этом слове как будто идут поезда
И курчавится Пушкин в дохе партизанской.
Всё равно это слово звучит как-то жёстко,
Недостаточно нежно и влажно... Ну что ж,
Наш язык не старик, он пока что подросток,
И он новое слово когда-нибудь нам принесёт.
Это будет крупнейший праздник. На улицах русских
Будут флаги, салюты и радостный крик.
Для того, чтоб ласкать наших девушек узких,
Да, для этого дан нам наш русский язык!
А девчонкам он дан, чтоб лизать белый мёд,
Чтобы вспенивать нежные страсти,
Чтобы истиной тайной наполненный рот
Снова пел, лепетал и лечил от напасти.
А кино на экране стрекочет, как бабочка,
О стекло наших душ ударяясь и длясь.
И тени смеются, танцуют и падают.
И тени теней убегают, двоясь.
Два солнца над нашей безмолвной планетой
Два солнца, и мы их лучами согреты,
Согреты, согреты как пальчики Греты
Как летние воды прогулочной Леты...

Девочки и девушки омывали собой нашу жизнь, как платиновый дождь оmyвает ноги Данаи. И всё же, сделавшись медиком, Антон решил посвятить свой профессиональный интерес мужскому половому органу. Он стал урологом. Это всех изумило, как и само решение Антона Борисовича пойти в медицину. С раннего детства было ясно, что Антоша – прирождённый журналист или писатель. И вдруг такой кульбит! Но Антон любил изумлять. Он постоянно шутил – но хотелось ему чего-то нешуточного; а что может быть серьёзнее медицины? Ему пришлось совершить немалое насилие над собой, чтобы свернуть на этот путь, на котором он, в результате, не слишком задержался. В начале учёбы в медицинском институте он

представлял собой зеленоватого юношу, которого постоянно тошнило. И всё же мир телесных тайн манил его.

На втором или третьем курсе Антон, от которого все мы привыкли слышать постоянные витиеватые речи, вдруг замолчал. Это совпало с его женитьбой. Незаконнорождённый сын австрийского канцлера вдруг сделался женатым человеком – молчаливо курящим трубку, поразительно солидным, non-stop одетым в строгий серый костюм-тройку, при галстук. Прошло года два, прежде чем он снова разговорился, – одновременно отказавшись от жены, костюма и галстука.

В 1989 году – новый резкий поворот. В тот год у Кабакова была большая выставка в Израиле, он приехал туда с Викой и Антоном. На открытии выставки присутствовали президент Израиля и другие официальные лица. Совершенно неожиданно для всех Антон приблизился к президенту и заявил, что ощутил себя евреем и желает остаться в Эрец Исраэль. Наверное, это тронуло президента, но одновременно должно было поставить его в неловкое положение.

В Израиле Антон стал известным журналистом, однако постепенно над его головой стилились некие тучи; в результате через пару лет наш общий близкий друг Илья Алексеевич Медков вывез Антона из Израиля в Москву на своём частном самолёте, спасая от этих туч. После этого Антон около года работал в банке ДИАМ (что расшифровывалось как Дело Ильи Алексеевича Медкова) – вплоть до того мрачного дня в октябре 1993 года, когда нашего любимого друга Илюшу убила пуля, выпущенная из снайперской винтовки.

Будучи человеком страстных увлечений, Антоша и в дружбах был таким. Его увлечение мной пришлось на детские годы, в юности я наблюдал воспламенение его дружбы с Илюшей Медковым – дружбы, более напоминающей влюблённость. В незабываемом августе 1987 года, когда мы втроём отправились в Коктебель, Антон и Илья старались не расставаться ни на секунду. Как настоящие влюблённые, они носили одежду друг друга и даже обменялись именами: Антон называл Илью исключительно Антоном Борисовичем, Илья именовал своего друга Ильёй Алексеевичем. Поскольку парни не были геями, их взаимное обожание реализовывалось в совместной охоте на девушек. Каждый вечер они исчезали в благоуханных коктебельских сумерках, одетые далеко не по-курортному: в бархатных пиджаках, нарядных рубашках и модных скрипучих туфлях с медными элементами. Этот дендистский прикид, резко выделявший их в мире расхлябанных шорт и футболок, давал свои результаты: возвращались они, как правило, с одной или двумя девочками.

Впрочем, атмосфера того августа вовсе не требовала таких целенаправленных охотничьих действий: казалось, всё пространство цветёт прекрасными девушками, жаждущими любви. Но охота была их ритуалом, скрепляющим сердечный союз двух юных джентльменов.

Илюша тогда был беспечным киноманом, записывавшим содержание всех просмотренных фильмов в специальные блокноты. Ничто не предвещало, что он станет могучим банкиром.

Когда Илюшу застрелили на крыльце его собственного банка, Антон не выразил скорби, но впал в некое сумеречное состояние, длившееся несколько лет. Впрочем, этот делирий оказался полезен: возможно, блуждая в глубоких сумерках сознания, Антон именно там набрёл на идею русского интернета. Я был свидетелем этого озарения – резкого и внезапного, как все озарения Антона. “Я понял!” – сказал он вдруг, ни к кому не обращаясь, уставившись в пространство невидящим и чрезвычайно напряжённым взглядом. Только через несколько дней он рассказал о том, что именно понял: это был проект той самой деятельности, которая вскоре принесла ему богатство и славу.

В последующие годы мы редко видели друг друга. Иногда я звонил ему, когда резко требовались деньги, – он всегда приходил на помощь. Я одалживал всегда одну и ту же сумму – 700 долларов – и, кажется, не всегда возвращал.

Я очень любил Антона Борисовича, люблю его и сейчас. Мне стало не хватать его задолго до того, как он умер. Но никого и ничего нельзя сохранить, сберечь, удержать.

За пару недель до его смерти мы встретились на вернисаже моей выставки “Воскрешение Пабло Пикассо в 3111 году”. Обрадовались, обнялись, сфотографировались.

То, что мы увидели друг друга в последний раз в этой жизни на выставке, посвящённой воскрешению из мёртвых, воспринимается сейчас как знак надежды, как обещание будущих встреч – в иных мирах, в других существованиях.

В моём архиве сохранилось множество превосходных рисунков, стихов и художественных текстов Антона, способных доказать, что он был не только выдающимся журналистом и медиаменеджером (как его называют в некоторых некрологах), но и замечательным поэтом, писателем и художником.

Его участие в деятельности группы “Инспекция «Медицинская герменевтика»” также не может быть забыто. Антон был свидетелем рождения этой группы, участвовал в придумывании её названия, его имя значилось на бирке, положенной в экспозиционной витрине под четвёртым маточным кольцом с печатью “Латекс” (речь идёт о первом объекте группы МГ, выставленном на Второй Выставке Клуба Авангардистов).

Антон вошёл в структуру “Инспекции МГ” в качестве “младшего инспектора”. Для четвёртой книги МГ “младший инспектор” Антон написал великолепный обширный текст – одно из первых известных мне исследований психологических (и психиатрических) аспектов взаимоотношений между человеком и компьютером.

Антон участвовал в перформансе МГ “Нарезание” и в написании текста МГ “На оставление Праги” весной 1990 года – этот текст Антон, Серёжа Ануфриев и я писали в состоянии сильного алкогольного опьянения: мы нарезались чешского или моравского вина (уж не помню, что это было – “Франковка”, “Вавжинец” или “Мюллер Тургау”), добавили ещё пару шотов крепкого, сидели в безжизненных дортуарах Академии, в больших залах, освещённых неоновыми плафонами, где рядком стояли застеленные кровати с никелированными изголовьями... За большими окнами Академии сгустилась ночь и собрала свои силы гроза: белые молнии летали по чёрному небу, древесные массы стромовского парка металась под ветром; вся чешская история собрала пред нашим мысленным взором свои галлюциногенные знамёна: красные львы с раздвоенными хвостами трепетали в грозовой тиши, за ними вставали гирлянды дефенестраций – пожилых людей с раздвоенными бородками выбрасывали из окон, как мальчиков. Прага! Два еврусских мальчика из Москвы полюбили тебя ненужной тебе любовью, и ещё один из Одессы к ним примкнул.

И вот мы все вместе оставляем тебя, Прага, ибо кончилась наша жизнь, кончилась наша смерть, только дурацкий смехуёчек наш не завершился – ещё трепещет флажком в чешской ночи. Живи, смехуёчек! Живи, пиздохаханька! Вам, хрупкие хохотуны, перепоручаем флюид нашего существования – сберегите древние смехи! Спрячьте в чешских носках! В кармашках вязаных жилеток!

Антон, как и все мы, бывал иногда весел, иногда угрюм, но я не помню, чтобы когда-либо видел его счастливым или несчастным. И вовсе не из-за нехватки эмоций. Хотя ему и хотелось производить впечатление рассудочного флегматика, ему понятно, что он таковым не являлся. Самым характерным для него состоянием было состояние озадаченности: мысль его постоянно как бы пыталась переварить нечто, и переваривание это, с одной стороны, сталкивалось с некими невербализуемыми препятствиями, с другой же стороны, сопровождалось озарени-

ями, в ходе которых реальность временно становилась ясной, абсолютно ясной и доступной пониманию, puzzle вдруг складывался, и тогда рождались идеи, овладевавшие его сознанием целиком, но не более чем на некоторое время. По прошествии времени эти идеи утрачивали своё магнетическое действие, но он не подвергал их критике задним числом, а, скорее, как бы забывал о них. Впрочем, он вполне мог обсудить эти идеи в ретроспективной беседе, хотя любому собеседнику становилось ясно, что идеи эти (ещё недавно так сильно его увлекавшие) уже не являются предметом его актуального интереса.

Сейчас мне хотелось бы убедить себя, что идея быть мёртвым – лишь одно из временных его увлечений, что придёт черед и этому делу уйти в прошлое, и Антон снова появится среди живых со скептической полуулыбкой и высоко поднятыми бровями, обозначающими изумлённую работу мысли.

И тогда я спрошу его в духе тех эмбриональных бесед, что вели мы с ним до нашего рождения:

– Ну что, Антон Борисович, удалось ли тебе составить представление о загробном мире?

И он ответит мне после паузы (в течение этой паузы его брови поднимутся ещё выше, а губы искривятся ещё сильнее, ещё скептичнее):

– Не особо. Но кое-какие наблюдения имеются.

Рождение

[25.01.2008. ЖЖ]

Я родился в московском роддоме имени Грауэрмана 4 июля 1966 года около 8 часов пополудни. В то время он находился на Калининском проспекте. Теперь уже нет в Москве ни Калининского проспекта (он переименован в Новый Арбат), ни роддома Грауэрмана (видимо, кому-то в дни дикой прихватизации глянулся уютный особняк, где это учреждение располагалось). Остался лишь гигантский экран на стене здания, где показывают рекламу. Что там показывали в советское время, не помню, но явно не рекламу. Кажется, киножурнал “Новости дня” про ход уборки озимых.

Говорят, моему появлению на свет способствовало светило московского акушерства, профессор Исаак Рафаилович Зак, ставший спустя 19 лет моим тестем, а ныне обитающий в районе Ocean Parkway, что на Брайтон-бич. Исаак Рафаилович был врач от бога, однако же национальность сильно вредила его карьере. Один его аспирант возглавил ВНИИАГ, другой – МОНИИАГ, а профессору до конца медицинской практики приходилось довольствоваться должностью заведующего отделением в синем палаццо на улице Чернышевского, под началом второго из упомянутых аспирантов (тот был тоже еврей, но лучше законспирированный). Теперь улицы Чернышевского тоже нет, вместо неё Покровка, но МОНИИАГ, насколько могу судить, остался на прежнем месте, хоть особняк покрупней Грауэрмана. Интересно, что отец Зака, тоже весьма известный в Москве акушер Рафаил Лазаревич Зак, состоявшийся как медицинское светило до Шестидневной войны 1967 года, не подвергался подобным преследованиям и закончил карьеру в каких-то очень высоких медицинских чинах, при орденах.

Мои родители зачали меня осенью 1965 года по уговору со своими друзьями, супругами Пивоваровыми, тогда же решившими заводить ребёнка. Накладка, однако, состояла в том, что я очень не хотел родиться, и в результате долгих уговоров согласился явиться на свет лишь спустя 10 месяцев после зачатия (41 год спустя мой сын Лев Матвей Антонович унаследовал эту неторопливость, пересидев в утробе больше двух недель). Поэтому Павел Витальевич Пивоваров (ака Павел Пепперштейн), зачатый со мной одновременно и ставший моим молочным братом, родился 29 мая 1966 года, на 35 дней меня раньше, зато в один день с Леонидом Леонидовичем Делицыным, о существовании которого он, впрочем, едва ли подозревает.²

Я не очень много помню про времена своего рождения. Первые воспоминания детства относятся у меня к 1970 году, когда мы с мамой на лето поехали в страну Чехословакию.

---

² Доктор технических наук, доцент Московского государственного института культуры, аналитик Группы компаний ФИНАМ, ст. науч. сотрудник Института физики Земли РАН. В 1990-е годы, будучи аспирантом Университета штата Висконсин, стал одним из зачинателей Рунета: организовал литературный конкурс “Тенёта” (1996–2003), а также баннерную сеть «Спутник» (1996–1999). В 2001–2008 годах – аналитик “Рамблера”.

О сверстниках

[20.06.2017. ЖЖ]

Мы с Павлом Витальевичем Пепперштейном росли двумя малолетними старичками, своей детской компании у нас практически не было: нас не интересовал их футбол во дворе, а сверстникам неинтересно было писать, шить и иллюстрировать собственные книги, чему в основном посвящалось наше внешкольное время (потому что Кабаков и Пивоваров в ту пору стали делать альбомы – и role model всегда маячила у нас перед глазами). Социализироваться в собственной возрастной группе мы начали только тогда, когда заинтересовались сверстниками, а до того всё наше детство протекало в родительских компаниях. Я об этом нисколько не жалею, и надеюсь написать ещё мемуары, но вот про Лёву (сына. – *Ред.*) твёрдо уверен, что ему полезно иметь общий язык с детьми его возраста. И когда вижу, что он эту мою уверенность разделяет, – тихо радуюсь.

Вообще, меня страшно бесят родители, которые почему-то убеждены, что дети должны провести детство точь-в-точь как оно прошло у них самих. Ровно в той же пропорции между рыбалкой, бадминтоном и велосипедом, лыжами и санками. Хотя времена изменились, и возможностей у сегодняшнего ребёнка в бесконечное количество раз больше. То, чем они занимаются в своём скайпе и снапчате, – мы про это, извините, читали у Толкиена, насчёт Палантира, или смотрели “Отроки во Вселенной” – там как раз фантасты гениально додумались до видеочата, который сегодня привычен любому дошкольнику, а в нашем детстве взрослые считали, что это rocket science, технологии будущего строго для космонавтов...

[12.10.1972. Записано В. Мочаловой]

– Я заболел, мам. У меня такая болезнь – раздражение. Я лежу с открытыми глазами, и как будто на меня несётся бык. А если закрываю глаза, то как будто я в чёрном лабиринте, и на меня из всех углов бросаются собаки.

В.М.: Может, это конфетой полечить?

– Нет, это ничем не лечится.

Бабушка

[23.04.2005. “Эхо Москвы”]

Главная легенда про войну в нашей семье касается поведения на фронте моей бабушки, которая закончила войну в чине капитана. Она была чудовищная чистоплюйка и таковой осталась до конца жизни. Больше всего в жизни она ненавидела грязь и нарушение санитарно-гигиенических норм. Когда давали воздушную тревогу, она отказывалась ложиться на пол в блиндаже, потому что это грязно, отказывалась идти в бомбоубежище, если оно было недостаточно санитарно оборудовано. Всем этим она доставляла чудовищные переживания окружающим. Но она настояла на своём до конца войны.

О папе

[22.03.2015. “Эхо Москвы”]

Мой папа всю свою жизнь писал прозу. И писал её в стол. В Советском Союзе это была распространённая, окружавшая меня со всех сторон практика, когда люди искусства “в миру” имели некую профессию, про которую советская власть знала и за которую платила им зарплату. А было то, что они делали для себя, творчество. И это творчество не подразумевало публикаций. И папа мой писал.

Писатель в Советском Союзе был номенклатурой, а папа номенклатурой быть не хотел, не хотел писать произведения в духе социалистического реализма о борьбе хорошего с лучшим под чутким руководством коммунистической партии. Поэтому ему надо было придумать себе какую-нибудь официальную нишу. И он придумал её с лёгкостью. Будучи человеком, любящим путешествия, историю, очень много читающим, он стал писать то, что сегодня называют нон-фикшн: документальные книги о путешествиях по России, биографии разных интересных людей. Например, в серии “Жизнь замечательных людей” вышла его биография Альберта Швейцера, много раз изданная на разных языках. В том числе на немецком, по-моему,³ 14 раз переизданная.

Папа был 1931 года, а это значит, что начало сталинской антисемитской кампании пришлось как раз на его окончание школы. На вступительном экзамене в Московский государственный университет он получил дополнительный вопрос от экзаменатора: перечислите все железнодорожные станции от Москвы до Свердловска... После чего отправился защищать советско-турецкую границу. Он служил в Армении, с прекрасным видом на Арарат. Я неоднократно там бывал, специально ездил на эту станцию.

Я читал папину прозу в машинописи. Первый роман – кстати, утраченный, забытый в такси вместе с пишущей машинкой – был написан в 1973 году. Мне тогда было 7 лет. А второй роман, который сохранился, – это уже 1974–1975 годы. Я прочёл его, когда мне стало достаточно лет, чтобы это было доступно моему разумению: где-то уже в подростковом возрасте, тогда же, когда прочёл “Войну и мир”.

Папиного “возвращения в литературу” так и не произошло по сей день. Но переживать об этом моему папе было некогда. Потому что 24 часа в сутки он был занят созданием текстов. Текстов любых – и обо всём. Ему был бесконечно интересен сам процесс: и исследовательский, и писательский. Он целиком был поглощён им. У него не было сложности отношений с собой-писателем и собой-документалистом. Но в последние лет 30 он и сам смещался от художественной прозы к документальной. Потому что когда ты живёшь отдельно от своего читателя, то документальная проза – повествование про факт, про историю – это всё-таки твой общий с ним язык. Ту Россию, где остался его читатель, папа знал очень плохо и мало. Всю его связь с Россией составлял сайт “Эха Москвы”. Он существовал в контексте того прошлого, которое он исследовал. Уехав во Францию в 1982 году, он законсервировал некий свой здешний экзистенциальный опыт, поставив в нём точку именно в 1982 году. Он приезжал в Россию, но это закончилось его первой кардиологической операцией, и врачи запретили ему летать. С того момента он перестал ездить сюда, перестал ездить в Америку к семье, к сёстрам, которые

---

³ Носик Б.М. Альберт Швейцер. Белый Доктор из джунглей. М.: Молодая гвардия, 1971; 2003.

живут в Бостоне. Он стал жить между деревней летом и Лазурным Берегом зимой. И эта новая география тоже стала предметом его исследований.

...Как он мог сжечь мосты? Тут же был я. И вся остальная его семья, эмигрировавшая потом, в конце восьмидесятых. Это была очень важная часть его жизни – семья. Он не готов был, как многие герои его книг – например, Виктор Кравченко, автор воспоминаний “Я выбрал свободу”, – выбрать свободу, пожертвовав семьёй. Это очень важное обстоятельство в его биографии. Поэтому он женился, во Франции он не был эмигрантом, он был на ПМЖ.

Кладбище в Ницце, на котором мы похоронили папу, – бывшее Николаевское кладбище, а теперь Русское кладбище Кокад, – это потрясающее место, где похоронены многие папины персонажи. И супруга Александра Второго там похоронена, и один из братьев Жемчужниковых, создателей Козьмы Пруtkова. Композитор Сабанеев, критик Адамович, который фигурирует в папиной биогра⁴фии Набокова как ненавистник писателя. Забавно: теперь он папин сосед. Или вот история этой княгини Юрьевской-Долгорукой, которая была морганатической супругой Александра II, когда он овдовел. Он смог на ней жениться, но это был уже 1880 год, а в 1881-м его взорвали... Она умерла в 1922-м, в Ницце. Похоронена прямо через дорожку от папы. Он писал о ней в книге “Русские тайны Парижа”.

[январь 1973. Записано В. Мочаловой]

Стать философом очень просто. Надо поставить один вопрос и дать на него все ответы.

Например, зачем человек учится в школе? Он там учит всё непозволенное, чтобы, когда, например, попадёт в плен, сделать это непозволенное, – они же не ожидают, что он так сделает, – и убежать.

Зачем бежать из плена? Чтобы не быть на смерти.

А зачем не быть на смерти? Чтобы жить.

Зачем жить? Чтобы было много удовольствий. Если ты умрёшь, то не увидишь травы, не услышишь шорох листьев, не пошевелишь рукой.

...От плена можно так ещё избавиться: предать своих. Но и тогда убьют: и те убьют, и эти. Или простыдишься на всю страну, все же будут рассказывать – и простыдишься. Лучше бежать.

Вот зачем человек учится в школе. Ты сама могла бы догадаться об этом?..

---

⁴ Этому кладбищу посвящена последняя, посмертно вышедшая книга Бориса Носика “Был целый мир – и нет его... Русская летопись Лазурного Берега”, сопровождаемая предисловием Антона Носика (М.: Текст, 2016).

Мой первый рубль

[16.02.2001]

Свой первый рубль я заработал, когда отец взял меня в экспедицию на озёрном тягаче. Это были такие ужасно уродливые корабли, которые толкали баржу, вопреки своему названию. И там мне несколько раз капитан давал порулить судном – с последствиями, как я помню, катастрофическими. Но в конце нашего путешествия он начислил мне, по-моему, 63 копейки жалования как матросу за вахтой рулевого. А потратил я их в каких-то портовых городах – как сейчас помню, они назывались Ярославль, Кострома, Рыбинск, – на всякие гадости, которые мне безумно нравились и которые я купил в подарок маме. Это были какие-то чудовищные бижутерные диадемы, до сих пор страшно вспоминать.

Чему меня научил мой первый гомосексуальный опыт

[16.06.2016. ЖЖ]

Лет мне было 17, учился я на первом курсе ММСИ им. Семашко (ныне МГМСУ), и половину всякого рабочего дня проводил в метро, потому что кафедры нашего института были разбросаны по всей Москве, от Соколиной горы и Новогиреево до улицы *Саля-Мудия*⁵, что за Мнёвниками, напротив Крылатского. Учебный день мог начинаться практическими занятиями по хирургическому уходу на Коровинском шоссе, продолжиться латынью на Делегатской улице и завершиться физкультурой в Измайловском парке. Соответственно, значительная часть моей самостоятельной учёбы протекала в вагонах московского метро, по пути домой из института.

И вот еду я как-то ненастным осенним вечером из анатомического театра на Соколиной горе в сторону родной станции *Ручной факзал*, где-то в районе “Маяковской” удаётся урвать сидячее место, и я раскрываю второй том атласа анатомии Р.Д. Синельникова (в те времена студенты-медики учились по трёхтомному изданию, отпечатанному в ГДР). Я изучаю строение таза в сагиттальном разрезе, много нового для себя узнаю. Попутно замечаю, что интеллигентный очкарик, сидящий от меня справа, тоже внимательно рассматривает картинку, в которую я уткнулся.

Постепенно, ближе к “Войковской”, завязывается между нами разговор за жизнь, который мы, сойдя на конечной станции, продолжаем уже на скамеечке, от Рафаила Давыдыча и его красивых картинок отвлекшись. Обсуждаем тяготы студенческой жизни, сложности с учебной литературой (мой собеседник – старше года на три и учится на юрфаке), находим общие вкусы в музыке... Но постепенно начинаю я замечать во взгляде и интонациях нового знакомого (назвавшегося Аркадием) прежде незнакомые, но, увы, без слов понятные и совершенно мне неприятные признаки кое-как сдерживаемого полового влечения. Мне становится одновременно и жутко, и тошно, и неудобно от сознания, что мой визави, хоть и беседует цивилизованно за Jethro Tull и Yes, в то же время рассматривает меня как объект для полового акта и выгадывает момент, чтобы сделать мне какое-нибудь предложение по этому поводу. Стоит мне об этом подумать, как “Аркадий” вдруг вспоминает, что его квартира в двух остановках от метро совершенно свободна сегодня вечером, и там можно послушать новый диск “Квинов”. Так себе новый, конечно, слушан уже этот Hot Space и переслушан за полтора года, но у “Аркадия” – не жёваная какая-нибудь кассета с тридцать третьей копией, а оригинальный английский винил, вертушка “Грюндиг” с усилком и колонки крутые, предки из загранкомандировки привезли... Я каким-то непредставимым внутренним усилием преодолеваю оцепенение, встаю со скамейки, прощаюсь без рукопожатия и, резко развернувшись, ухожу к эскалатору, не оглядываясь. “Аркадий”, вероятно, так там и остался сидеть. Думаю, он меня понял не хуже, чем я его.

Хочется написать “больше мы с ним не виделись”, но шарик довольно маленький, прокладка узкая, и через четверть века наши аккаунты заружились на фейсбуке, где мой неудавшийся совратитель зарегистрирован под настоящим именем, со всеми регалиями. Он нынче – управляющий партнёр крупного венчурного фонда и гражданин Америки, в России бывает наездами... Но вернёмся в 1983 год.

Боже, какая мерзость, думал я, забившись в резиновые складки 233-го “икаруса”. Ну что за ёбанный стыд. Как же так можно?! Разговаривать с человеком как с другом, по душам,

---

⁵ Улица Саляма Адила.

интересоваться его мнением про арт-рок, когда на самом деле всё, чего ты хочешь, – это тупо его выебать... Фу таким быть!

А потом я вылез из автобуса на свежий воздух – и тут-то со мной случилась та самая тяжкая юношеская травма, которая в значительной степени предопределила всю мою личную жизнь в последующие 33 года. Мне в голову пришла простая мысль, которая обожгла меня, как удар тока.

Мысль о том, что и сам я, когда домогаюсь какой-нибудь девушки, просто потому, что нашёл её внешне привлекательной, выгляжу в её глазах в точности так же, как этот самый “Аркадий”. Который беседовать готов о самом разном, а хочет, в сущности, одного. И совершенно не того, чего хочется его собеседнику. И собеседник тоже это хорошо понимает, но по каким-то причинам вынужден терпеть этот кошачий концерт неуклюже завуалированной похоти. А иногда и уступить – но не потому, что так захотелось, а просто чтобы тему уже закрыть.

Перед моими глазами прошла череда моих юношеских донжуанских побед, уговоров, заманиваний, совместных распитий с понятной конечной целью; к слову вспомнилось определение “зануда – тот, кому проще дать, чем объяснить”. Мне стало стыдно за некоторые эпизоды, которыми, как мне казалось раньше, мужчина должен гордиться. И все эти мысли пришли мне в тот ненастный осенний вечер очень конкретным серпом по яйцам.

Можно сказать, что личная жизнь моя с той поры основательно переменилась. Я очень много приложил усилий к тому, чтобы никогда больше не показаться какой-нибудь девушке таким вот суетливым “Аркадием”, с дежурной болтовнёй на устах и похотью в голосе.

Довольно скоро выяснилось, что никакого особенного героизма такая перемена в поведении от мужчины не требует. Просто нужно повнимательней следить за собеседником, его реакциями на тебя и твои действия, пытаться понять его настроение и жизненные принципы, – перед тем, как решить, может ли между вами что-то случиться и уместно ли думать в этом направлении здесь и сейчас.

Это не значит, что женщин или секса в моей жизни стало меньше – тогда, или когда-нибудь впоследствии. Это всего лишь значит, что никакие мои отношения с прекрасным полом не выстраивались на навязывании себя, домогательствах и принуждении. Чужое “не хочу” стало для меня непреложным законом – именно в память о том моём собственном “не хочу”, которое я почувствовал в далёком 1983 году, встретившись с “Аркадием”. Почти 33 года с тех пор прошло, но я совершенно точно знаю, что ни у кого не хотел бы вызвать таких чувств и такой внутренней реакции.

Не стоит думать, что эта перемена сделала меня или моих подруг сильно счастливее в личной жизни, что я превратился в безупречного рыцаря и галантного кавалера и никакой женщине не дал повода для глубокой и долгой обиды. Может быть, даже наоборот: из-за нежелания кому-либо навязываться я всегда более охотно сходил с женщинами, явно проявлявшими ко мне интерес, – а при таких вводных довольно высока вероятность, что подруга заинтересована в тебе больше, чем ты в ней, и эта асимметрия создаёт почву для многих последующих обид и страданий. Кроме того, существуют на свете такие женщины, которые любят, чтоб их добивались, упорно и настойчиво, всеми средствами и любой ценой – как кузина Ира из прелестной заметки Славы Сэ, пушкинская Наина или героиня Джейн Фонды из последней соррентиновской мелодрамы. Возможно, если б я не боялся проявлять чрезмерную⁶ настойчивость, то с какой-нибудь из таких барышень мог составить бы вполне счастливую пару.

---

⁶ “Молодость” (2015).

СПИД

[2008. ЖЖ]

Я был знаком с человеком, который первым завёз на советскую территорию вирус иммунодефицита человека.

Он приехал в СССР в 1984 году из Африки. Советские газеты (в основном “Литературка”) пестрели в те времена рассказами о том, что СПИД нарочно выдуман в секретных лабораториях ЦРУ США для истребления жителей стран третьего мира, выступающих против американского империализма. Интересно, что первую публикацию на эту тему Советы разместили в каком-то индийском таблоиде, и “Литературка” ссылаясь уже на него, чтобы придать бреду видимость независимого мнения экспертов из стран неприсоединения. Фамилия мужика была Красичков, и был он инженер, родом из Запорожья. Ещё он был пассивный гомосексуалист. Советская власть оказала ему особенное доверие, послав строить в Танзании промышленные объекты.

Слово “Танзания” – новоязовское сокращение по типу КуКрыНикСов – возникло на пустом месте в 1964 году, когда власти независимой от колониализма с мая 1961-го страны Танганьики спонсировали геноцид мусульманских жителей соседнего острова Занзибар, тоже вполне независимого от европейцев султаната, чтобы его аннексировать. Геноцид прошёл удачно, аннексия состоялась, и, чтобы оставшиеся в живых жители Занзибара не чувствовали себя обиженными, страну Танганьика тоже переименовали в United Republic of Tanzania (TANganyika+ZANzIbAr). Советская власть решила, что новорождённую Танзанию стоит поддержать, покуда этого не сделали Британия и Штаты (слегка охувшие от геноцида в Занзибаре, но интересов в Восточной Африке не утратившие). Поэтому СССР обещал помочь Танзании наладить промышленное строительство. И послал туда лучшего своего специалиста, инженера Красичкова из Запорожья.

С задачами промышленного строительства наш инженер справился, надо полагать, на ура. Но и другие волновавшие его вопросы он тоже решил в лучшем виде. Нашлись независимые танганьикцы, готовые его любить, и они любили его, и заразили ВИЧ-инфекцией, о существовании которой мало кто в те годы знал что-либо. Потом его каденция в Дар-эс-Саламе закончилась, и он вернулся в СССР. Вернее, в Москву, благо танзанийский заработок давал такую возможность. А тут уже 30 человек полюбили его без профилактики, как Кукуц и Мукуц в сауне, с самыми разнообразными для себя последствиями. Москва – город греха, Фрэнк Миллер отдыхает.

Так инженер Красичков подарил Советскому Союзу “чуму XX века” (модное в те годы название СПИДа в прессе и документах ВОЗ), но известно обо всём этом стало лишь пару лет спустя, когда соввласть сподобилась закупить на Западе диагностические тесты, и при инфекционных больницах открылись лаборатории, где можно было провериться. Красичков каким-то чудом сообразил, что ему туда надо, – и в 1985 году стал узником 2-й инфекционной больницы на Соколиной горе, главной достопримечательностью в хозяйстве ведущего отечественного инфекциониста академика Петровского.

Что “чума XX века” – дичь и баян, любому человеку, смыслящему хоть немного в инфекциях, ясно было сразу. Путь заражения ВИЧ-инфекцией – т. н. инокуляция – в точности соответствует тому, как заражаются вирусным гепатитом В. Для гарантированного заражения возбудитель необходимо вводить в кровь, например, путём инъекции. Заражение половым путём требует наличия свежих повреждений слизистой оболочки, через целые покровы вирус не может пробиться. Исключение составляет задний проход, где близко к просвету кишки рас-

положена венозная сеть, и жидкости всасываются там в кровоток довольно активно. В общем и целом контагиозность порядка 0,4 % – то есть одно заражение на 250 контактов, считающихся опасными. При том, что контагиозность первично-лёгочной чумы, передаваемой воздушно-капельным путём, стремится к 100 %. Так что сравнение притянуто за уши. Однако ж в разных общественных и медицинских организациях сразу почувствовали, какие огромные бюджеты можно срубить под борьбу со СПИДом, и исключительно этими соображениями диктовалось частое повторение страшилки про чуму. Бог им судья. Вреда от этой страшилки всяко не случилось.

Красичков несколько лет прослужил наглядным пособием для студентов, ординаторов и аспирантов, изучавших на Соколиной горе инфекционные болезни (включая и автора этих строк). Потом он умер – приблизительно в то же время и от тех же причин, что и прославленный уроженец Занзибара Фарук Бульсара, которого от танзанийского геноцида спасло в 1964 году бегство семьи в Великобританию. К сожалению, от СПИДа 20 лет спустя оно его не спасло.

Другим весьма эффективным импортёром инфекции в СССР стал гражданин Республики Куба, боцман, ходивший в советские порты на торговых кораблях под флагом не помню какой страны. У него были густые усы и семья в шести портовых городах Союза, где его судну случалось бросать якорь. Понятно, что все шесть семей получили инфекцию: несмотря на всю мифологию про высокий уровень медицины у Кастро, презервативы боцман не уважал.

Дальше уже СПИД стал распространяться по СССР без помощи зарубежных гостей, поскольку сама по себе идея одноразовых шприцев, скарификаторов и капельниц была советской плановой медицине чужда. Они считались недопустимым развратом для советского человека, и нигде не употреблялись (кроме, вероятно, Кремлёвки). Так что в некоторых стационарах (в основном в провинции) счёт заражённых при медицинских операциях и трансфузиях шёл на десятки. Знания о СПИДе в те годы были в основном мифологичны, так что к заразившимся в обществе относились как к прокажённым в Средневековье.

NB: всю историю Красичкова и кубинского боцмана я пишу по памяти. Гугл про Красичкова знает только то, что я о нём сам писал где-то в ЖЖ. Есть ещё ровно одно свидетельство в форумах, от человека, видевшего Красичкова в 1985–1986 годах во время своей учёбы в медучилище.

О советской власти

[15.03.2006. Разговорчики]

Я много времени посвятил жизни при советской власти, у меня хорошая память, это трудно забыть, и трудно мне советскую власть полюбить. Я не люблю советскую власть. В разных её проявлениях. Не люблю тоталитаризм, не люблю мещанство, не люблю цензуру, не люблю показуху, не люблю чиновничество, бюрократию, спецслужбы, стукачей. Не люблю ограничений на свободу слова, передвижения и совести. Ну, и войну в Афганистане я не люблю, потому что застал это время, был реальным кандидатом.

Уехать. Вернуться. Снова уехать

[17.03.2017. ЖЖ]

Есть три ключевых пункта, которые важно понимать, рассматривая для себя возможность переезда.

№ 1. Идея уехать из родной страны в чужую не возникает просто так – при листании National Geographic или разглядывании пейзажей на Google Earth. В общем случае это признак крайней степени недовольства тем, как сложилась твоя жизнь в предложенных обстоятельствах. Очень важно понять, чем именно ты на самом деле недоволен в собственной жизни.

У подавляющего большинства задумавшихся об отъезде нет проблем ни с ФСБ, ни с ГУПЭ, ни даже с УБЭП, не говоря уже об ОПГ или бытовом антисемитизме. Зато есть проблемы с повседневным существованием, не приносящим радости. Необходимо разобраться, что именно в нём не устраивает. Потому что если, например, человек в родном городе сильно страдает от одиночества, то с переездом в чужую, незнакомую страну это чувство лишь усугубится. Если тебе трудно устанавливать контакт с людьми, с которыми ты говоришь на одном языке и читал в детстве одни книги, – вряд ли эти твои коммуникативные барьеры куда-то денутся при встрече с иностранцами.

№ 2. Каждый задумавшийся об эмиграции совершенно точно знает, откуда он собрался уезжать. Но очень мало кто представляет себе, куда он хотел бы попасть. В теории, конечно, легко сказать: хочу туда, где солнце, пальмы, тепло и не страшно. Но это всё равно что сказать: хочу жену с двумя ногами и двумя руками. Если вдуматься, под такое определение подходит даже Путин В.В. Но на самом-то деле нет на свете двух людей с одинаковым набором требований к стране проживания. И, по большому счёту, нет ни одной страны на свете, о которой можно составить полноценное представление на основании фотографий, чужих рассказов, журнальных статей, книг или фильмов.

Единственный способ избежать реальных больших обломов при смене места жительства – съездить в страну, куда ты собрался переселяться, и попробовать там пожить хотя бы те 90 дней, которые отпущены типовой туристической визой. Если в дальнейшем собираешься в этой стране учиться – провести какую-то часть этого времени на кампусах и в вузах, благо во всех странах, кроме России и Турции, вход туда свободный. Если хочешь делать бизнес – поизучать с близкого расстояния, как он там устроен. Если собираешься работать по найму – пообщаться с потенциальными нанимателями. В отличие от постсоветского пространства, западный мир – цивилизация открытых дверей. На человека, проявляющего интерес, там не смотрят как на шпиона. Если же за 90 дней в стране тебе там не открылась ни одна дверь – стоит задуматься, кому ты там нужен, и стоит ли туда ехать...

№ 3. Из большинства привлекательных в смысле эмиграции стран выехать не сложнее, чем въехать в них. Поэтому никакой переезд не стоит рассматривать как действие, предопределяющее всю твою судьбу до гробовой доски. Жизнь длинная, можно успеть пожить в любом количестве стран, в том числе – чередуя пребывание в разных полушариях, климатических и часовых поясах. Если не рассматривать никакой пункт назначения как твою судьбу до конца дней, гораздо легче смириться с его недостатками. Ибо, как говорилось в известной комедии, nobody's perfect.

Закон о возвращении

[август 1992. “Пятница”]

В полночь 16 августа двухпалубный речной теплоход “Коттон Клуб” отчалил от пристани напротив гостиницы “Россия” и взял курс на Бережковскую набережную под Киевским вокзалом. Входной билет – 500 рублей. В салоне, оклеенном плёнками серебристого целлофана, гроыхала музыка, пружинисто танцевали пары. За столиками последние могикане столичной богемы лихо опустошали бомбу за бомбой полусухого шампанского. Разговор не клеился. Десятый косяк шёл по кругу мимо иллюминатора, распространяя по салону неподражаемый сладковато-зелёный запах, но никого всерьёз не зацепляя. С верхней палубы, где пирующие забыли наблюдать время чумы, в чёрную воду летели пустые бутылки и пропадали, блеснув, в перспективе за кормой. Справа по борту тянулись сырые от дождей вишневые стены Кремля. Слева – яичная охра британского посольства, купола церквей, особняки прежнего и нынешнего купечества, открыточные виды дореформенного Замоскворечья. Потом – серая глыба Дома на набережной, стрелка острова, шоколадная фабрика, дом художников, тоже слева. А справа – бассейн “Москва”, бывший и будущий храм Христа Спасителя. Бесшумной птицей проплыл над головами Крымский мост, и вот уже слева – Парк культуры, а справа – Фрунзенская набережная. Впереди – Воробьёвы горы. Вверху – беззвёздное небо. На часах – половина первого. На корме кто-то, жадно раскрыв рот, глотает вечернюю порцию домашнего приготовления ЛСД. Ему вот-вот станет хорошо. Одна порция стоит доллар, а тащишься потом на все сто. Москва, как много в этом звуке.

– Расскажи, как ты там живёшь, – говорит Константин Эдуардович, глядя расслабленно за борт, на пролетающую мимо пустую бутылку. Шлёп! Бутылка исчезает в темноте. Константин Эдуардович тоже давно уже не коктебелец и даже не москвич. Он оставил квартиру на “Белорусской” и мастерскую на Фурманном, живёт в стране Германия, но на общей небрежности его стиля переезд в Среднюю Европу никак не отразился. – Я слышал, ты там в Палестине какую-то газету редактируешь. Разбогател, прославился...

– Слухи сильно преувеличены. Живу, конечно... Пока не голодаю. Вписываюсь в окружающий пейзаж. Расскажи лучше про Германию. Нужны ли там московские художники, и зачем.

Двухпалубный речной теплоход “Коттон Клуб”, обогнув Новодевичий монастырь, приближается к пристани у Киевского вокзала. В салоне пляшут рок-н-ролл, на палубе сосредоточенно блюют за борт.

– Ты, конечно, меня не узнаёшь?

– Почему же? Конечно, узнаю. Только имени не вспомню...

...Я возвратился в Москву после почти трёхлетнего отсутствия – не на белом коне, как мечталось деятелям первой эмиграции, не на белом лебеде, как какой-нибудь Лоэнгрин, и даже не на башне прошедшего пол-Европы закопчённого танка “Меркава”, как герой одного ненаписанного израильского романа. В первопрестольную доставил меня вечнобеременный лайнер бело-голубых авиалиний, далеко за полночь, в холодную августовскую изморось. Пограничник строго сверил лицо на визе с лицом за стеклом, прикинул на глаз возраст моей бороды и шлёпнул розовую печать. Таможенник отвернулся от моего саквояжа, стыдливый, как девушка, и сказал на мой вопрос о новых таможенных правилах в России: “Нас теперь вообще ничего не интересует”. В самом деле, ничего. Кроме разве что сигарет. Их у иностранца в России норочит стрелкнуть каждый встреченный солдат, милиционер, омоновец, и в особенности – таможенник и пограничник.

“Здравствуй, мама, возвратились мы не все”, – пелось в пятнадцатилетней давности тумановском шлягере. К израильским русским это, пожалуй, не относится. Из наших палестин, пусть на время, но возвратились все. И те, кто каждую ночь видел Россию во сне, и те, кто каждый день начинал с проклятий в её адрес. На любом сколько-нибудь достойном внимания светском рауте в Москве можно, наряду с Аксёновым, Войновичем и М.С. Горбачёвым, повстречать немало лиц, знакомых по Иерусалиму. Москва сегодня является центром репатриации гораздо более массовой, чем здешняя наша алия, да и принимают приехавших намного лучше. Во-первых, их там любят и уважают. Во-вторых, общее экономическое благополучие в “долларовой зоне” позволяет и гостям, и хозяевам ни в чём себе не отказывать... В-третьих, абсорбция в России отдана на откуп не правительственным чиновникам (которых вообще довольно трудно сыскать в столице проигравшего социализма), а родственникам и друзьям детства приезжающих репатриантов. В-четвёртых, полегче с жильём: укладываясь спать в своей квартирке на “Речном вокзале” через несколько часов после прилёта в Москву, я поймал себя на крамольной мысли, что впервые за почти что 30 месяцев смогу уснуть в своей – действительно своей, не арендованной и ни у кого не одолженной – постели. Чувство престранное, но нельзя назвать его неприятным. И, наконец, нет проблем языкового барьера, хотя у меня не меньше недели заняло выучивание новых российских слов и понятий – всевозможных ТОО, СКВ, РТСБ и СБСЕ (смысл последнего я так и не сумел выяснить; запомнил только, что Грузия в эту штуку уже принята).

Возвращенец на географическую родину задолго до своего отъезда в Россию начинает слышать от окружающих о предстоящей встрече с преступностью, антисемитизмом и голодом. “Когда попадёшь в Москву, не выходи из дому без баллончика, – напутствуют путешественника родные и близкие, заботливо округляя глаза. – В кипе на улицу не показывайся: убьют сразу. А все продукты, которые хочешь там съесть, возьми с собой из Израиля”.

Что касается баллончика – скорее всего, он действительно нужен московскому жителю. В первую очередь для хорошего самочувствия. Некоторые для той же цели предпочитают пистолет. Впрочем, ни перестрелки, ни даже приличной уличной драки мне в Москве за две недели пребывания увидеть не довелось. Я много гулял по столице в ночные часы – по Сретенке, Садовому кольцу, Речному вокзалу, Юго-Западу – никто так на меня и не напал, к большому профессиональному разочарованию. Постоянно присутствовало ощущение, что милиция, если что, за меня не заступится, однако надобности такой не возникло. Один раз, однако, я всерьёз приготовился к худшему: когда вдруг в два часа ночи на Сретенском бульваре навстречу мне из подворотни вышел странный человек и двинулся в мою сторону, широко разведя руки. Дело было на второй день моего пребывания в России. “Палестинец! – по иерусалимскому рефлексу мелькнула мысль. – Наверное, с ножом...”

Тут же я вспомнил, что палестинцы остались в четырёх тысячах километров к югу, что дело происходит в Москве, далеко от интифады. И, вздохнув облегчённо, я сделал решительный шаг навстречу ночному незнакомцу. Скорее всего, я толкнул бы его плечом, но он вовремя шарахнулся от меня в сторону. “Бойся, – понял я. – Правильно делает. Иначе мне бы пришлось бояться”.

В отношении антисемитизма положение со времени моего отъезда не слишком изменилось. По-прежнему погромы в Москве являются козырной темой – как для салонных бесед, так и для демократической прессы. При этом, как и в 1990 году, никаких погромов нет и не предвидится. В подземном переходе на “Пушкинской” можно купить десятки антисемитских и просто фашистских (с настоящей свастикой) изданий, “Еврейский вопрос” Достоевского, “Протоколы сионских мудрецов” и другую аналогичную литературу. Основными покупателями этой продукции являются столичные и заезжие из Израиля евреи. Издатели газеты “Память” до сих пор не могут сбыть тираж своего органа за февраль 1991 года. “Пульс Тушина” в нынешнем году вышел два раза, и оба номера лежат, пожелтевшие, как осенняя листва, у ног пожилой

продавщицы. “Покупайте, люди русские, патриотические издания!” – вялым голосом взывает она, покуда прохожие толпятся у лотка с последним выпуском газеты сексуальных меньшинств “Тема” и торгуются с продавцом брошюры “Как обойти российские налоги”.

– Дай-ка мне, мать, чего-нибудь патриотического, – прошу я. – А то давно мне в бусурманской земле Русью не пахло...

– Бери, сынок, бери, – расцветает продавщица, вставая на колени, чтобы дотянуться до патриотических изданий, разложенных на здоровенной простыне. – Каких тебе газет? Тут все хорошие, патриотические...

– А ты мне всех и дай, – говорю я, быстро усваивая её былинную интонацию. – Читать буду, знаний набираться... И “Завещание Гитлера” не забудь, больно название хорошее...

Лицо её омрачается искренним сочувствием ко мне.

– Дорогое оно, сынок, – говорит продавщица. – Пятьдесят рублей.

– Ничего, осилим с Божьей помощью, – говорю я, былинно почесав затылок под кипой. Продавщица принимается ползать по простыне, собирая к моим ногам ворох патриотических изданий. Здесь и “День”, и “Российское воскресенье”, и “Пульс Тушина”, и “Пульс России”, и “Наше время”, и “Молния”, и “Дело”, и “Положение дел”, и “Русские ведомости”, и “Родные просторы”...

– Возьмите “Земщину”, молодой человек, – слышу я над ухом чей-то печальный голос. – Вам очень полезно будет знать, что тут у нас происходит.

Оглянувшись, вижу рядом с собой лицо недвусмысленной национальности. Причём не одно. Зрелище израильтянина, скупающего патриотические издания, оказалось притягательно для десятка прохожих самого разного возраста. Обступив меня, они дают советы.

– “Казачьи ведомости” возьмите! Очень серьёзное издание... А “Русское национальное возрождение” вы уже купили?

– Слышишь, мать, что народ говорит, – обращаюсь к продавщице, – не утаивай ничего, всё в кучу вали! Чем больше мудрости – тем больше печали!

– Вам смешно, – укоризненно говорит инженерного вида экснострис, который присоветовал мне купить “Земщину”. – А нам здесь это совершенно не смешно. Нам всем это очень серьёзно...

– Адрес нашего посольства: Москва, Большая Ордынка, 54, – ледяным голосом прерываю я этот плач Иеремии Ярославны. – Когда вам станет достаточно серьёзно, добро пожаловать. А мне всё это смешно, чего и вам желаю.

Продавщица закончила окучивание патриотической печати, протягивает мне здоровенный сноп литературы и смотрит опасливо.

– 185 рублей, сынок, – говорит она, испытывая какое-то неудобство от непомерно великой цифры.

Я даю ей две сотни, и сдачи у неё, естественно, нет: видимо, я первый покупатель за прошедшую неделю...

– Оставь себе, мать. На развитие патриотического дела в России.

...В день моего приезда я побывал в пяти домах: у бабушки, у мамы, у соседей по дому, у друзей-художников. Пять раз я услышал: “Сними кипу, тебя за неё убьют”. И пять раз поблагодарил за предупреждение. Таковы были мои встречи с российским антисемитизмом.

Что же касается голода – его я в самом деле опасался, ежевечерне наблюдая по кабелям за многокилометровыми очередями в московские продовольственные магазины, видя в репортажах пустые полки универсамов и читая в “Маариве” о постоянной краже неизвестными контейнеров с гуманитарной помощью. “Наверное, напрасно я не взял с собой консервы из Израиля, – думал я, проходя таможеню. – Придётся худеть”.

Но уже дома, на “Речном вокзале”, отодвигая блюдо с чёрной икрой (“мне нельзя, мама, она некошерная”) и намазывая крупные зерна красной на ломоть рижского – с тмином – хлеба,

в ожидании печёной индейки из духовки, я расслабился: даст бог, с голоду не помрём. Салатиком перебьёмся (фруктовый салат в кафе “Марика” на Петровке: ломтики арбуза и дыни, персики, абрикосы, груши, сливы, виноград), рыбкой (осетрина фри, стерлядь, лосось, а для закоснелых сионистов – гефилте фиш в ресторане “Москва”), мяском (“язык не свиной, он говяжий, вам можно”, – официант в кафе “Чистые пруды”), жульенами, блинчиками с икрой, таралетками и киевскими котлетами (“только чтобы масло было растительное, пожалуйста”). Запивать будем джином “Гордон” или “Белой лошадью”. В минуты трезвости – апельсиновым соком “Яффо”, производимым почему-то в Греции. Или баночным пивом “Хайнекен”. Впрочем, Генделев об этом уже писал во “Времени”, прислал даже счёт за ужин на тысячу с чем-то рублей. Только он забыл приписать, что тысяча с чем-то рублей – это в сегодняшней Российской Федерации пять долларов... Возвращаясь из Москвы, я хотел везти с собой продовольствие сумками – жаль только, российские таможенные правила этого не допускают. Ограничился икрой.

...Теплоход “Коттон клуб” отчалил от Киевского вокзала и взял курс на Серебряный бор. В салоне снова танцевали, на палубе спали, на корме спорили увядающими голосами, кому очередь идти в трюм забивать косяк. За бортом проплыли Белый дом и Хаммеровский центр (справа), нарышкинская церковь и филёвский элеватор (слева). Затем началось что-то совершенно непонятное: какие-то заводы, заброшенные дебаркадеры, пустоши, флуоресцирующие деревни с обеих сторон...

– Поразительно, – заметил Илья Владимирович Ценципердт (именно так, ни в коем случае не пропускать “дт” на конце), обозревая невнятное Куинджи за бортом. – Сколько лет живу в Москве, никогда не подозревал, что в ней есть такие пейзажи. Век живи – век учись.

– Здесь должны быть Мнёвники, – сказал я. – Улица *Саля-Мудилия*, больница 67, кино-театр “Патриот”. А слева сейчас будет Троице-Лыково, Филёвский парк, Крылатское... Всё идёт по плану.

Вообще-то в Москве ничего не идёт по плану. Все, что может оказаться не так, оказывается. Например, договорившись вечером с продавцом из коммерческого киоска, что с утра я обменяю у него сто долларов, наутро я не нашёл на месте не только продавца, но и киоска. Только белёсый квадрат на пыльном асфальте напоминал, что вчера ещё это место не было пусто. А на следующий день поверх пятна на асфальте встал новый киоск – на сей раз газетный, и там сидел новый продавец. Та же история повсеместно повторяется с компаниями, биржами, банками, товарами и ценами: сегодня – одно, завтра – другое, послезавтра – что-то вообще непредсказуемое. В таком же ритме работает и российское правительство, каждый день принимая очередное постановление, отменяя вчерашнее и видоизменяя позавчерашнее. Справочник “Как обойти российские налоги” переиздаётся чуть ли не еженедельно, по мере добавления новых налогов и изменения старых.

Зарплату москвичам не платят по несколько месяцев. Впрочем, они на неё и не живут. Все, у кого есть машины, занимаются частным извозом. Прочие продают квартиры и мебель, посредничают, живут на переводы от закордонных родственников (прожиточный минимум в Москве составляет 5300 рублей, то есть 26,5 долларов на человека; средняя зарплата – 2000 рублей плюс-минус). Лишённые всех этих возможностей – в основном пожилые люди, пенсионеры и инвалиды – получают специальный подарок на похороны от столичной префектуры (бывшего Моссовета) в размере 2300 рублей. Столько стоит крепкий гроб с кистями для москвича среднего роста. Прочие – кроме гроба – расходы по собственному захоронению жителю российской столицы предлагается оплатить самостоятельно. Общая стоимость похорон на сегодняшний день составляет в Москве около 5000 рублей на душу населения. Точь-в-точь как прожиточный минимум.

– Нам лучше, – похвастался я, когда бабушка ознакомила меня с этими выкладками. – У нас “Сохнут” берёт на себя все расходы. Но только в первые три года. Они, собственно, и даются репатрианту на то, чтобы заработать на собственные похороны.

Последнюю фразу я, к счастью, договорил про себя.

...Теплоход “Коттон клуб” миновал теснину между Серебряным бором и Строгино, вошёл в шлюз и стал спускаться в направлении Водного стадиона. В рублёвом баре шампанское уже кончилось, в валютном – только начиналось.

– Я, собственно говоря, и не собирался никуда отсюда уезжать, – сказал Олег Борисович Генин с неизбывной печалью в голосе. – Все разъехались, а я так тут и оставался всё время. Но преступность меня очень сильно беспокоит. Сидишь в ресторане, обедаешь, и тут вдруг вламываются с автоматами...

– А ты дома обедай, – посоветовал я. – Впрочем, тоже, наверное, вламываются...

– Мысль, – откликнулся Генин. – Домой пока не вламывались.

...Когда мы высаживались на пристань у Киевского вокзала, над Москвой занималось утро. Меня подобрал заблудившийся рейсовый автобус непонятного маршрута. За двести рублей он согласился отвезти меня на Сретенку. Внутри сидело три-четыре смурных личности. На остановках вошли ещё двое. Куда идёт автобус – никто не спрашивал.

– Вот я, например, еду на работу, – внезапно сказал испитого вида человек в спецовке и красной каске. – Три часа утра, а я еду на работу...

– Четыре, – отозвались от задней двери. – Четыре часа утра.

– Вот и я говорю: куда идёт Россия?! – продолжал человек в каске. – Раньше всё было, а теперь уже ничего нет. И не будет, всё просрали. Будущее своё мы просрали. Я, например, еду на работу. А ты, мусульманин? – он неожиданно повернулся ко мне. – Ты где работаешь? Небось, на бирже... Или в эСПэ?

– Я работаю экономическим редактором газеты “Вести”, – неожиданно чётко и внятно сказал я, глядя прямо в глаза незнакомцу. – Я буду выпускать четыре полосы в неделю про экономику. Сейчас я в отпуске. И вообще я не мусульманин.

Автобус резко затормозил возле Ушей – чугунного истукана Н.К. Крупской на углу Сретенки и Бульварного кольца. В салоне зажёгся свет, и двери открылись. Я вышел.

– А кто же ты, мусульманин? – крикнули мне в спину. Двери лязгнули, и автобус уехал дальше по Сретенке в сторону бывшей Колхозной, ныне Сухаревской площади, увозя вопрос без ответа.

– Я работаю экономическим редактором газеты “Вести”, – повторил я, чувствуя, как ко мне постепенно возвращается чувство реальности. Сретенка спала, в отдалении вяло брызгала на асфальт и шуршала щетиной по мостовой поливальная машина. Фонари не горели, но над деревьями медленно растекался вишневый рассвет. Дул сырой утренний ветер.

– Сейчас я в отпуске, – продолжал я, подходя к подножью чугунной бабы. – Но послезавтра я вернусь в Иерусалим. И выйду на работу.

Надежда Константиновна молча смотрела прямо перед собой: через улицу, на дверь магазина “Цветы”. Её глаза навывкате были пусты. И я действительно вернулся в Иерусалим и вышел на работу.

Об эмиграции

[09.04.2005. “Эхо Москвы”]

Когда я уезжал, я понимал, что Россия может пойти по одному из двух путей развития. Один путь развития – это развал советской власти и построение на её месте какого-то нормального осмысленного государства с нормальной экономикой. В этом случае я уезжаю не навсегда. Другой вариант – возврат, восстановление, реставрация старых советских порядков, колючей проволоки, железного занавеса. И тогда могло бы так случиться, что я долго ещё не попаду в эту страну. Но я был совершенно уверен, что во втором случае хотел бы быть по ту сторону колючей проволоки, а не по эту.

Оптимистический сценарий моего отъезда сбылся. Здесь действительно образовалась нормальная страна с открытыми границами, в которой можно в любой момент уехать и приехать. И логика того дела, которым я занимался последние несколько лет перед своим возвращением – интернет и построение киберпространства, – предопределяла, что место моё – с русским языком, с русскими гуманитарными интересами, место моё – в метрополии, в Москве, а не в Израиле, где русский язык маргинален и носители его маргинальны.

Я не собираюсь жить вечно, поэтому не думаю, что у каких-то из моих действий есть вечные последствия. Я считаю, что живу в мире без границ, где производственная необходимость, или семейная необходимость, или какая-то другая жизненная необходимость может заставить меня поменять место жительства на любой – даже продолжительный – срок.

Нет такого человека, который называется “эмигрантом из Великобритании”. Нет такого человека, который называется “эмигрантом из США”. В свободной стране человек свободен, он встаёт и едет. Он не меняет при этом статуса. Его свобода подразумевает свободу выбора места, где он в эту минуту находится. Существует, наверное, полмиллиона граждан западных стран, которые постоянно живут и работают в Москве. Ни про кого из них мы не говорим “эмигрант”. Мы можем произнести английское слово “экспат”, можем сказать “иностранец”, но мы не говорим “эмигрант”. И даже непонятно про гражданина свободной цивилизованной западной страны: в какой момент, по какой причине мы бы начали называть его “эмигрантом”? Если же мы возьмем любую тоталитарную страну, будь то Иран, Ирак, Северная Корея, Белоруссия, то уроженец этой страны, находящийся в другом месте, находится в эмиграции. Почему? Потому что это тоталитарная страна, которая для своих граждан является концлагерем, которая обнесена колючей проволокой, и пересечение этой колючей проволоки означает для человека переход в другой статус. Этого нет в цивилизованных странах.

О России

[09.04.2005. “Эхо Москвы”]

Эта страна – часть меня, необходимая часть меня, без которой я не мыслю своего существования. Это та часть моей жизни, которая занимает значительную часть моих мыслей, и я – часть этой страны. Такое ощущение сопричастности у меня возникает с этой страной и не возникает с огромным количеством других стран, более счастливых, благополучных, богатых, сытых, и таких стран, в которых я предпочёл бы вести бизнес. Но моё место – здесь.

Почему я dolboeb

[11.05.2016. ЖЖ]

В 1996 году в интернете практически не существовало площадок, использующих логин пользователя в качестве публичного адреса URL. Даже крупнейший в ту пору веб-хостинг GeoPages (поглощённый Яхой и переименованный в GeoCities) присваивал страницам своих абонентов цифровые, а не буквенные адреса. Ники (они же юзернеймы, логины, имена пользователей) в ту пору предназначены были исключительно для приватного захода пользователей в свои личные кабинеты в разных системах, поголовно англоязычных. Они были известны только самому пользователю и бездушному американскому сервису. Доступ третьих лиц к этой информации не предусматривался.

В половине таких сервисов, придя туда в 1995-м, я успел бы ещё назваться anton. В остальных этот логин был уже занят моими тёзками. Можно было, конечно, использовать для тех же целей фамилию – но тогда пришлось бы запоминать, через сколько s я её написал, когда регистрировался в данной конкретной системе (у меня есть и паспорта, и кредитные карточки, где моя фамилия написана разными способами). Чтобы не морочить себе голову, я придумал некий универсальный логин, который был гарантированно свободен в любой англоязычной многопользовательской системе, поскольку на английском это слово является бессмысленным набором букв. Зато интуитивно совершенно понятно, как оно должно писаться латиницей. Так возник логин dolboeb, и в последующее пятилетие я с ним зарегистрировался в полусотне различных сервисов, платных и бесплатных. Везде он был предсказуемо свободен, как я и рассчитывал.

Когда в моей жизни появился ЖЖ, у меня и в мыслях не было, что он когда-нибудь станет моей главной публичной площадкой. Я зарегистрировался там в феврале 2001-го, просто чтобы протестировать новую и революционную по своим возможностям систему самопубликации. Писал всякие “lorem ipsum dolor sit amet”⁷, “The quick brown fox jumps over the lazy dog”, копипастил случайные отрывки из онлайн-статей – короче, тестировал HTML-вёрстку, чисто для собственного понимания функционала. Никакой потребности самовыражаться через эти посты у меня в ту пору не было: к тому времени я уже пять лет вёл свой блог “Вечерний Интернет” на московском хостинге, а попутно совмещал полдюжины главноредакторских и гендиректорских должностей в разных медийных стартапах и холдингах (“Лента. ру”, “Рамблер”, “МеМоНет”).

Когда случилось так, что ведение блога в ЖЖ меня увлекло и стало занятием регулярным (из-за простоты самопубликации по сравнению с ручной вёрсткой HTML и приятной подбравшейся компании коллег на этом хостинге), статус записок остался приватным. Мне совершенно не нужно было, чтобы здешние мои мнения и суждения кто-нибудь из пишущей братии начал вдруг цитировать как официальную позицию “Рамблера”, “МеМоНета” или “Ленты”. В этом смысле было очень даже хорошо и удачно, что журнал называется dolboeb: цитировать источник с таким адресом в качестве чьей бы то ни было официальной позиции рука действительно ни у кого не поднялась. Правда, уже в 2005 году по поводу одного из постов в моём ЖЖ случилось уголовное разбирательство в Головинском райсуде, и тогда уж коллеги из разных СМИ, освещавших процесс, не упустили случая повеселиться над названием иска... А когда спустя ещё несколько лет пришла пора регистрироваться в твитыре и фейсбуке, то ник,

---

⁷ Классический текст-“рыба” (условный заполнитель, вставляемый в макет страницы), искажённый отрывок из философского трактата Марка Туллия Цицерона “О пределах добра и зла”.

одноимённый этому ЖЖ, мне там уже не достался. Как и никакой домен с использованием этого имени: всё расхватили поклонники. Поэтому пришлось поменять последнюю букву. В твитыре, инстаграме и некоторых других сетях мой аккаунт называется dolboed. Именно под этим ником меня фолловят Путин с Медведевым.

Могут ли долбоёбы из РКН запретить слово dolboeb

[22.03.2017. ЖЖ]

Покуда я путешествовал, Роскомцензура вынесла предупреждение изданию “Эксперт-Урал” за цитирование моего ЖЖ и конкретно ника dolboeb. Почему так повезло именно “Эксперт-Уралу” – ума не приложу. “Яндекс. Новости” подсказывают, что таких предупреждений можно было бы вынести по меньшей мере 657 – столько заметок с упоминанием заветного ника dolboeb находится первым же запросом к базе новостного агрегатора.

Среди “нарушителей”, которых можно было бы привлечь ровно за то же самое, – государственные “Российская газета” и “Парламентская газета”, немецкий медиаконцерн Deutsche Welle, газеты “Аргументы и факты”, “Комсомольская правда”, “Московский комсомолец”, “Коммерсантъ”, “Ведомости”, “Деловой Петербург”, “РБК daily” и “Труд”, журнал “Компания”, сайты “Газета.ру” и “Лента.ру”, агентства “РИА Новости” и “Интерфакс”, издание “Трибуна Общественной палаты” и сотни других партнёров агрегатора. Но случилось так, что доебались именно до “Эксперт-Урала”. Ибо главная отличительная особенность российской цензуры – полное отсутствие логики и здравого смысла в её решениях.

Речь тут, похоже, идёт не о политическом сыске, охоте на ведьм или попытке запугивания кого бы то ни было, – а просто сидит в козырном офисе Роскомцензуры на Китайгородском проезде какой-то долбоёб на казённой зарплате, которому нужно время от времени оправдывать своё бессмысленное торчание в этом служебном помещении, генерируя документооборот в соответствии с квартальными планами руководства. Там заранее расписано, сколько нужно вынести предупреждений в единицу времени, сколько сайтов заблокировать, у скольких СМИ отозвать регистрацию. Единственный смысл этой деятельности – в сдаче отчётов, подтверждающих, что планы руководства выполнены. Лучше б, конечно, эти говноеды в компьютерные игры там играли, как в гениальной повести Пелевина о буднях постсоветской бюрократии. Отчёты о проделанной работе получались бы не менее содержательны. Но, увы, Пелевин сильно идеализировал нашу действительность. В реальной жизни Роскомцензура обязана ради отчётности доёбываться до СМИ и сайтов, чем и занята.

Редакция “Эксперт-Урала” на этот наезд ответила очень юридически грамотным разбором, ссылаясь на ГОСТы по транслитерации, согласно которым русское слово “долбоёб” допустимо писать латиницей как dolboyob или dolbojob, а не так, как называется этот ЖЖ. Если в дальнейшем предупреждение поступит ещё какому-нибудь СМИ, можно попробовать использовать ту же ссылку на действующий ГОСТ Р 7.0.34-2014 по транслитерации русского письма.

Но на самом деле в русском языке не может быть слова dolboeb, просто потому, что алфавитом русского языка является кириллица. Слова, написанные иным алфавитом, не могут рассматриваться как русские, потому что не существует ни одного словаря нормативного или ненормативного русского языка, по которому их можно было бы классифицировать. Нормы русского приличия недопустимо применять к иностранным словам, будь то бельгийский город Нуу многократно упоминаемый Конфуцием китайский Нуи или испанское слово huesos, означающее всего лишь “кости”. Хотя, если б чинуши из Роскомцензуры приняли это слово на свой счёт, они были бы недалеко от истины.

“Газета. ру”

[06.10.2008. ЖЖ]

Времена создания “Газеты. ру” я вряд ли когда-нибудь забуду. Это был первый в моей жизни стартап, и первый опыт менеджмента. До тех пор я свято убеждён был, что мой удел – создавать и продавать собственные тексты, а задача рулить чужим творчеством не отвечает моим внутренним потребностям и складу характера. Это, кстати, совершеннейшая правда. Ни в каком нормально функционирующем издании, будь то интернетовском или бумажном, я в качестве главреда нахер не нужен. Но тут надо сказать большое и отдельное спасибо Глебу Павловскому, угадавшему близкую мне нишу и подсказавшему мне то, о чём я сам прежде не догадывался. Что есть противопоказанная мне многолетняя менеджерская пахота главного редактора, рутинная и изнурительная, а бывает, в одноимённой должности, и совсем иная работа – творческая, взрывная, неповторимая и одноразовая: создание нового проекта с нуля. Придумывание ему названия, форматов, рубрикатора, пожеланий к движку и дизайну, формирование команды, поиск исполнителей и партнёров...

Сперва оказалось, что я всё это умею. Потом выяснилось, что я всё это люблю, и что мне всем этим интересней заниматься, чем сочинением собственных статей или любым иным видом руководящей работы. Так в декабре 1998 года определился род моих занятий на последующее десятилетие. Через полгода после запуска “Газеты. ру” я уже понимал, что и дальше стану повторять этот сценарий: пришёл, придумал, сделал, запустил, вывел на орбиту, пошёл что-то новое придумывать. Так оно и вышло. И все мои попытки соскочить со стартапной колеи – будь то в кресло президента “Рамблера” или на почётную пенсию Social Media Evangelist в компании <суп> – лишь подтверждали правильность поговорки про “не свои сани”.

Ваять с нуля стартапы – моя работа. И сегодня я снова занят тем же, что отнимало 17 часов в моих сутках в декабре 1998 года. И мне по-прежнему нравится этим заниматься. И я даже отчётливо представляю себе два ближайших проекта, которыми займусь сразу же после того, как “BFM.ru” заработает в полную мощность.

Об отдыхе

[04.07.2001. “IT-Daily.ru”]

Единственный способ отдохнуть – это сесть в первый попавшийся самолёт и улететь куда-нибудь, в такое место, где плохо ловится “БиЛайн”. Лечь там на камни, на берегу какой-нибудь Темзы, Адриатики или Атлантики, подставить лицо морскому ветру, слушать чаек и с тоской отсчитывать часы до обратного рейса.

О “Живом Журнале”

[15.03.2006. Разговорчики]

Когда я создавал ЖЖ, у меня на погонах было написано: генеральный директор и главный редактор “Лента. ру”, главный редактор холдинга, в который входит “NewsRu.com” и ещё некоторое количество... То есть я был ой какая публичная фигура. И когда я начал писать дневник, главное для меня было то, чтобы через этот дневник в мою жизнь никто не лез. То, что я имею сказать прессе, я имею сказать прессе. Для этого мне звонят, я даю комментарии – они выходят. А дневник – это “я пошёл”, “я поехал”, “я проснулся”, “я посмотрел кино”, “я прочёл книгу”... И не трогайте. Поэтому там нецензурное название, там есть запись: “Всё, что вы здесь прочитали, не надо обсуждать в СМИ, обсуждайте здесь – нажмите на comments и обсуждайте”. Приоритетом при создании ЖЖ для меня было оградить его от медийности. С тех пор прошло время, я утратил свои статусные позиции, и у меня уже нет этой проблемы – своим дневником я не могу уже поставить в неудобное положение какую-то корпорацию как её сотрудник, это уже без разницы. Сейчас медийность этого блога идёт своим чередом. Но я пишу свой журнал не для того, чтобы его хотело читать побольше народу. Человек пишет о том, куда он поехал, куда приехал, в какой стране он находится... Я не понимаю, кому это может быть интересно, кроме моей мамы, например.

Америка

[2008. ЖЖ]

До 35-летнего возраста я был абсолютно убеждён, что в Соединённые Штаты Америки не попаду никогда. Потому что для поездки в эту страну и израильтянину, и россиянину в ту пору необходимо было отстоять серию километровых очередей с интервалом в несколько недель: сперва взять/заполнить/сдать анкету, а потом проходить интервью. До знакомства с MP3-плеерами у меня была стойкая идиосинкразия к очередям, и представить себя отстаивающим часы на московском морозе или тель-авивской жаре, в толпе унылых сограждан на Новинском или крикливых арабских семей на ха-Яркон, я затруднялся начисто.

Но однажды, в конце 1999 года, с лёгкой руки друга моего Осколкова-Ценципера, французский журналист Пьер Доз взял у меня очередное интервью для газеты Le Monde (они у меня их брали несколько раз между 1998 и 2008 годом, и всегда примерно на одну и ту же интернетовскую тему). Интервью с большим портретом работы Сергея Дондуряна благополучно вышло в пятничном приложении к газете весной 2000 года, и там его прочли несколько ООНовских франкофонных барышень, которые тотчас же захотели вовлечь меня в орбиту своей деятельности. Поэтому они включили моё выступление в повестку пятого United Nations Television Forum, и заместитель генсека ООН по коммуникациям, некто Kensaku Hogen, прислал мне на номер “Ленты. ру” пригласительный факс, который я со спокойной душой проигнорировал, понимая, что в очередях за визой стоять не готов. Г-н Kensaku Hogen не унялся, и спустя ещё 3 месяца прислал новый факс, который постигла та же судьба. На 12–15 ноября 2000 года я со спокойной душой подтвердил участие в новосибирском фестивале “Интернить”, понимая, что Америки мне не видать, даже если Кофи Аннан лично будет меня звать на ланч, потому что визы нет, и я за ней не пойду.

Я недооценил возможности Объединённых наций по визовой поддержке. Пока я радовался жизни в Новосибирске, московский офис ООН поставил мне в загранпаспорт американскую визу и купил билет до Нью-Йорка. О чём сообщил мне по телефону изрядно охуевший шофёр Саша, как раз когда я собирался сделать spare в боулинге на Железнодорожной магистрали. Саша добавил, что вылетать из Москвы надо завтра. Я промазал по всем кеглям, извинился перед коллегами, что не смогу завершить партию, вышел на улицу, поймал такси и через пару часов уже летел в Москву. На завтра, в некотором ошолбенении от случившегося, я вылетел в Нью-Йорк.

Впечатление, которое произвели на меня огни большого города, описывать, наверное, нет смысла: оно для этого слишком банально. Вероятно, любой европеец, попав в густые небо-скрёбные леса Манхэттена, испытывает одну и ту же смесь изумления, любопытства, тревоги, восхищения и сознания собственной здесь неуместности. В моём случае ситуация усугублялась неспособностью переварить сам факт, что я попал-таки в ту самую Америку, про которую до этого 35 лет кряду знал совершенно точно, что никогда здесь не окажусь. Практически, это было ощущение сродни попаданию на тот свет.

Но какой же может быть тот свет без обитателей потустороннего мира – людей, в прошлой жизни тебе близких, с которыми ты успел попрощаться навсегда при последнем расставании, а теперь вдруг выпала возможность снова свидеться. В Нью-Йорке я повстречал друзей институтской юности. А после выступления на Телефоруме отправился в Бостон, где в окрестностях Линна, штат Массачусетс, обитает моя многочисленная родня с отцовской стороны: три тёти с мужьями, три кузины и целый выводок племянников и племянниц. Все они покинули

СССР в конце⁸1980-х, покуда я путешествовал по Европе и собирал пожитки в Израиль. Все они расселились на берегу Атлантического океана, где мой живущий в Париже отец их регулярно навещал, а мне рассказывал истории про тамошний быт, которые мне трудно было как-то визуализировать, поскольку я Новой Англии не мог представить себе вообще никак.

Я приземлился в Логане под вечер, и встречали меня сестрички Катя и Маша, из России уехавшие школьницами. Теперь это были две прекрасные американские барышни в возрасте под⁹27 и ростом выше меня. Оказалось, что Маша преподаёт философию в BU.edu, а Катя – художница, иллюстратор и компьютерный график. Они посадили меня в какую-то необъятных размеров машину и отвезли в Свомпскотт, где уже ждала вся остальная родня. С того самого вечера я перестал воспринимать Америку как аналог загробного мира на Земле и начал ощущать её вполне себе нормальной страной, не меньше России и значительно больше Израйля приспособленной для проживания высших приматов.

Жизнь в Новой Англии сильно отличается от московско-нью-йоркской муравьиной мельтешни, толпы и суматохи. Люди там живут в основном в отдельных домах, с участками, как на Рублёвке, только без ментов и ВОХРы на каждом шагу. При этом никому не приходит в голову запирать оставленную на улице машину. В местной газете Swampscott Reporter публикуются новости о том, как героические пожарники в течение нескольких часов снимали с дерева сдуру залезшую туда кошку, и о том, как в еврейском общинном центре полным ходом идёт подготовка к дебатам Kabbalah and Eros: Spirituality and Sexuality с участием одного из полудюжины местных раввинов (при населении в 12 000 человек Свомпскотт насчитывает 5 синагог – больше, чем я их знаю в Москве, – хотя ни одного религиозного еврея мне там ни разу встретить не удалось; чаще синагог тут попадаются лишь похоронные конторы). Дорога от дома до торгового центра на Vinnin Square идёт через гольфовые поля. Говорят, по соседству, в Marblehead, купил себе дачу М.С. Горбачёв, и его даже видели в местном рыбном ресторане “Антонио”, на скале над океаном, а в многочисленных синагогах он то и дело выступает с лекциями для односельчан о международном положении (я не шучу, это есть в анонсах Marblehead Magazine). Чуть северней находится Салем, знаменитый своими ведьмами и “Домом с семью фронтами”. А на меня из окрестностей самое сильное впечатление произвёл католический (ирландско-итальянский) городишко Нахант, на островке в океане, соединённый с материком с помощью насыпной дамбы с двухполосным шоссе. Половину площади острова занимает кладбище: мужчины городка долго любили отправиться за океан на какую-нибудь мировую войну и вернуться оттуда в гробу со всеми воинскими почестями. В последние полвека, впрочем, их потомки подались в лавочники, и умирают там в основном от старости, причём редко и неохотно. О каждом умершем местная газета печатает некролог – не за деньги родных, как в Израиле, а вполне себе редакционный материал для модной в американских газетах рубрики Obituaries.

За пару дней освоив навыки жизни в Свомпскотте, я по приезде в Россию сразу же выправил себе в загранпаспорт трёхлетнюю американскую мультивизу через юридическую службу одного местного концерна, ныне уже слитого и поглощённого. Оказалось, что для этого не требуется вообще никаких собеседований, достаточно знать правильных людей и заручиться нужными бумажками. Дело, впрочем, было за 8 месяцев до падения Близнецов. Но виза моя служила мне верой и правдой до самого 2004 года, невзирая на все устрожения въездного режима. Когда она закончилась, я в интернете забронировал интервью в консульстве в Восточном Иерусалиме и за пару часов получил в израильский паспорт мультивизу до 2016 года. По которой и предполагаю сегодня въехать в США через Атланту, штат Джорджия.

⁸ Сёстры Бориса Носика – Лидия, Татьяна и Алёна.

⁹ Екатерина Попова (дочь Алёны Носик), Мария Граник (дочь Татьяны Носик).

В этом месте я вынужден прервать рассказ об Америке по той же самой причине, по которой раньше его тут начал: пора туда лететь.

О Горохе

[2004. ЖЖ]

В четверг 1 июля 2004 года в немецкой клинике, не приходя в сознание, умер от рака замечательный художник Эдуард Семенович Гороховский (1929–2004).

Ужасная в своей неотменимости мысль, что людям старше семидесяти, в общем, предстоит только одна важная веха в жизни.

Особенно если учесть, что и отцу моему, и отчиму, и большинству тех людей, среди которых я вырос, теперь уже больше семидесяти.

С другой стороны – бабушке моей, умершей в октябре 2003 года, было без малого 94. Но последние семь лет она восприняла скорее как мучительное наказание непонятно за что, чем как счастливую отсрочку неизбежного. Не дай бог никому.

[январь 1973. Записано В. Мочаловой]

(Матери): Я хочу только одного: чтобы ты жила и была бессмертной.

Музыка в моих ушах

[2008. ЖЖ]

В августе 2006 года посреди ночи неизвестные доброжелатели на пересечении Малого Сухаревского переулка с Цветным бульваром разбили пассажирское стекло моей машины, чтобы спиздить довольно-таки невпечатляющий Pioneer, переднюю панель которого им удалось разглядеть через окно в свете фонаря. Не знаю, на бутылку или на стакан водки они обменяли свою добычу, но я с тех пор решил в машину никакого звуковоспроизводящего устройства не вставлять. А вместо этого обзавёлся разнообразными айподами: сперва видео, потом нано, потом (из любопытства) shuffle, и, наконец, Touch. Для слушания через них музыки я сперва использовал приставные колонки, и лишь год спустя открыл для себя существование наушников... Как бы то ни было, спасибо безмянным ублюдкам с Малого Сухаревского за моё музыкальное развитие. Если б не они, я б по сей день чередовал в машине “Эхо Москвы”, “Наше радио” и 104.7FM. А так – насобачился скачивать и слушать в компьютере цифровую музыку.

Благодаря новой привычке жизнь моя изменилась кардинально. И перемены пришлись как нельзя более кстати, потому что шофёр мой Николай окончательно собрался умирать (в Блохинвальде проморгали рецидив чуть раньше залеченного рака горла), а личная помощница Наташа отправилась делать академическую карьеру на поприще романо-германской филологии. Нанимать другого РА (Personal Assistant – *ред.*) и другого водителя оказалось мне не под силу, потому что подходящие кандидаты за любые деньги к тому моменту в городе уже перевелись. Стало быть, пришло мне время, перешагнув рубеж сорокалетия, осваивать все те навыки, во избежание которых я и держал столько лет на зарплате шофёра с помощницей: обслуживать машину и торчать в разнообразных очередях. Не будь у меня в кармане айпода, а в ушах – наушников, я бы, наверное, с ума сошёл от этой новой реальности. А с музыкой я её вообще не замечаю. Даже скорее наоборот, меня радует мысль, что надо куда-то поехать убить несколько часов в очередях, то есть, никуда не торопясь и ни на что не отвлекаясь, спокойно послушать хорошую музыку в одиночестве. Мне даже машину вызволять от эвакуаторов было по кайфу, по той же самой причине.

Мне теперь даже нравится ездить по городу за рулём, без шофёра. Потому что и вождение, и торчание в пробке, и бессобытийный перегон в сотни миль по американским хайвеям превращаются в опыт совершенно другого порядка, когда взаимодействуют твоё настроение, твоя схема движения и музыка в твоих ушах... Сегодня, например, вечером я завёз коллегу после ужина куда-то на край обитаемой Москвы и, возвращаясь домой, воткнул в уши Intergalactic Boogie Express. Будь там какая-нибудь другая музыка, я, может быть, доехал бы домой от Героев-Панфиловцев за 12 минут. Однако Фрипп с его умелыми гитаристами заставили по дороге не только заправить машину, но и помыть её. Диск довольно длинный, так что, когда я входил домой, как раз включился предпоследний трек.

Я вчера женился

[13.02.2008. ЖЖ]

Мы с Аней вчера сочетались гражданским браком.

Для людей, проживших до этого 4 года в любви и согласии, успевших за это время завести пятимесячного ребёнка и почти четырёхлетнюю кошку (боже, как время быстро летит), штамп в паспорте – не бог весть какая вежа. Но, во-первых, никто из нас не сирота, а во-вторых, у Ани это первый в жизни опыт. Так что ограничиться 15-минутным заполнением бумажек в кабинете Гагаринского отделения ЗАГС нам не светило. Поэтому мы отправились на 59-й этаж западной Башни Федерации, где в узком кругу родителей и подруг невесты слегка празднично пообедали, а продолжение банкета устроили в офисе <суп>а на Смоленке.

О Лёве

[21.05.2013. “Летидор”]

С рождением сына в моей жизни резко и довольно неожиданно переменились все приоритеты. До рождения Лёвы главное место в моей жизни занимала работа. А с его появлением рабочие планы оказались подчинены семейным. Не говоря уже о графике путешествий, занимающих важное место в моем распорядке жизни. Все они теперь планируются с учётом двух факторов: можно ли взять туда с собой Лёву, а если нельзя, то с кем его оставить.

Моя привычка брать с собой повсюду Лёву рифмуется с моим собственным детством. Другой вопрос, что папа начал меня брать с собой с семи лет, когда родители развелись, а мы с женой первый раз взяли Лёву в Индию, когда ему было три месяца.

Жизнь в Москве – это и для взрослых, и для детей в высшей степени нездоровое занятие. Водоёмы загрязнены, воздух отравлен, солнца нет, продукты в магазинах неизвестного происхождения. Аллергии и простуды у детей для Москвы являются нормой. Дети, растущие в Индии, мало про это слышали. Они всё время на воздухе, на солнце, купаются в океане, едят свежие фрукты, есть куча разных детских развлекательных и развивающих программ при разных заведениях, до которых не надо добираться полтора часа по пробкам в одну сторону, потому что весь Северный Гоа проезжается насквозь за 40 минут, от Порворим до Махараштры.

Я формировал свои религиозные взгляды самостоятельно. Надеюсь, Лёва поступит так же. Я не верю в то, что ребёнку можно дать “религиозное образование”. Главный навык, который в этом смысле полезно прививать ребёнку Лёвиного возраста, – плюрализм и терпимость, понимание того, что разные люди верят в разные вещи, и происходит это совершенно не потому, что мы – хорошие, а все остальные – плохие, глупые, еретики, и гореть им в аду. В еврейском детском саду Лёве рассказывают какие-то вещи про иудаизм, в индийской деревне он окружён католиками, картинами и статуями Христа и девы Марии, в Москве он видит православные храмы, а его любимые мультяшные персонажи – Шива, Ганеша, Рама и Хануман. Религиозная вера в принципе импонирует любому ребёнку, потому что в детском возрасте сказки и чудеса имеют особенную притягательную силу. Но выстраивать свои взаимоотношения с Богом каждый человек должен самостоятельно. У Лёвы это получается очень хорошо: он по натуре фантазёр, и как только наталкивается на какие-то противоречия между религиозной картиной мира и естественнонаучными сведениями, тут же принимается придумывать свои собственные объяснения. На днях, например, он порадовал меня гипотезой, что Бог создал обезьяну, чтобы мы от неё произошли.

О мозгах

[24.04.2012. iForum-2012 в Киеве]

Счастье состоит в том, что тупой жлоб не может никого сделать тупым жлобом. Умный может в толпе тупых жлобов воспитать одного умного. Можно поднять людей до своего уровня. Можно научить людей языкам. Нельзя отучить людей, которые знают язык, знать язык. И людей, которые умеют читать, нельзя отучить читать.

Есть люди, которые добились миллионов своими мозгами. Изначально это люди, которые умели увлечься. Умели себя сжигать, не спать ночами, забыть о сексе, о еде, потому что их от чего-то проперло. Это, например, Тёма Лебедев, который третий раз едет на ёбаную Чукотку. Никто из нас туда не поехал бы за большие деньги. А его прёт от этого.

У Билла Гейтса дедушка – миллионер, банкир. Ему вообще не надо было бабла. Он мог унаследовать семейный банк и зарабатывать те же миллионы. Он с Балмером жил в гостинице – жили они по времени Токио, потому что у них были контрагенты в Японии. Они жили в одном гостиничном номере и разговаривали весь день по гостиничному телефону, потому что мобильных тогда не было.

Стив Джобс вышел из Apple в 1984 году, вышел с баблом. Его выгнали, и у него остались сотни миллионов бабла – у мальчика-подкидыша из семьи механика и провинциальной учительницы. Он вышел с деньгами, которые сегодня по платёжеспособности равны миллиардам. Он оказался на улице. Без работы. Он отдал всю свою профессиональную жизнь Apple. Жизнь его закончилась.

Он мог взять это бабло, поехать в Индию, построить себе дворец размером с Тадж-Махал, нанять тысячу слуг, сидеть себе в позе лотоса, курить траву и медитировать на закат. На острове в Раджастане. На пляже в Арамболе. Под деревом баньян у пресного озера. Он мог купить себе остров, купить океан. Он мог пинать хуи до сегодняшнего дня. Вместо этого он пошёл, создал Next и Pixar, купил на эти деньги Дисней, на акции Pixar, став крупнейшим индивидуальным акционером Диснея, – и вернулся в Apple с зарплатой в 1 доллар.

Я миллионером был ещё в 1988 году. Причём не от тех денег, которые я заработал, а от родителей. Мне никогда в жизни не нужно было зарабатывать деньги, чтоб было что кушать. Мне хотелось зарабатывать, потому что это довольно тупо – жить на мамины деньги. Я не для этого родился на свет. И я, конечно, зарабатываю себе на жизнь, содержу свою семью, содержу благотворительный фонд, который раздал больше 200 млн рублей за последние семь лет.

Чего я никогда не делал

[1992. “Вести”]

В этой жизни я увлекался многими вещами. Собирал марки, монеты и анекдоты. Переплывал реку Волгу (безуспешно) и переходил Берлинскую стену по подложным документам (успешно)... Лечил одноклассников от гонореи на дому (долго) и обрезал единоверцев на операционном столе одной столичной клиники (чик-чак). Писал программы на ассемблере (уныло) и синхронил с японского на Московском международном кинофестивале (весело). Объевшись мухоморов, в одиночку ходил на медведя в подмосковных лесах (слава богу, не встретились). Синтезировал амфетамин из капель от насморка (с интересом) и давал наркоз собакам Павлова (с жалостью). Скакал на лошади по горам Тянь-Шаня (как куль) и выводил танк из окружения в компьютерной игре “Абрамс” (как джигит). Преподавал иврит (бездарно) и изучал немецкий (безуспешно)... Попал под артиллерийский обстрел в расположении Второй ордена Ленина бронетанковой Таманской дивизии в Берендеевском лесу (уцелел) и был покусан взбесившейся болонкой в районе станции метро “Молодёжная” (истёк кровью на руках родных и близких)... Переводил мемуары Казановы со старофранцузского (с интересом) и комментарии Торы с английского (с усердием). Лишь одного я никогда не делал в этой жизни – ни разу я не изучал восточные единоборства.

Год без “Ленты. ру”

[12.03.2015. ЖЖ]

12 марта 2014 года проснулся я часов в 9 утра, выпил чашку эспрессо. Потом насыпал льда в стакан, налил туда 2 части “Апероля”, 3 части просекко и 1 часть San Pellegrino. Вставил гигантскую оливку на палочке, чуть помешал лёд, вышел на балкон и посмотрел через перила вниз – на двух гондольеров, не без труда разъезжавшихся в узком месте канала Rio del Paradiso o del Pestrin (“Райский канал, он же канал Молочника”). Подумалось: жить надо в Венеции. Ибо хуй с ним, с Pestrin, когда кругом одно сплошное Paradiso. Только не очень понятно, как тут со школами – вроде бы не очень хорошо. Надо выяснить, как с этим обстоит дело в Местре...

...А накануне мы до трёх часов утра спорили на альтане у Глеба Смирнова – про Россию, цензуру, закручивание гаек. И я говорил: да ладно вам, кого волнует цензура на телевидении, кто его смотрит вообще. Для осмысленных людей есть “Лента. ру”, живёт уже без малого 15 лет, никто её не трогает...

И вот, стою я на балконе, думаю, где мне тут школу для Лёвы найти, но вдруг звонит телефон.

“Коммерсант ФМ”, – услужливо сообщает трубка.

Обычно я так все важные отраслевые новости узнаю – когда мне звонят с просьбой их прокомментировать.

Смотрю я на вибрирующий в руке дисплей и чую неладное.

Но подхожу.

– Антон Борисович, как вы можете прокомментировать увольнение Галины Тимченко из “Ленты. ру”?

Как-как... Пиздец моей Венеции, вот как.

Возвращаюсь в кабинет, сажусь искать билет до Москвы.

Дальше были бесконечные прощания редакции, расставания, слёзы, поминки.

И, конечно же, планы на будущее – которые, увы, не учитывали войну на Украине, крушение цен на нефть, девальвацию рубля, запрет иностранцам “влиять” на СМИ в России (то есть не только учреждать и владеть, но также и кредитовать, и занимать ответственные должности).

С бывшими сотрудниками “Ленты” я запустил агентство “Мохнатый сыр” (в котором все сотрудники являются акционерами, и нет Карабаса-Барабаса, который мог бы прийти и всех по домам распустить), на его базе создан “Образовач” – сообщество научных новостей. Три других проекта – “ИзоЛента”, телеканал и агентство странных новостей – пришлось отложить из-за недостатка финансирования.

Галя Тимченко с частью редакции уехала в Ригу и запустила там прекраснейшую “Медузу”. Это в чистом виде getру той “Ленты. ру”, которую мы создавали летом 1999 года, с поправкой на изменившиеся реалии: мобильность, соцсети, цензура, общий медиапейзаж.

Жиртрест, колбаса, промсосиска

[07.05.2017. ЖЖ]

Прочитал в “Медузе” большой материал о страданиях толстых людей.

Об обидах и унижениях, которым их подвергает окружающий социум. Посочувствовал, разумеется.

По ходу я задумался, почему этой проблемы нет у меня.

Ведь я сам чудовищно толстый и с пузом.

Когда учился в институте, весил 64 кг, а сейчас – в районе 93 кг плюс-минус.

Но вот никто мне ни разу про это не сказал ничего обидного ни на улице, ни в транспорте, ни в общественном месте.

Единственный человек, который в отношении меня занимается этим самым делом с непроизносимым названием “фэтшейминг” – это я сам. Каждый раз, как к зеркалу подхожу, начинаю чудовищно себя это самое... фэтшеймить. Нетолерантно и неpolitкорректно. А толку – чуть. Отхожу от зеркала – и снова за старое: гиподинамия, обжорство, три куска сахара. И не стыдно мне ни одного раза.

Конечно, до тех пор, пока снова к зеркалу не подойду. На самом деле, весь шейминг у каждого из нас всегда внутри. Если человек всерьёз переживает по поводу каких-то своих особенностей, то, естественно, упоминание о них со стороны окружающих его задевает, оскорбляет, выбивает из колеи. А если человек спокойно и с юмором относится к своим особенностям, то и оценки окружающих ему совершенно по барабану.

Это я не к тому, чтобы оправдать “фэтшейминг” и прочие коллективные фобии, – оправдания им нет, хоть есть объяснение: люди, которые подобным занимаются, сами в высшей степени ущербны, и пытаются этот свой комплекс выместить на других.

Надо себя любить, дорогие товарищи. Таким, какой ты есть. Если хочешь что-то в себе менять – приложи усилие и поменяй, на здоровье. А вот обращать внимание, когда какой-то посторонний решил тебе гадость сказать, – просто попусту себя расстраивать.

Собака лает, ветер носит.

О свободе

[27.02.2016. ЖЖ]

Я не готов прожить остаток жизни на положении беглеца, скрывающегося от уголовной ответственности по 282-й статье УК РФ. Было бы слишком много чести тем, кто последние 15 лет строчит на меня доносы в разные органы и инстанции. Я живу свою жизнь так, как считаю нужным – без оглядки на всех стукачей, палачей и вертухаев, которым это может не нравиться. У меня есть блог, в котором я пишу то, что думаю, и публично выражаю свои мысли так, как считаю правильным. А людей, считающих, что меня за это нужно убить или посадить, я вертел угадайте на чём.

Возможно, у этой свободы есть своя цена. Возможно, мне придётся заплатить эту цену. Среди моих друзей и знакомых есть люди, которые уже заплатили – а тоже ведь могли бы вовремя сбежать. Но я уважаю их выбор. И много лет, глядя на эти примеры, я спрашивал себя, как поступил бы я сам, оказавшись на их месте, – когда угроза репрессий уже озвучена, но ещё не материализовалась. Ответы в голову приходили самые разные, но с одним общим выводом: в своей единственной жизни я не готов жертвовать свободой ради безопасности. И не готов совершить – даже во имя той самой безопасности – никакого поступка, после которого перестал бы уважать себя.

*Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben,
der täglich sie erobern muß¹⁰, —*

говаривал Фауст в известной трагедии, и ключевое слово тут *täglich*. Стук в дверь может раздаться в любой день. И нужно просто быть к нему готовым. Täglich, как учил классик.

Я – готов.

---

¹⁰ Лишь тот достоин жизни и свободы, / Кто каждый день идёт за них на бой. (нем.) Пер. Б.Л. Пастернака.

Пресненский суд поздравляет меня с 50-летием

[16.06.2016. ЖЖ]

4 июля Соединённые Штаты Америки будут праздновать 240-ю годовщину своей независимости от Великобритании.

Мой адвокат Сергей Викторович Бадамшин в этот день отметит 37-летие.

Самому мне 4 июля 2016 года стукнет полтинник.

В ознаменование всех этих радостных дат Пресненский районный суд назначил на 4 июля 2016 года первое слушание по моему уголовному делу. Там и отметим наши годовщины.

Май дей ын корт, как сказал бы Мутко

[04.07.2016. ЖЖ]

Свершилось: отныне я подсудимый.

Предварительное заседание прошло на ура, под восемь телекамер, непонятно откуда там взявшихся.

Судит меня лично председатель Пресненского райсуда Найдёнов Евгений Михайлович.

Обвиняет – неописуемой красоты майор юстиции Юлия Владимировна Зотова, в своё время обвинявшая в разных судах самбиста Мирзаева и воскрешателя Грабового.

Чего она попросит для меня, пока неясно.

Для Мирзаева просила два года ограничения свободы. Но я, увы и ах, не чемпион по самбо.

Оба ходатайства, которые мы с Бадамшиным заявили, судьёй отклонены.

Адвокат просил вернуть дело в прокуратуру для исправления ошибок, я – изменить меру пресечения (это был экспромт, просто чтобы что-то спизднуть такое на юридическом языке).

Прекрасная Юлия Владимировна без лишних изысков предложила ходатайства отклонить, судья с ней без лишних споров согласился и за 15 минут настрогал письменное решение с печатью и подписью.

Так что придётся ему до конца процесса выпускать меня из московского региона каждый раз письменно.

Или не выпускать, но тоже не устно.

Обжаловать эти решения в Мосгорсуде мы не стали, из соображений гуманности.

Рассмотрение дела по существу начнётся в открытом судебном процессе 3 августа в 10:00 утра. Зал маленький, он бы даже сегодняшние 8 съёмочных групп не вместил, а сколько навалит на открытое слушание, страшно себе представить.

Бадамшин предполагает, что обвинительный приговор будет вынесен райсудом в три заседания.

P.S. Одежду для суда я выбирал очень долго. Отверг и шорты, и индийскую курта-пажаму, и красные штаны со слонами для йоги. Надел самую приличную майку с Леонардо. Говорю Бадамшину: видите, Сергей Викторович, как я вас уважил! Он отвечает: ну да, конечно, Антон Борисович, вы пришли в Пресненский суд *с хуем на самой груди*.

OMFG, что в голове у этих жрецов Фемиды.

“В следующий раз покажи суду, что есть на ста рублях”, – шепнула в чатике ехидная мадам К.

Сколько можно бояться

[27.04.2016. ЖЖ]

Дорогие френды и читатели, перестаньте, пожалуйста, пугать меня тюрьмой.

Реально – надоело. Скучно, однообразно, ни о чём.

Я родился и вырос в стране, где поговорка “от тюрьмы не зарекайся” каждому жителю известна лучше, чем “Отче наш” и 49-я статья Конституции. Мне ещё не исполнилось 17 лет, когда моего учителя иврита отправили валить лес в мордовские лагеря – именно за то, что он преподавал мне иврит.

В 1983 году я, владея шестью иностранными языками, не пошёл на филфак МГУ, как настаивали родители, а поступил в медицинский институт – именно для того, чтобы в случае Афганистана или лагерей иметь пригодную в этих местах специальность. Ни по какой другой причине. Когда перспектива Афгана и лагерей миновала, я вернулся к гуманитарным занятиям, но если Родина скажет – откопаю диплом (кстати, адвокат и так велел его найти, для приобщения к уголовному делу).

Среди моих знакомых – и в брежневские времена, и в путинские – всегда хватало людей, переживших тюрьму и лагерь. В том числе и по политическим статьям, и по вполне себе уголовным. Некоторым из них я откровенно завидую, потому что они использовали время пребывания в местах лишения свободы с большой пользой для личностного роста и развития. В моём представлении, тюрьмы и лагеря – такая же школа жизни, как кругосветное плавание или восхождение на Эверест, только с меньшими рисками для жизни.

Весь смысл 282-й статьи и других аналогичных законов – в запугивании людей. В том, чтобы мы боялись открывать рот. Единственный способ бороться с этой системой – не бояться её угроз. Я – не боюсь. И не надо, пожалуйста, учить меня страху. Это ровно та наука, которую я считаю для себя лишней. Не потому что я такой крутой и смелый, а потому что мне скучно бояться. Людей, живущих в постоянном страхе перед властью или неизвестным будущим, среди моих знакомых было больше, чем даже сидевших. И если я, в силу каких-то обстоятельств, не отношусь к их числу, то считаю, что мне крупно повезло.

А самое главное, о чём стоит помнить в жизни (поскольку она чревата проблемами посерьёзней тюрьмы), – что Бог не посылает нам таких испытаний, которые мы были бы не в силах перенести.

Последнее слово в суде

[03.10.2016. “Открытая Россия”]

Уважаемый суд, уважаемые присутствующие,

хочу рассказать об одном случае из советской истории, который в своё время произвёл на меня очень сильное впечатление, когда я прочёл о нём в мемуарах писателя Ильи Эренбурга.

Экономист Николай Николаевич Иванов работал до декабря 1940 года советским поверенным в делах во Франции. Вскоре после возвращения в Москву он был арестован за “антигерманские настроения”. Арест случился в те времена, когда ещё действовал пакт Молотова-Риббентропа, по которому стороны обязались прекратить враждебную пропаганду по отношению друг к другу. Чтобы доказать Гитлеру, что обязательства соблюдаются, Сталин распорядился обеспечить в СССР аресты и посадки за “антигерманскую пропаганду”. Но советский дипломат Николай Иванов приговор Особого совещания – пять лет лагерей – получил в сентябре 1941 года. В Москву он смог вернуться лишь через 13 лет после вынесения приговора.

“Трудно себе это представить: гитлеровцы рвались к Москве, газеты писали о «псах-рыцарях», а какой-то чиновник ГБ спокойно оформлял дело, затеянное ещё во времена германо-советского пакта; поставил номер и положил в папку, чтобы всё сохранилось для потомства”, – напишет об этом деле Илья Эренбург в своих воспоминаниях.

Трудно не вспомнить эту историю в связи с моим сегодняшним делом. Ни для кого не секрет, что происходит сегодня в сирийском городе Алеппо. Город с населением в полмиллиона взят в осаду войсками правительства Сирии и Корпусом Стражей Исламской революции при поддержке российской авиации. Бомбардировке с воздуха подвергаются больницы, жилые кварталы, гуманитарные транспорты ООН. В городе нет электричества, перекрыты все пути доставки продовольствия, воды, лекарств. Официальный ультиматум властей Сирии гласит: блокада жителей Алеппо будет снята лишь после того, как боевики сложат оружие и покинут восточные кварталы города.

И в то самое время, как российские войска активно участвуют в штурме Алеппо, в столице России меня судят за поддержку действий этих самых войск. В моём уголовном деле можно прочитать заключение некоего эксперта Управления по защите конституционного строя ФСБ о том, что бомбардировки Сирии, которые я поддержал больше года тому назад, являются преступлением экстремистской и террористической направленности.

И в это же самое время в городе Тюмени с июня сидит в СИЗО мой коллега, блогер Алексей Кунгуров. То же самое Управление по защите конституционного строя ФСБ возбудило против него уголовное дело за пост в ЖЖ “Кого на самом деле бомбят путинские соколы”, опубликованный тоже в октябре 2015 года. В отличие от меня, Кунгуров не поддерживал, а критиковал действия ВКС РФ в Сирии. И если я за свою поддержку обвиняюсь по “мягкой” 282-й статье, то Кунгурову шьют “террористическую” часть 1 статьи 205.2 УК РФ: публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. Хотя он ни к чему такому не призывал, а всего лишь заметил, что города Хама и Хомс, которые бомбит наша авиация, расположены в сотнях километров от позиций ИГИЛ.¹¹

Впрочем, мы здесь так долго уже обсуждаем Сирию, что пришла пора поговорить про Россию.

И мне, и моим коллегам, пришедшим сегодня освещать процесс, хочется думать, что приговор по этому делу будет вынесен именно сегодня и что аргументы из моего последнего

---

¹¹ Организация запрещена в РФ.

слова будут в нём как-нибудь учтены. Но если посмотреть сюжеты, вышедшие на федеральных телеканалах “Россия-24” и “Россия-1” за прошедшую пару недель, то там телезрителям успели сообщить, в передачах от 20 и 27 сентября, что вопрос о моей виновности судом уже решён. И даже рассказали, как именно он решён. “Антон Носик признан судом виновным в экстремизме”, – сообщила зрителям корреспондент “России-24” Анастасия Ефимова в вечернем выпуске новостей от 27 сентября. А неделей ранее в эфире программы “Вечер с Владимиром Соловьёвым” гости передачи, большие гуманисты, сошлись во мнении, что совершенно зря меня приговаривают к двум годам лишения свободы, когда можно было бы ограничиться штрафом, условным сроком, исправительными и обязательными работами.

Формально коллеги, конечно, погорячились. И я, наверное, мог бы напомнить им про 49-ю статью Конституции, где сказаны хорошие слова про презумпцию невиновности. Но если посмотреть на статистику судебного департамента Верховного суда РФ, то их забывчивость станет понятна. В целом по России судами первой инстанции выносятся не более 0,2 % оправдательных приговоров. И каждый третий из таких приговоров отменяется по апелляции обвинения. За весь 2015 год, по всем статьям, входящим в 29-ю главу Уголовного кодекса (“Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства”), вынесено не 2 промилле, а ровным счётом ноль оправдательных приговоров. На ноль, как известно, делить нельзя.

Обвинительный уклон российского правосудия – тенденция не новая, пресса пишет об этом давно. Я очень хорошо помню, как однажды президентом России стал юрист-теоретик Дмитрий Медведев, и он собрал по этому вопросу целое совещание, на котором спросил экспертов, какой процент оправдательных приговоров выносятся судами. Ему ответили: 0,7 % (на дворе стояли гуманные нулевые годы). “Это не может быть правдой!” – воскликнул президент нашей великой страны.

Всякий раз, когда я задавал людям, близким к правоохранительной системе, вопрос о причине такого перекоса в судебной практике, слышал один и тот же ответ. Мне рассказывали, что у нас очень тщательно ведётся предварительное следствие. Так что в суд попадают только стопроцентно доказанные обвинения.

Раньше мне трудно было проверить состоятельность этого утверждения. Зато сегодня у меня появился личный опыт, о котором стоит рассказать.

Обвинение в моём деле не предприняло ни малейшей попытки доказать, что я имел преступный умысел, как сказано в первых строках обвинительного заключения. Откуда им известно об этом умысле? Может, они представили свидетелей, с которыми я этим умыслом делился? Или перехватили какие-то мои сообщения, письма, черновики, на которых основано суждение о моём намерении подорвать основы конституционного строя России? А может, в расследовании дела участвовал опытный телепат, который залез в мою голову и прочёл там преступные мысли? Я готов допустить и такое, но почему-то в двух томах моего уголовного дела нет заключения от этого ценного специалиста. Так что отмечу: субъективную сторону преступления обвинение вообще не сочло нужным доказывать. Ни в этом зале, ни на этапе предварительного следствия такой вопрос вообще не поднимался.

В статье 14 действующего УК РФ сказано, что для квалификации любого действия как уголовного преступления необходимо, чтобы оно носило характер общественно опасного деяния. В чём состоит общественная опасность поста в моем ЖЖ или моей беседы с коллегами в эфире “Эха Москвы”? На 420 листах своего уголовного дела я не нашёл ни ответа на этот вопрос, ни самого вопроса. В ходе судебного следствия и прений обвинение тоже обошло его молчанием. Где те читатели и радиослушатели, в душах которых я возбудил ненависть либо вражду к национально-территориальной группе “сирийцы”? Где те “сирийцы”, жизнь которых изменилась к худшему после моего поста и выступления на радио? Почему обвинение их не пригласило для дачи показаний – ни в зале суда, ни на стадии предварительного следствия?

Может быть, потому что их не существует в природе? Хочу напомнить, что бремя доказывания общественной опасности моих деяний лежит на стороне обвинения. И это бремя, как все мы видели, оказалось для неё непосильным.

Меня обвиняют в том, что я опубликовал пост экстремистской направленности. Пытаются уверить суд в том, что само размещение этого поста угрожает основам конституционного строя и безопасности российского государства. Лично я так не думаю, но допустим, что сторона обвинения в это верит. Так почему же за целый год, прошедший со времени публикации моего поста и его перепечатки в целом ряде СМИ, ни один защитник основ конституционного строя не предложил убрать этот материал из открытого доступа? Об этом можно было попросить меня, можно было обратиться с таким требованием в администрацию “Живого Журнала”, в Роскомнадзор, в те российские издания, где текст перепечатан. Можно было бы войти в суд с иском о признании моего поста экстремистским. Точно так же можно было потребовать от видеохостинга YouTube или от Роскомнадзора заблокировать все копии видеозаписи с “Эха Москвы”, если кто-то считает, что они представляют угрозу для основ конституционного строя и безопасности РФ. Как мы знаем, ничего подобного сделано не было. Ни прокуратурой, ни Следственным комитетом, ни Департаментом по защите конституционного строя, офицеры которого ещё год назад отметились в расследовании этого дела.

Думаю, я достаточно тут сказал о качестве доказательной базы, представленной обвинением. Но один эпизод просто вынужден вспомнить, раз уж заговорил про обвинительный уклон и о презумпции невиновности. Когда уголовное дело было возбуждено, и я был ещё в статусе подозреваемого, следствие заказало комплексную психолого-лингвистическую экспертизу и моего поста, и моего выступления на радио. Её делали больше месяца, в ней участвовали трое экспертов Московского исследовательского центра, в тексте их заключения больше 40 страниц. Эта экспертиза есть в моём деле, выводы её даже оглашались здесь прокурором.

Все три эксперта МИЦ единогласно заключили, что признаки экстремизма в моих высказываниях отсутствуют начисто. Они разобрали и пост, и эфир “Эха Москвы” по пунктам, привели развёрнутую аргументацию, ссылались на использованную специальную литературу. Когда я ознакомился с выводами этого исследования, то был воодушевлён наглядным свидетельством беспристрастности экспертов. Но радоваться мне пришлось недолго. Следственный комитет подшил акт экспертизы к делу и пошёл искать каких-нибудь других экспертов, которые на те же самые вопросы дадут другие ответы. Я до сих пор не понимаю, в свете 49-й статьи Конституции РФ, как такое вообще возможно. Следствие само выбрало экспертов Московского исследовательского центра. Само поставило им вопросы. Оплатило, надо думать, их труды. И отказалось верить акту той экспертизы, которую само же и заказало. Мне кажется, для этого нужны были какие-нибудь весомые основания, но в деле я их не нашёл. Следовательно не стал спорить с данными экспертизы, он их просто проигнорировал. Хотя, казалось бы, они составляли то самое неустранимое сомнение в моей виновности, о котором сказано в Конституции.

Я уже почти всё сказал, что собирался, осталось две вещи: один анекдот и одна просьба. Анекдот – потому что сегодня мои соотечественники и единоверцы во всем мире поздравляют друг друга с новым еврейским годом, с новым еврейским счастьем, и куда уж тут без еврейского юмора.

Этот анекдот мне рассказали в 1980-х годах, когда трое моих учителей иврита отправились по приговору валить в Мордовии лес. Итак, разговаривают два советских судьи. Один спрашивает другого:

- Коллега, вы могли бы отправить за решётку невиновного?
- Ну что вы, ни в коем случае, я осудил бы его условно.

Из анекдота прямо вытекает моя просьба. Я прошу вас отнестись к вопросу о мере наказания со всей серьёзностью. Если вы считаете, что я своей жизнью, трудом, общественной

деятельностью не заслужил на шестом десятке лет клеймо уголовника – то просто оправдайте меня. А если считаете, что заслужил, – не идите на поводу у Вовы Соловьёва и его гостей, требовавших каких-то символических полумер. Мы же взрослые и серьёзные люди, не боимся ни начальства, ни друг друга, ни Мосгорсуда. Назначьте, пожалуйста, реальный срок, пусть и у Катерины Сергеевны сегодня будет праздник, не только у евреев.¹²

Разумеется, ваша честь, я рассчитываю на беспристрастное рассмотрение моего дела. Но, с учётом статистики, о которой уже сказал раньше, оцениваю свои шансы реалистично и сумку с тёплыми вещами уже собрал. В любом случае, благодарен и вам, и моей защите, и стороне обвинения за долгое время, потраченное на рассмотрение этого простого, как мне кажется, дела.

---

¹² Прокурор Е.С. Фролова.

О жлобстве

[02.03.2017. ЖЖ]

Лично я считаю, что заклеивать или снимать номера со своего автомобиля – это жлобство.

Такое же, как парковаться на тротуаре, не пропускать карету скорой помощи или пешеходов на зебре.

Такое же, как лезть без очереди к кассовому окошку, атлетично расталкивая людей плечом.

Такое же, как тырить из кафе сахар, соль, перец, салфетки, и что там ещё бесплатно лежит – не по бедности, а потому что можно.

Такое же, как выбрасывать мусор себе под ноги.

Жлобство – это любое поведение, отрицающее общественный договор в пользу сиюминутной личной выгоды, удобства, прихоти или понтов.

Существование в пространстве общих правил, одинаково соблюдаемых всеми, облегчает жизнь и каждому отдельному человеку, и любому коллективу.

Конкретно для проезжей части общественный договор называется ПДД. И в ПДД требование держать номера в читаемом виде прямым текстом записано. А за несоблюдение этого требования предусмотрена ответственность.

Тут вы меня можете спросить: а твоё-то какое дело? У жлоба свои отношения с государством, и ты в них не сторона. Он если хочет – соблюдает правила, не хочет – подставляется под штраф.

И сахар/соль, которые он тырит из кафе, – не твоя забота, не ты ж их туда покупал.

Это его территория свободы и куража, не лезь туда.

Я, в общем-то, туда и не лезу, но отношусь к жлобству однозначно негативно. И вот почему.

Очень важная особенность жлоба состоит в том, что его поведение вовсе не спонтанно. Оно предельно прагматично и расчётливо.

Там, где за выбрасывание мусора в неположенном месте бьют палками по пяткам, жлоб прекрасенько донесёт свою обёртку до урны.

Там, где машину без номеров могут тупо эвакуировать на штрафстоянку, жлоб как миленький оставит номера на месте и проследит, чтобы они были видимы.

Если в очереди к кассовому окошку стоит детина валуевской комплекции, жлоб не будет пытаться оттолкнуть его плечом.

Он жлобствует ровно постольку, поскольку верит в безнаказанность.

А при виде дубинки любого рода становится законопослушнейшим из граждан.

На то он и жлоб, что зона свободы для него – территория безнаказанности.

Где пахнет наказанием – там прощай, его жлобья свобода.

Когда люди в массе своей добровольно и сознательно исполняют коллективный договор, когда его соблюдение является нормой, а нарушение – ЧП, отпадает нужда в дубинках.

Может быть, она никогда не отпадёт до конца, потому что в семье не без урода, и всегда есть приезжие, которые не чувствуют себя связанными общественным договором данной местности, потому что просто не знают его условий.

На такой случай можно иметь какой-то патруль, следящий за порядком.

Например, меня на арендованной машине однажды в сумерках остановила дорожная полиция в центре Висбадена.

- У вас включены противотуманные фары, – сказал мне полицейский по-английски.
- Ну да, – сказал я. – И что?
- По нашим законам их можно зажигать только во время тумана. Сейчас тумана нет.
- А, окей, извините, – сказал я и выключил фары.
- Всего доброго, – сказал мне полицейский.

У него не было задачи ни наказать меня, ни воспитать, ни доставить в участок.

У него была задача, чтобы правила соблюдались. И понимание, что для этого достаточно сказать две фразы по-английски. Он их сказал – и воцарился заветный Ordnung.

Но там, где нормой жизни является жлобство, дубинка нужна для исполнения вообще любого правила.

И все эти люди с дубинками на каждом шагу создают лишние неудобства – обществу, мне, себе.

И их служба стоит денег – обществу и каждому его члену в отдельности.

А виноват в этих неудобствах и тратах – жлоб, который без дубинки не понимает.

Всё же вернусь напоследок к заклеенным/снятым номерам.

Это, конечно, жлобство.

Но устраивать по всему городу платные парковки, не начав решать проблему с общественным транспортом, – жлобство ничуть не меньшее.

Мэрия – такая же сторона в общественном договоре, как горожане. Взять с нас налоги она ни разу не забыла, её очередь показать результаты за эти деньги.

Если мэрия закрывает перегон метро – она обязана предоставить автобусное сообщение между станциями.

Если она делает часть города недоступной для личного автотранспорта, то обязана подогнать общественный, вместимостью на такое же количество пассажиров.

А не делает она этого по самой жлобской на свете причине.

От безнаказанности.

Пираты выпустили фальшивую книгу от моего имени

[23.03.2017. ЖЖ]

Мне с утра пораньше сообщили, что я являюсь автором книги.

Книга называется “Изгои. За что нас не любит режим”, имеет объём 208 страниц, в твёрдой обложке, на газетной бумаге. Издана в феврале 2017 года издательством “Алгоритм”. На обложке – моё имя и фотография. Под обложкой – случайное собрание постов, надёрганных из этого блога за 2016 и предшествующие годы (в основном – по тегу 282). В выходных данных указано два копирайта: мой и издательства “Алгоритм”.

Спешу предупредить всех, кто наткнётся на это издание в книжных магазинах, что сам я этой книги не читал, не писал, никаких отношений с её издателем не имею – ни договорных, ни личных. Знаю только, что издательство “Алгоритм” много лет специализируется на выпуске книг от имени авторов, которые их никогда в жизни не писали. Например, от имени Тухачевского они выпустили книгу “Как мы предавали Сталина”: в неё включены статьи, речи и лекции будущего маршала за 1919–1934 годы, а затем выбитые под пытками показания на процессе, по результатам которого Тухачевский был расстрелян. От имени московского корреспондента Guardian Люка Хардинга они выпустили книгу “Никто кроме Путина”, о которой он впервые услышал после её выхода. В той же серии “Проект Путин” было выпущено в общей сложности 24 книги – от имени Киссинджера, Лимонова, Удальцова, Александра Рара, Бориса Немцова и нескольких других авторов.

Что делать с этой пиратской конторой, я пока не решил. Юридически там всё очень чисто: стопроцентное воровство, контрафакт, часть 3 статьи 146 УК РФ, лишение свободы до 6 лет, штраф до 500 000 рублей. Если предъявят договор с моей подписью – прицепом пойдёт часть 2 статьи 327 УК РФ, там до 4 лет лишения свободы. В Арбитражном суде тоже можно отсудить какие-то суммы. Но чует моё сердце, что юрлицо, от имени которого выпускаются все эти издания, зарегистрировано на какого-нибудь бомжа в Кемеровской области, а конечным бенефициаром является кипрский офшор с акциями на предъявителя. Такие случаи в практике российских книжных пиратов достаточно часты. Конечно, буква закона допускает предъявление исков не только к издателю, но и ко всем тем магазинам, где книга сейчас продаётся, потому что *de jure* и *de facto* они занимаются сбытом контрафакта. Но концепт “безвиновной ответственности” мне не близок, так что с меня достаточно будет, если они просто уберут это палево из ассортимента.

[ноябрь-декабрь 1976. Записано В. Мочаловой]

– Я всё время страдаю от проблем доброго человека.

А остановиться, перестать быть добрым – не могу: ведь это так приятно.

О вере и смысле жизни

[24.04.2012. iForum-2012 в Киеве]

В чём смысл жизни? Любить ближнего, быть инструментом Господней любви. Ощущать в себе Господа. Понимать, что Господь создал тебя по Своему образу и подобию.

Осознать, что ты являешься богом, что нет на свете вещи, которую ты не мог бы сделать, что тебе достаточно только понять, чего ты хочешь, что ты любишь всех людей, что ты пришёл на свет для того, чтобы всем людям на Земле стало лучше, что нет большего счастья, чем помочь кому-то, – в этом смысл жизни! Не надо ничего выдумывать, никакого евроремота, никаких дуплексов.

То, как жил, проповедовал и умер Христос – это путь верующего. А то, как живёт патриарх Кирилл, – это путь сатанистов, поклонников мамоны. Это путь людей, которые – пока Моисей на горе общался с Господом – сделали золотого тельца и поклонялись ему. Вот их потомок – патриарх Кирилл. Человек, который жил для денег. Для стяжательства. Для земной коры. Как объяснял его пресс-секретарь Всеволод Чаплин, “патриарх должен иметь самый крутой автомобиль, самые дорогие часы, самые дорогие бриллиантовые цацки”.¹³

Что общего этот человек имеет с православием? Православие учит следовать Христу, который говорил, что проще пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в Царствие Небесное. Который говорил: “Нельзя служить двум государям: Мне и мамоне, ибо одного из хозяев будешь ненавидеть и не радеть”. В иудаизме такого нет, что плохо быть богатым. В иудаизме – чем больше у тебя бабок, тем больше ты можешь пользы принести.

Бог создал нас для того, чтобы мы творили добро. Ему не всё равно, творим ли мы добро или зло, – Он хочет, чтобы мы выбрали добро. Творим ли мы это добро в тюбани, в ермолке, в будёновке, в папахе, в пыжиковой шапке, в кроликовой шапке или лысые с непокрытой головой, – Ему насрать. Как мы одеты, Ему насрать. На чём мы ездим, Ему насрать. На форму насрать – значение имеет содержание.

Если не сам себе – то кто? Если всё только себе – то зачем?

---

¹³ Всеволод Чаплин (1968–2020) – священник, протоиерей. В 2012 году был председателем Синодального отдела по взаимодействию Церкви и общества.

Нерукоподатность

[2008. ЖЖ]

Своим нравственным воспитанием я, по счастью, обязан матери, которая в моральных принципах строга, как политкаторжанин, и может старому другу отказать от дома, ежели он совершил неблагоприятный, с её точки зрения, поступок. Однако же, в силу природной мягкости моего характера, я просто физически не могу обходиться с людьми жёстче, нежели они того заслуживают, и нередко прячу эту слабость за спасительными библейскими трюизмами, вроде “Бог им судия” (Второзаконие, 32:35) или “Не ведают, что творят” (от Луки, 23:34). Отчасти тому виной и проклятые китайцами времена, в которые я вырос; в последнем стихе Книги Судей (21:25) о них сказано, что “в такие дни не было царя в Израиле, и каждый делал то, что считал правильным” (перевод мой хоть и крив, но все канонические версии ещё хуже; в оригинале “каждый муж прямое в глазах его сотворял”).

В таких условиях, если б я удумал судить сверстников и современников строгим нравственным судом, никакого их проступка не извиняя, то, возможно, пришлось бы мне ограничить круг своего общения мамой, папой, парой коллег да двумя-тремя титанами духа, в основном сегодня уже покойными. А я – человек общительный, о чём нетрудно догадаться хотя бы по числу френдов в моём ЖЖ, и такую муку бы вряд ли вынес. Поэтому я состою в добрых приятельских отношениях с немалым числом людей, которых мама моя без колебаний назвала бы нерукоподатными (взять хоть известный политехнологический дуэт Глеба Павловского и Стаса Белковского, которые наверняка считают нерукоподатными и друг друга). Однако же маминьи уроки не прошли даром, так что до вселенской небрезгливости И.И. Христа с В.В. Шахиджаняном мне далеко. Существуют три категории лиц, которые и у меня слывут нерукоподатными. Это нераскаявшиеся преступники против личности, подлецы и предатели.

Преступниками против личности я считаю всех, кто совершал злодеяния из Раздела VII УК РФ (за вычетом ст. ст. 107, 108, 109, 114, 118 и 130, допускающих разночтения), не понёс за это наказания и не раскаялся в содеянном искренне. То есть убийц, грабителей, насильников, мучителей, оборотней в погонах, работарговцев и рабовладельцев, похитителей людей и т. п. Мне кажется принципиально невозможным уравнивать (как уравнивает УК РФ) преступления против ближнего с иными нарушениями законов государства, будь то дача/получение взятки, контрабанда, незаконное предпринимательство, уклонение от уплаты налогов, несоблюдение IV части Гражданского кодекса РФ и паспортного режима. Однако же людей, совершающих деяния из ст. ст. 272–273 гл. 28 УК РФ, равно как и неподсудных в России спаммеров, я также отношу к преступникам против личности, так как их преступления направлены не против машин, а против людей, чью информацию они крадут, портят или уничтожают.

Подлецами я считаю людей, которые из мести, корысти или злобы делают ближнему то, чего себе б не пожелали. В первую очередь доносчиков, но также и рейдеров, и иных любителей натравливания силовых структур на конкурента по бизнесу.

Предателями я не считаю людей, замеченных в супружеской измене, перешедших в другой футбольный клуб, политическую партию, театр или рок-группу. Не считаю я предательством отступничество от прежних взглядов или религиозной веры, как и отказ от общения с бывшими друзьями. Более того, чтобы считать чьё-либо предательство доказанным, мне нужны очень веские обоснования, такие как свидетельства из первых уст предавшего или преданного.

При этом, разумеется, я не считаю себя вправе осудить человека, который, совершив преступление, подлость или предательство, искренне в том раскаялся, и приложил какие-то

усилия для искупления собственной вины. Бог ему судия, если вдруг в душе такого человека остался островок лукавства.

Вот, в общем-то, и всё.

Предостережение: я понимаю, насколько силён у некоторых любителей флейма ради флейма соблазн оставить комментарии, предлагая мне оценить рукоподатность тех или иных моих знакомых, коллег, бывших и нынешних сотрудников (например, Миши Вербицкого, Максима Кононенко, Олега Кашина или Мити Ольшанского). Прошу воздержаться от этих провокаций, даже если вам кажется, что, подбивая меня на защиту того или иного персонажа, вы совершаете доброе дело. Как выше уже сказано, я не готов выступать Судией меры нравственности ближнего, даже если открыто и жёстко критикую его публичные высказывания или поступки. Не судите ж и вы, “да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить” (от Матфея, 7:1). Единоверцам, не принимающим авторитета Евангелий, советую ту же мысль найти в 32-й главе книги “Дварим”, откуда она в Нагорную проповедь и взята.

Наркомфин

[2015]

Квартиру в Наркомфине я снял в октябре, чтобы жить в одном доме с офисом. Во-первых, жильё в здании, ожидающем глобальной реконструкции, недорого. Во-вторых, это памятник, в который автор заложил гениальную мысль. Всю жизнь я провёл в маленьких квартирах, потому что они отвечали моему представлению о комфорте жизненного пространства. И здесь оно именно такое: площадь 36 кв. м, на ней умещаются компьютер, источник питания и источник тепла. Высота потолка спальни 2.25, гостиной – 4.80. Что этим хотел сказать Гинзбург? Низкие потолки – для быта, возвышенные – для труда. Занимаешься своим презренным бытом – ты приземлён и угнетён низким потолком. Когда выходишь социализироваться в общее пространство, у тебя много света, воздуха и ты воспаряешь. Быт горизонтальный – когда лежишь, над тобой 2 метра. Когда стоишь, над тобой всё равно те же 2 метра. Зачем больше? Если вспомнить дворцы на Лазурном берегу с потолками в 5 метров, хорошо ли там спится? Плохо! Поэтому над кроватью всегда балдахин...

Если просят – сделай. Благодарности не жди

[28.02.2017. ЖЖ]

Вчера посмотрел фильм Веры Кричевской и Миши Фишмана “Слишком свободный человек”, про Бориса Немцова, – и там вдруг в заключительных титрах нашёл себе “спасибо”, совершенно неожиданное.

Сегодня прочитал пост Евгения Фельдмана о том, что его фотоальбом про выборы в Штатах отправляется в печать, – и на фотографии сигнального экземпляра увидел себе благодарность, которой тоже не ожидал.

Всё-таки это ужасно приятно, когда люди говорят тебе “спасибо”, даже если ты сам после этого долго чешешь репу, силясь вспомнить, о чём вообще речь. И, вспомнив, остаёшься в смущённом замешательстве: вроде ж я ничего такого не сделал. Ну, телефон кому-то чей-то подсказал, ссылку запостил... Это мне не стоило ни времени, ни денег, ни усилия...

Но если людям кажется, что ты им чем-то в жизни помог, и им хочется отметить этот твой вклад упоминанием, неужели я буду с ними спорить и доказывать, что оно на самом деле не стоило благодарности?! Для меня – не стоило, а для них, может быть, в тот момент было и важно, и критично.

Полезный урок тут ровно один. Раз кто-то думает, что ты в состоянии ему помочь, – нужно просто сделать то, о чём тебя просят, если тебе это по силам и не против принципов. Можешь помочь – возьми и помоги, без рефлексий и без опасения, что тебе когда-нибудь из-за этого сядут на шею.

А потом сразу же об этом и забудь. Не бери в голову, что ты кому-то что-то сделал и он теперь тебе по жизни должен. Это глупая и непродуктивная мысль. Куда правильней исходить из того, что никто и никому вообще ничего не должен, кроме ссудно-кредитных обязательств и отношений между родителями и детьми.

Если ты помогаешь кому-то, делай это исключительно для себя.

Пришёл к тебе человек с проблемой, ты её решил, и одной проблемой в окружающем тебя мироздании стало меньше.

Это просто с экологической точки зрения полезная практика.

Мы же не ждём никакой награды за то, что мусор выкинули в урну, а не под ноги себе.

Вот помочь ближнему – это как мусор в урну выкинуть: просто правильный рефлекс.

Как и сказать “спасибо”, когда помогли тебе.

А ждать себе за это шоколадок – рефлекс неправильный. Может быть, ты не заработал себе баллы, а какой-то предыдущий должок перед Космосом отработал.

У кого из нас их нет?

Достаточная награда – что на улице чисто.

16 лет вместе

[09.02.2017. ЖЖ]

По советским законам моему ЖЖ пришла пора получать паспорт.

Пару дней назад ему исполнилось 16 лет.

За это время тут вышло 12 005 постов, к которым мои читатели оставили больше миллиона комментариев.

Благотворительные и краудфандинговые кампании, которые здесь анонсировались, собрали за отчётный период больше полумиллиарда деревянных рублей. Некоторые из этих кампаний до сих пор не завершены (например, БГ ещё не записал новый диск), об успехах других планирую написать в ближайшее время.

Некоторые персонажи этих заметок стали звёздами, а коммерческие проекты – лидерами своих рынков.

Автор за своё творчество удостоился благодарности от президента РФ, трёх судебных исков и одного приговора по уголовной экстремистской статье.

В общем, скучно мне не было.

Спасибо всем, кто в эти 16 лет читал опубликованные здесь записи, даже если в последние годы заметная часть публики всерьёз полагает, что она читает посты, которые я написал для блога на сайте радиостанции “Эхо Москвы”. Читатели за 50 убеждены в этом почти поголовно.

“Живой Журнал” – не первый мой блог, а третий по счёту. Первый стартовал в апреле 1996-го, второй – в декабре того же года.

Я не знаю, сколько времени ещё просуществует вся платформа ЖЖ, и этот дневник по нынешнему адресу. В любом случае, спасибо и этой площадке, и её замечательному создателю, который уже давно забыл сюда дорогу, но то, что он когда-то сделал этот сервис, – заслуга, достойная Нобелевки в области интернета, если бы такую когда-нибудь изобрели.

[05.07.2017. ЖЖ]

Не в этом месяце, так в следующем Саша Мамут устанет палить бабло на поддержку существования морально устаревшей, убыточ¹⁴ ной для него платформы ЖЖ, и мы с вами расстанемся. Конечно, не навсегда, и даже не надолго, но скоро это случится. К Александру Леонидовичу тут никаких претензий быть не может, наоборот – спасибо ему, что он не дёрнул рубильник до сих пор, хотя давно понял, куда всё катится и чем закончится. Он мог бы потушить свет полгода назад, но он этого не сделал, спасибо ему. Однако нет причин рассчитывать, что его терпение продлится вечно или что его карманы окажутся бездонны. ЖЖ – убыточный проект для владельца, он будет закрыт, и с ним исчезнут как 12 294 моих записи, так и 1 065 405 ваших комментариев. Мы, однако, найдёмся.

[12.10.1972. Записано В. Мочаловой]

(Намылил густо руки.)

– Погляди, как красиво! Как город ночью на открытках.

---

¹⁴ Александр Мамут – предприниматель, основатель компании SUP, которая в 2007 году приобрела сервис LiveJournal, председатель совета директоров Rambler&Co.

Смерть

[2008. ЖЖ]

Однажды я, вероятно, умру.

Я не принадлежу к числу оптимистов, склонных надеяться, что на их веку современная медицина изобретёт бессмертие, или хотя бы замораживание телесной оболочки для сохранения её клеток до поры, когда технологии капремонта физических тел встанут на промышленный поток. Про реинкарнацию я ничего не знаю; следовательно, даже если допустить, что она имеет место в природе, то та собака, которая в следующем рождении *станет мной*, будет так же мало со мной нынешним связана, как то дерево, которое *было мною* до 4 июля 1966 года.

Тем не менее, я нахожу невозможным поверить в собственную смерть. В том смысле, что мне трудно себе представить этот час, когда весь известный мир вокруг меня продолжит своё существование, но я перестану быть и восприниматься его частью, а останется от меня лишь накрытая белой простынёй безжизненная оболочка с чертами внешнего сходства да память знавших меня людей.

Поверить в реальность такого события не помогает мне даже то, что я эту ситуацию постоянно и разнообразно репетирую. Во-первых, я более или менее каждую ночь засыпаю, и это та же самая смерть, потому что мир перестаёт существовать для меня, и сам я перестаю существовать в нём, перестаю участвовать. Во-вторых, я много путешествую, а отъезд из любой местности также является смертью в миниатюре (*partir c'est mourir un peu*¹⁵, – написал в 1891 году Edmond Haraucourt, пояснив в том же стихотворении, что в любом покидаемом месте и времени оставляешь часть себя; Alphonse Allais добавил, что *mourir, c'est partir beaucoup*¹⁶; Набоков усовершенствовал последнюю фразу, записав за 8 лет до смерти, что *mourir c'est partir un peu trop*¹⁷; в нашем масскульте наиболее распространена версия той же мысли от <Жанны Агузаровой> Ильи Резника: *расставанье – маленькая смерть*). Ещё одну репетицию небытия воспел Бродский, написав в 1980 году: *Из забывших меня можно составить город*¹⁸. Количество моих жизней, которые необратимо закончились на одном моём веку, едва ли хватит пальцев пересчитать, но всякий раз невозможно поверить, что так же бесследно пройдёт и нынешняя, что все вещи, которые меня сегодня живо волнуют, трудно будет вспомнить, или понять, почему мне было до них дело.

При этом я совершенно понимаю, что от моей способности поверить в будущее событие ничего решительно не зависит. Тысячелетиями покидали этот мир люди, у которых наверняка были те же когнитивные ограничения, что и у меня (*смерть – это то, что бывает с другими*¹⁹). Поэтому всё, что я могу сделать, чтобы избавиться от неудобств, связанных с мыслью о непостижимости собственной смерти, – это отказаться от привычного естествоиспытательского взгляда на это событие, не анализировать его возможных обстоятельств, не рассматривать каждый прожитый день и каждую выкуренную сигарету как лишний шаг к последней черте. Смерть – всего лишь частный случай будущего, в котором не останется черт настоя-

---

¹⁵ Цитата из стихотворения Эдмона Аракура “Рондель расставания”: *бука*. “уйти – это немного умереть”. (*фр.*)

¹⁶ Цитата из Альфонса Алле полностью: *бука*. “Уйти – это немного умереть, но умереть – это много [чрезмерно] уйти”. (*фр.*)

¹⁷ “Смерть – чуточку затянувшееся расставание” (*пер. с фр.* О. Кириченко). Часть французской цитаты из англоязычного романа В. Набокова “Ада”.

¹⁸ Цитата из стихотворения “Я входил вместо дикого зверя в клетку...”.

¹⁹ Цитата из стихотворения Иосифа Бродского “Памяти Т.Б.” (1968).

щего, и, покуда живём, можно находить в ней безусловную пользу, так как она даёт неисчерпаемую пищу для философских раздумий и поэтических опытов. Одним из которых я и завершу сегодня свой рассказ:

Тот жил и умер, та жила
И умерла, и эти жили
И умерли; к одной могиле
Другая плотно прилегла.

Земля прозрачнее стекла,
И видно в ней, кого убили
И кто убил: на мёртвой пыли
Горит печать добра и зла.

Поверх земли метутся тени
Сошедших в землю поколений;
Им не уйти бы никуда
Из наших рук от самосуда,
Когда б такого же суда
Не ждали мы невесть откуда.²⁰

---

²⁰ Стихотворение Арсения Тарковского (1975).

Глава вторая

Ни слова о шин-гимеле

Демьян Кудрявцев. Еврей и человек

Мой друг Антон Носик был королём прокрастинации и лени – и безропотным рабом долга: два года подряд он ежедневно выпускал и верстал колонку “Вечернего Интернета”, первого русского блога, самого регулярного медиа, учебника, откровения ранней цифровой эпохи, – но он же месяцами не мог завершить простейшее, подступиться к важному, справиться с надоевшим.

Становясь похожими на людей, с которыми мы провели жизнь, мы заимствуем их слабости чаще достоинств. Я не смог написать о Носике, когда он умер, я не сел за стол сразу, когда составитель этой книги попросила меня о предисловии к следующей главе, и вот я сдаю текст за день до крайнего срока – и так поступил бы Антон. Я почти всегда спрашиваю себя, как бы он поступил.

Я знал Антона 27 лет, что к июлю 2017 года было больше, чем половина моей жизни, и навсегда осталось половиной его. В обоих смыслах этого глагола в разные годы мы с ним разделяли жильё, работу, влюблённости, пороки, пристрастия, деньги и убеждения и, многократно споря и даже ругаясь, ни разу не поссорились: такой тип отношений был ему свойственен, для меня же это стало исключением.

В каком-то смысле это теперь только усложняет задачу, потому что мой ближайший товарищ, которого я знал и помню до nepозволительной степени откровенности, до мельчайших жестов и деталей быта, прежде всего должен быть достоверно описан и полно запечатлён как, возможно, самая важная общественная фигура цифрового сообщества начала этого века, невероятно много сделавшая для установления этики и практики российского интернет-взаимодействия, как одна из наиболее самобытных величин современного российского еврейского просвещения и нового сионизма, теоретик и практик низовой благотворительности, и даже политик – в том смысле, в котором становится политиком в России любой деятельный и неравнодушный человек с большой аудиторией, чёткими взглядами и волей. Именно в этих терминах и обстоятельствах должен он быть изучен, запомнен и оценён современниками и потомками, которым ничего не должны и не могут добавить мои нарывающие воспоминания о его лукавой улыбке, о моментально вскипающем раздражении, о сигаретном пепле, ровным слоем засыпающем пол, о том, какое это было счастье – следить за работой его невероятного сознания, настолько сильного и блестящего, что незадействованные излишки этой мощности всё чаще приходилось глушить и заливать, и в какое мучение с годами превратилось наблюдение за его усталостью и незадействованностью, обременёнными славой и многообразными обязательствами, которые он постоянно взваливал на себя. Именно такого, частного Антона я видел чаще всего и выше всего ценю. Для его общественных ролей, уверен, ещё найдётся свой исследователь, который заменит мою размытую от сантиментов близость на отчуждённую дальность, зоркость точности и непредвзятости.

В свои лучшие годы Антон Борисович был человеком уникальной памяти и невероятного круга интересов.

Ещё до всякого интернета в нужную минуту он поражал не только точностью цитаты, но и номером страницы книги, где она приведена. Перед любой поездкой он начитывал путеводители и другую справочную литературу до эффекта узнавания переулков в никогда до

того не виденных городах. В предисловии к жизнеописанию Казановы ему вынесена благодарность переводчика как врачу-диагносту, пациентом которого стал умерший в XVIII веке автор. Десятки людей ежедневно ходят по Венеции с видеофайлами его экскурсий и распечатками статей.

Мне повезло, я слышал их там вживую – та же энциклопедическая смешливая дотошность: даты, имена, биографии, особенности постройки как великих соборов, так и маленьких, случайно сохранившихся церквей. Ценность картины определялась для него совокупностью сюжета, историей создания и владения, перипетиями жизни автора, поэтому о рядовой фреске он мог рассказывать так же долго и с той же радостью, как о шедевре.

Лишённый, возможно, органического восприятия подлинной гармонии, он развил в себе особое удивительное чувство: в искусстве и архитектуре он тоже ценил данные, культурные и контекстуальные связи – каркас цивилизации. Именно этот невидимый строящийся собор человеческого гения – суммы его доказанных знаний и практических достижений – видел он, говоря о флорентийских мостах и восторгаясь шанхайским скоростным экспрессом. Именно поэтому, не расставаясь с камерой, он не гнался за хорошей фотографией – не до конца понимая даже, какая может быть хороша, – а просто фотографировал тысячами – каждый угол, каждое событие, каждый шаг.

Его неразборчивость, помноженная на доброту, разрушала любую иерархию: он с одинаковой радостью прочитывал за день нового Эко, Катуллы в оригинале, Диккенса и Дубовицкого, защищал Веллера и Горчева, а Пушкина и Быкова равно декламировал наизусть. Иногда казалось, что такая всеядность, всеохватность его сознания и души обнуляют в нём человеческое: какая-то помесь ходячей википедии и электронного микроскопа, с одинаковым интересом зависающего над бриллиантом и пеплом. Такому восприятию способствовали страннейший темперамент Антона – его ровное радушие и терпеливая ирония с постоянной подспудной готовностью к возмущению и раздражению, его речь, плотно переложённая матом, его неприглаженная честность, почти врачебная холодность в суждениях.

Антон обрастал душой, превращался в невероятно тонкого, деликатного, заботливого человека только в своей частной жизни: он был прекрасным товарищем, немыслимо преданным, а не поверхностно “надёжным”. Состоя в приятелях у всей Москвы, он был настоящим другом короткому списку никак не связанных (и даже иногда не знакомых между собой) людей, и это была и радость, и честь, и ноша – оказаться среди них. Это была дружба по уходящим, практически недопустимым сегодня стандартам: его дом был всегда открыт для тебя, для ночного визита не требовалось ни договорённости, ни даже звонка, но сам он никогда не появлялся на пороге незванный и без подарка.

За все эти годы он приходил ко мне сотни раз, часто жил и однажды умер у меня дома, – но всегда приезжал с горой покупок.

Доводя до истерики врачей, он ночевал у меня в реанимации и помнил день рождения моего отца. Он отказывался подписать мне гарантию на кредит, который мог меня – не разорить, нет, но на лишний год привязать к неинтересной работе и неяркой жизни.

По большому счёту, на сдачу от этого огромного и подлинного умения дружить поддерживалось много случайных новых связей и отношений. Малоизвестные люди постоянно вспоминали, как проходивший мимо Носик, услышавший об их проблеме в кафе – о севшем телефоне, больном ребёнке, арестованном счёте, неважно (он видел разницу, но не придавал ей особого значения), – начинал эту проблему решать, с одинаковой степенью готовности вкладывая свои время, силы и деньги и привлекая чужие – у него всегда стояла под ружьём армия подписчиков и почитателей, готовая одновременно и спорить, и помогать.

Я часто думал, что, будучи приложены к иной области человеческой деятельности, те силы, которые Антон тратил на дружбу, могли бы дать любые плоды – прекрасный брак, международное признание, капитал, you name it. Но каждый раз с благодарностью и эгоизмом радо-

вался, что этого не случилось. Наша молодость пришлась на сложный и переменчивый отрезок истории, наша биография размазана по разным странам и семьям, мы меняли профессии и гражданства, нас судили, награждали, призывали и изгоняли, мы боролись, смеялись, спорили, скрывались и хоронили – так что дружба, возможно, была единственно постоянным чувством и состоянием, в котором мы провели жизнь и которым по-настоящему овладели.

Я не знал Антона в детстве, но, когда мы познакомились в самом центре Иерусалима, оно ещё играло и переливалось в нём ровным светом хорошей московской детской, юношеским всезнанием, бесконечным количеством неожиданных знакомств и постоянной готовностью к приключениям. Это был блестящий молодой человек, говорящий на нескольких языках, включая не сразу давшийся многим иврит.

Он был той редкой звездой последней еврейской миграции, которая одинаково принималась всеми поколениями переселенцев, даже теми, кто оказался в Израиле до того, как Антон родился. Для новоприехавших он был живым доказательством возможности интеграции и успеха, для старожилов – оправданием новой “алии”, свидетельством её образованности, немеркантильности, её европейскости, если хотите. К моменту, когда он уже не мог соответствовать этим ожиданиям, отказавшись и от интеграции, и от постоянной жизни в Израиле, в такой ролевой модели не стало особой нужды: новая эмиграция преуспела сама и видимым образом изменила окружающую действительность.

Но первые пару лет адаптации слово Носика было, возможно, самым слышным. Его статьи обсуждали, его выступления цитировали, его война с банками против ипотечной кабалы была поводом для ток-шоу, экономических докладов и даже карикатур. Ему светила политическая карьера – та самая, которую сделали худшие из его первых эмигрантских читателей: “русская” партия, лидерство в новом гетто, деньги, подряды и прочая ерунда. Я помню, как решительно он отказывался – не только потому, что был против любого сепаратного, как привилегированного, так и ущемлённого существования новой общины, но также потому, что всегда старался взаимодействовать с истеблишментом и государством открыто и “снаружи”.

Очень схожим был период становления русского интернета, когда на протяжении нескольких лет, в общине примерно такого же размера, как новая российская эмиграция в Израиле, и схожей герметичности, – среди миллиона первых русских пользователей Сети, – авторитет Носика был совершенно непререкаем, идеи невероятно востребованы и все начинания успешны. В среде, которая вскоре дала десятки миллионеров, создала сотни тысяч рабочих мест и практически полностью изменила общество, он так и остался ироничным одиночкой среднего достатка, дорожившим своей отдельностью более многого другого.

Сколько я его знал, он всегда был против постов, но не ответственности, с ними связанной, денег и акций, но не возможностей, которые они давали (президентство в “Рамблере” можно считать исключением, но фиаско Носика на этом посту только подтверждает мою правоту).

Я часто слышал, что его считали спонтанным и непоследовательным, но на самом деле в этих кажущихся противоречиях его воззрений и действий была своя система. Прежде всего, Носик искал причастности и бежал принадлежности, этим напоминая мне своего гоголевского тёзку. При этом у него не было проблем с поисками идентичности, он очень жёстко отсекал чужое, никакие соблазны чуждого не были ему страшны. Помню, как не мог уговорить его заниматься бизнесом и политикой в Киргизии, Латвии, Сингапуре, и в то же время он был готов “вписываться” в любые проекты в Израиле и России, быть частью любых журналистских или сетевых начинаний.

Он показательно соблюдал свою версию кашрута и показно курил по субботам, не снимая кипы. Он был очевидным политическим сторонником израильских крайне правых, но дружил и общался в основном с левыми. При всем его открытом противостоянии и презрении к рос-

сийским авторитарным консерваторам в целом, он дружил, общался и защищал многих деятелей кремлевского лагеря, чётко отделяя неприятие идей и систем от симпатии или терпимости к отдельным их носителям. Он дружил и общался с Навальным и Потупчик, Невзлиным и Леонтьевым, Гусинским и Тимаковой – и никто не считал его ни конъюнктурным, ни всеядным, потому что с каждым из них и тысяч других он не был согласен, но был внимателен и странным образом добр. Среди больных, которым он помогал в своей благотворительной ипостаси, были и мусульмане, и сирийцы, которых в то же самое время он призывал “бомбить” (или к чему он там призывал) в своём знаменитом подсудном тексте, который и сейчас невозможно перечитывать без грусти и раздражения.

И да, он часто был невыносим, упрям, нетерпим и несправедлив, но даже тогда его способ аргументации, его базовая логика и ехидная интонация не менялись. В каком-то смысле он был московским раввином, не праведником, но учителем, занудой и сумасшедшим, местной достопримечательностью и третейским судьей, к которому все приходили за ободрением и советом, финансовой и иной помощью, и засиживались допоздна. И именно это место, эта ниша так и осталась в моём городе и поколении не занята, именно в этом была настоящая роль и предназначение моего друга Антона Носика, как говорят в этих случаях наши единовверцы, благословенна память о нём.

[1994. Из армейского дневника]

“Знаешь, день разрушает ночь, ночь разделяет день. Попробуй бежать. Попробуй спрятаться. Прорвись на другую сторону”.

Это поёт Джеймс Моррисон, солист американской группы The Doors, пионер психоделического рока. Вернее, Джеймс Моррисон ничего такого уже не поёт, потому что в 1971 году он умер в номере парижской гостиницы от передозировки чего-то внутривенного и похоронен на кладбище Пер-Лашез, а на могиле его написано: “KATA TON DAIMONA EAYTOY”. Но радиостанция “Решет Гимель” почему-то именно сегодня решила закончить свою ночную субботнюю программу двухчасовым концертом группы Doors, и раздолбанный длинноволновый приёмник на подоконнике сторожевой будки разносит звуки старой американской песни по склонам уснувших гор Шомрона, который, понятно, Самария.²¹

То есть я – здесь, в бронезилете с облысевшими застёжками, в каске с кожаным намордником, в поясе с двумя флягами и четырьмя магазинами (пятый примкнут к стволу), с автоматической винтовкой типа M16A1 за плечами, охраняю спокойный сон поселения Неве-Багад, неся ночную вахту у железных его ворот. Читатель вправе мне на это заметить, что никакого такого поселения Неве-Багад не существует не только в Самарии (которая, понятно, Шомрон), но и во всей ЙеШа, и вообще кан. Согласен: не существует – и вряд ли оно в обозримом будущем возникнет. Но поскольку охранять спокойный сон поселения поставила меня Армия обороны Израиля – организация, одержимая совершенно детсадовским пристрастием к игре в секретники, – настоящее название места моей действительной службы объявлено военной тайной, разгласить которую мне мешают присяга и подписка о неразглашении. Посему разрешим поселению именоваться Неве-Багад и спать спокойно, покуда я в бронезилете с облысевшими застёжками

²¹ “В согласии с твоим демоном [духом]”. (др. греч.)

обхожу дозором обе стороны его ворот, уперев указательный палец в предохранитель автоматической винтовки, а Джеймс Моррисон (²²²³1943–1971) поёт “Прорвись на другую сторону” на волнах радиостанции “Решет Гимель” далеко за полночь.

Ветра нет, и мясистые розовые цветы на деревьях с неизвестным мне названием почти совсем не шевелятся. Большие серебристые звёзды стоят в чёрном ханаанейском небе неподвижно. Цикады цикают в траве, сверчки сверчат, поселенцы спят, как малые доверчивые дети, а злоумышленники двоюродной национальности то ли отказались от своего первоначального злого умысла, то ли он у них ещё не созрел.

Как бы то ни было, признаков враждебной террористической деятельности в окрестных кустах не наблюдается, если не считать сосредоточенного блуждания сутулой мужской фигуры вдоль забора. Фигура принадлежит моему напарнику по караульной службе, рядовому Джейкобсу из города Питтсбург, штат Пенсильвания (излишне, наверное, напоминать здесь, что его настоящая фамилия, имя и личный номер составляют военную тайну). Угрозы для безопасности поселенцев рядовой Джейкобс не представляет (я собственноручно проверял его винтовку перед началом смены и убедился, что она стоит на предохранителе, а патрона в стволе нет), зато моему напарнику 27 лет, и он созрел для серьёзных намерений в отношении блондинки в возрасте от 20 до 25 лет. О чём и просит меня сообщить читательницам через газету. Исполняю его пожелание. Джейкобс предпочитает, чтобы будущая избранница была из города-героя Хайфы и окрестностей, жёлательно – сабра, но тут уж он, по-моему, преувеличил.²⁴

Итак, Самария, далеко за полночь. Вдали на горном склоне видна цепочка огней – это уличные фонари в арабском селении Бака эль-Гарбие, название которого при всём желании не может составлять военной тайны. Я не слишком много знаю про это селение; успел заметить, что там есть три мечети, бензоколонка и несколько ресторанов восточной кухни.

Помню, что на следующий день после гибели рава Кахане кто-то из его последователей застрелил здесь двух арабов и скрылся на машине марки “пезо” в направлении автострады Шхем-Дженин. Помню ещё, что в Баке живёт коренастый садовник Джамаль, чьё апельсиновое удостоверение личности каждое утро передаётся на наш КПП, потому что Джамаль много лет работает в поселении Неве-Багад и мы его впускаем в ворота даже без специального разрешения от начальника местной охраны. Белый “мерседес”, на котором Джамаль приезжает пропалывать грядки и клумбы поселенцев, остаётся обычно стоять на площади перед поселковым советом, пока его хозяин возится с зелёными насаждениями.²⁵

²² Иудея и Самария. (иврит, аббр.)

²³ Букв. “здесь” (иврит) – израильский лозунг, связанный с протестами против отдачи территорий и обозначающий, что “если уступим здесь, то далее везде”.

²⁴ Коренная жительница Израиля.

²⁵ Раввин Меир Кахане (1932–1990) – общественный и религиозный деятель, депутат кнессета, радикальный сионист. Убит в Нью-Йорке арабом-террористом.

Декретное время

Совместно с Демьяном Кудрявцевым

[март 1992. Время]

В единой, но неделимой столице Государства Израиль перевелись часы. Дело было в полночь, декретно объявленную часом ночи, причём не только у нас, но также в России и Казахстане. Всего же стран, декретировавших в ту нелетнюю ночь летнее время, было на свете 52.

Вино было допито, и Евровидение (то есть наше пока ещё, еврейское видение) уснуло, и чай выкипел из себя – мы сидим и курим в три трубы. Труба первая: Кудрявцев Демьян Борисович, 1971 г.р., еврей, беспартийный, город исхода – Санкт-Ленинград, жена и дети (2 и 1 соответственно). Труба вторая: Носик Антон Борисович же, 1966 г.р., еврей, партийный, город исхода – Москва, жена и дети (1 и 0 соответственно). Третья труба солировала, полная печали, и отменно мешала. Партийная. Ликуд. Этот может.

...Я помню себя ребёнком. По радио объявили декрет большевиков. Что время сдвинулось на час на советском глобусе. Дедушка страшно ругался, мама даже вбежала в комнату, просила: "Ну пожалуйста, не при детях!" Дедушка просто пошёл пятнами весь. Он кричал: "А что они ещё хотят декретировать?! Может, небо? Может, солнце мне тут декретом заменят на..." Дальше мама велела забыть.

Не только дедушка умер, но и большевиков днём с ружьем не сыщешь в их вчерашней колыбели (она же, к слову, моя). А время по-прежнему декретное в 52 странах мира, включая нас. Финансовая комиссия кнессета обещает сэкономить 20 миллионов шекелей на этом декрете.

...Я помню себя ребёнком. Соседи справляли Пасху. Яйца на их столах – во все цвета радуги. "Папа, давай отмечать Пасху!"

– Нет, сыночек, это предрассудки, они свойственны глупым людям.

И через несколько дней: "Папа, ну давай и мы будем глупыми людьми!"

Папа хотел оставаться умным. По-своему это ему удалось, и он об этом до сих пор сожалеет.

Мы выросли, стали дееспособны, подписали Версальский мир. По его условиям нас отнесло за тридевять сот от папы, расселило по обе стороны улицы Аза, и налоговое управление запомнило нас в лицо. Жизнь в государстве победившего сионизма была нами построена так, как и задумана: шумно, бестолково и ненавязчиво. А в одну прекрасную ночь мы допили вино и обнаружили, что стрелки часов вновь движутся не ходом времени, а столь обидным для покойного дедушки декретом.

И море, и Гомер – всё движется декретом, сострил один из нас. Эту фразу, пожалуйста, выкинь, серьёзно сказал второй. Не выкину, потому что это как раз серьёзно. Мы действительно живём в декретном времени.

Хуже того. Мы живём в декретном месте.

Но ведь это ужасно. Дедушка бы нам не простил. Да нет уж, лучше в декретном, чем в подмандатном. Впрочем, откуда вам знать.

Мы приехали в Государство Израиль весной 1990 года. Нам было доподлинно известно, что в этом государстве проживают евреи, общим числом 3,5 миллиона человек, соседствуя с арабами, друзьями, черкесами и др. Ожидалось: социализм, бюрократия, жара и грязь, кру-

гом евреи, к сожалению – не одни, салатный спектр военной формы до конца перспективы (оптической? временной?), вечные камни, фрукты и овощи, комары и мухи, молоком и мёдом, огнем и мечом. Оказалось: социализм, бюрократия, жара и грязь, кругом евреи, к сожалению – не одни, салатный спектр военной формы до конца перспективы (оптической и временной), вечные камни, фрукты и овощи, комары и мухи, молоком и мёдом, огнём и мечом. Но ещё вдруг оказалось, что не в этом дело.

“А в чём, а в чём, а в чём?” – балованным ребёнком заливалось в обиженном сознании наше второе “мы”, альтер нос. Мы же так всё хорошо угадали, почему же догадки наши оказались неприменимы на практике? Почему ни это государство, ни наша в нём жизнь не вписываются в правильную, равнобедренную, заранее выученную и отшлифованную на чемоданах схему?

А потому, милейшие, рассудительно говорит наше первое “мы”, разливая по чашкам, что в эту схему вы забыли вписать себя. Социализм и бюрократия, жара и грязь равны самим себе, покуда смотришь на них с почтительного расстояния в тридевять сот. А когда изнутри, то они равны только тебе. Это твоя грязь и твоя бюрократия, чтобы ты только чего не перепутал. Действительно, соглашаемся, отпив из чашки: такого в страшном сне не предусмотреть.

Время позднее. Декретное. Формулируем.

Итак, мы нашли здесь не только то, что ожидалось. Сверх того, мы нашли здесь себя. Внутри заранее подготовленного пейзажа, успешно простоявшего здесь 5750 лет без нас, нашли – себя, причём с отношением. С отношением ко всякой детали, к каждому лицу, каждому углу и каждой двери. Мать твою, да мы же это любим!

Извращенцы, тихо сказало наше третье “мы”. Первое и второе согласились. Действительно, извращенцы. Как *это* можно любить? А очень просто. Молча. (Бессмысленный вопрос – бессмысленный ответ.) Принимать как есть. Так, как приняли: не успев ещё задаться вопросами “зачем?” и “как можно?!”. Потом уже была цитата из Шолом-Алейхема, вспомненная под утро: “Если на улице – холод, дождь, злые люди, но надо идти, то лучше это любить, чем не любить”. Ещё подумав, объяснили себе, что и выбора у нас особого не было. Либо любить, либо – не здесь. Не в этом пейзаже.

Неправда, возразила третья труба. Есть ещё одна замечательная поза. Называется “оле хадаш”. Не то гражданство, не то профессия. Способ существования. Не на три года, не на пять, а пожизненно – ад меа ве-эсрим. Состояние, при котором солнце встаёт – не для тебя, птицы поют – не для тебя, деревья не растут, газеты не твой мозг полощут. Фраза, сказанная на иврите, обращена не к тебе, даже если она обращена к тебе. В банке или в министерстве ищешь не общую “кабалат-кахаль”, а то единственное окошко, в котором обслуживают – тебя. Когда тебя обижают – обижаешься почему-то²⁶²⁷²⁸ не за себя, а “за алию”. Борешься не за свои собственные права, а за “олимовские”. Пропадаешь при этом ни за что.

“Алия – это социальная группа!” – говорит Политик. И в зале собравшиеся начинают смотреть друг на друга. “Нет!” – кричат одни. Это мы. “Да!” – кричат другие. Это их сознательный выбор.

До сих пор можно было думать, что есть какая-то неизбежность в существовании “олим хадашим”, какая-то необходимость. На определённом, так сказать, этапе абсорбции. Возникновение партии – поворотная точка. Отныне “оле хадаш” – это не временный статус переходного периода, а профессия, идеология, партийная принадлежность и вероисповедание. (Конечно, чешутся руки разоблачать большую ложь “олимовской партии”: с эфиопами, второй по вели-

²⁶ “Новый репатриант” (*иврит*), мн.ч. “олим хадашим”.

²⁷ “До 120” (*иврит*), традиционное еврейское пожелание здоровья и долголетия.

²⁸ Букв. “приём граждан”. (*иврит*)

чине группой репатриантов, этой партии разговаривать не о чем, нет общего языка. И с третьей группой – аргентинцами – говорить тоже не о чем. Так что партия – чисто этническая, русская.)

Когда нам предложили стать социальной группой под названием “алия”, мы отказались. Мы сказали: вы лжёте, такой группы нет. Есть социальные группы чиновников, безработных, студентов, мошавников, сутенёров, пенсионеров и сельских жителей – в любой из них может найтись представитель алии, и он будет принадлежать к своей группе. На нас махнули рукой и предложили следующим: записывайтесь в социальную группу под названием “алия”! И они согласились. Опасная сказка Политика превратилась в действительность – через добровольное согласие людей сделать эту сказку былью. Они – “олим хадашим” по убеждению – отказались от места в группе чиновников, безработных, студентов, мошавников, сутенёров, пенсионеров и сельских жителей. Они отказались быть внутри пейзажа и потребовали для себя особого места снаружи. Дай бог, чтобы им там было просторно, потому что там уже есть²⁹ арабы и ультраортодоксы – в этом странном пространстве вне израильского общества, но внутри его гособюджета.

Здесь приходится поставить точку. Ставим.

Потому что дороги разошлись, и никто никому не указ. Пошло на принцип, и нет надежды докричаться друг до друга. Мы оказались внутри пейзажа, мы это любим, мы это выбираем. Сознательно или бессознательно, по своему ли, по шучьему ли велению, мы – в Израиле, где и всех своих спутников рассчитывали увидеть. И если нам сегодня говорят: “не хотим быть израильтянами, хотим быть олим хадашим со своим особым законодательным статусом, отдельными правами и специальным языком!” – такая заявка не предполагает ни спора, ни даже возражения. Не хотите – не будете. Жаль, но точка поставлена здесь не нами.

Мы переводим стрелки часов, подчиняясь декрету. Интересно, который сегодня час на циферблате у тех, на кого распространяется действие “Закона об алии”? Мы, наверное, много теряем, когда отказываемся от такого закона и когда не завидуем “особым деньгам” в карманах ультраортодоксов, арабскому освобождению от службы в армии...

Наверное, мы – глупые люди. Ими и остаёмся.

С любовью.

[1994. Из армейского дневника]

Стоит лишь отрешиться от призраков, как всё последующее случается с мертвящей неизбежностью, даже посреди хаоса. В начале не было ничего, один лишь хаос – он был жидкостью, обволакивающей меня, и я вдыхал его.

[03.09.2004. “Эхо Москвы”]

Я приезжаю в Израиль. Разумеется, люди, которые меня там встречают, которые давно там живут, считают необходимым рассказать мне, как здесь выглядит супермаркет, что такое банкомат, что такое чековая книжка. Ну и заодно – что если я увижу кем-то оставленный пакет, то я должен немедленно подойти к ближайшему телефонному автомату (тогда ещё мобильных не было) и вызвать полицию. Если я сам оставлю без присмотра пакет или дипломат, то я могу рассчитывать на то, что в течение 15 минут он будет расстрелян специальным взводом сапёров или чуть позже накрыт специальным колпаком и взорван роботом. То есть не оставляй.

---

²⁹ Жители мошавов, сельскохозяйственных поселений, основанных на принципах частного владения (в отличие от *кибуцев*).

В Израиле существует некий фон жёсткости отношения к этому вопросу со стороны всех. Это игра, в которой нет воздержавшихся. Все люди знают, что они не должны оставлять, все люди знают, что, если оставлено, дешевле побеспокоиться, даже если это выглядит как невинный мусор, даже если видно его хозяйку.

Можно ли бороться с террористами их же методами?

[01.11.2004. “Эхо Москвы”]

Фокус в том, что против терроризма эффективны только контртеррористические меры военного характера. Если удаётся террориста ликвидировать, значит он не совершит теракт. Это действительно эффективно.

Разрушение домов <палестинских террористов Израилем> – это способ психологического воздействия на ту среду, из которой приходят террористы. Можно ли оценить это психологическое воздействие? Ну, как это себе представить?.. “Гэллаг” пойдёт по территориям и будет спрашивать?.. Это же невозможно измерить. Судя по количеству шахидов, количество семей, желающих продавать своих детей, резко не уменьшилось.

Зато резко уменьшилось количество успешных терактов в тех местах, где построен забор. Перелезть через забор они не могут. А вот сколько родителей могут продать своих детей – миллион, или полмиллиона, – в конечном счёте неважно, потому что взрывается десяток.

Государство Израиль исходит из того, что борется за своё выживание, и лучше выживать незаконными способами, чем умереть с чувством собственной правоты. Один из создателей и многолетний руководитель “Моссада” Иссер Харель был категорически против вывода “Моссада” “в белую”. Он считал, что “Моссад” должен действовать как криминальная структура, за которую никакой законодатель, никто “чистенький”, ответа не несёт.

В Израиле “Моссад” и вообще спецслужбы пользуются абсолютным доверием квалифицированного большинства населения. В ходе политической борьбы партии, которые обвиняют друг друга во всех смертных грехах и имеют диаметрально противоположные взгляды на все основополагающие вопросы безопасности, экономики, религии, политики, – ни одна из них, тем не менее, не собирает электоральный капитал на разности мнений в обществе о подконтрольности спецслужб. Есть консенсус, что спецслужбам нечто делегируется...

Доверие – безграничное, порой даже чрезмерное – которое есть у израильского общества к своим спецслужбам, это доверие заслуженное. Если бы я, живя в России, на минуту попробовал так доверять российским органам, которые называются правоохранительными, – этой милиции, этой прокуратуре, этому ФСБ, – как я доверяю израильским спецслужбам, находясь в Израиле, мне надо было бы пойти и показаться психиатру или сдать тест на IQ. Потому что это идиотизм – ждать от российского милиционера, что он будет заниматься тем, чем занимается его израильский коллега. И как от спецслужб, про которые известно, что они участвуют в решении экономических вопросов не только в интересах политического заказа, но и в интересах личного обогащения, – ждать щита от террора? А если террор заплатит им лучше, чем казна?..

Неделя имени Кошаровского

[22.05.1992. “Время”]

На пресс-конференции в тель-авивском доме журналистов “Бейт-Соколов”, где было заявлено о создании Национального движения за демократию и алию (ДА), лидер нового движения Юлий Кошаровский произнёс фразу, от которой меня, мягко говоря, покорило. “Как можно говорить о настоящей демократии, если 10 % населения (новые репатрианты. – А.Н.) являются гражданами как бы «условно»?” – риторически спросил лидер движения репатриантов.

Будучи знаком с Юлием Кошаровским лишь заочно, я, по отзывам общих знакомых, привык считать его человеком разумным и рассудительным. Поэтому фраза о 10 % меня озадачила: неужели действительно уважаемый лидер ДА верит в существование общества, где 10 % дискриминируются, а остальные 90 % полноправны? Неужели он считает, что до 1989 года в стране 100 % граждан были полноправны, а потом приехали вдруг за два года 400 тысяч новых репатриантов и породили проблему бесправия? Неужели всерьёз полагает г-н Кошаровский, что проблема прав человека в Израиле – это сугубо репатриантская (10 %) проблема, которую можно решать исключительно созданием отдельной репатриантской партии и принятием отдельного “Закона об алии”, уравнивающего “нас, бесправных”, с “ними, полноправными”?!

Являясь новым репатриантом в большей степени, чем кто-либо из членов списка ДА, я вижу, что проблемы (в том числе юридические), с которыми я сталкиваюсь как новый гражданин Израиля, являются мизерными в сравнении с тем бесправием, настоящим и беспросветным, в котором я пребываю наравне со всеми израильянами, ватиками и сабрами. Я бесправен перед лицом всемогущих монополий, опекаемых государством картелей, торговых сетей, профессиональных союзов, перед армией чиновников, каждый из которых росчерком пера может решить мою судьбу, после чего обжалование займёт долгие годы... Я беззащитен перед управлением телевидения и радиовещания, перед Еврейским агентством, взявшим с меня кабальные обязательства, перед раввинатским судом, где три человека, не знакомых с русским алфавитом, спорят о содержании документов, выписанных на русском языке...³⁰

Кстати, история Родни Кинга, вызвавшая расовые беспорядки в Лос-Анджелесе и возмущение всей американской общественности, в Израиле скорее всего не дошла бы до суда: израильские полицейские, пытавшие электрическим шоком подростка, заподозренного в квартирной краже, отделались недавно дисциплинарным взысканием. Когда эта история сделалась предметом обсуждения в кнессете, высшие полицейские чины (сначала отрицавшие сам факт истязаний) сказали, что они возмущены, но делать нечего: мальчика пытали слишком давно – около года назад, так что для столь лёгкого проступка уже истек срок давности. Подросток, кстати, был стопроцентный сабра.

Корень моего – не репатриантского, а общегражданского – бесправия заключен, на мой взгляд, в отсутствии конституционных законов, защищающих права и достоинство человека – не репатрианта в первые два-три года жизни в стране, а именно человека. Эту проблему уже давно (и нельзя сказать, что безрезультатно) пытаются решить израильские либералы всех цветов политического спектра – от Рафуля, Йоаша Цидона и Дана Меридора справа, Ицхака Модая, Хаима Рамона и Шимона Шитрита в центре до Амнона Рубинштейна, Авраама Пораза и Деди Цукера слева, не говоря уже о профессоре Райхмане, чья организация “Хука ле-Исра-

---

³⁰ Давно прибывшие в страну. (*иврит*)

³¹ См. примечание на с. 90.

эль” (“Конституция – Израилю”) не участвует в парламентских играх, оставаясь вне политики. Если я хочу, чтобы юридическая ситуация в Израиле изменилась, я должен своим голосом помочь тем израильтянам, которые давно и последовательно за это борются, а не создавать им всем конкуренцию, основывая отдельный этнический список, избиратели которого подогреваются рассказами о репатриантских обидах и унижениях и питаются мифами о том, что все местные – угнетатели всех приезжих и приструнить их может лишь “Закон об алии”.

Это не гипербола: я собственными глазами читал в популярнейшей русскоязычной газете утверждение, будто бы в Израиле действует “закон, по которому новому репатрианту за ту же работу платят меньше, чем ватику или сабре”. Конечно, от Юлия Кошаровского такого не услышишь, но родство между рассуждениями о “бесправных десяти процентах” и мифами о существовании “дискриминационного закона” совершенно очевидно. “Права репатрианта”, на мой взгляд, – приманка, вымысел, который объективно (независимо от намерений руководства ДА) может лишь отвлечь новоприбывших от борьбы за права человека и гражданина. Это моё личное мнение, подтверждённое некоторым опытом жизни в стране и знакомством с её институтами.

Однако действительность преподносит сюрпризы, от которых даже мне, при всех моих твёрдых убеждениях, порой становится не по себе. На этой неделе, буквально в день регистрации движения ДА для участия в выборах, произошли два события, которые, к величайшему моему прискорбию, нельзя квалифицировать иначе, как дискриминация репатриантов. Оба почему-то произошли со мной лично за день до того, как ими занялась израильская печать.

...Иерусалимский военкомат полтора года решал вопрос о сроках моего призыва в армию. Одних повесток для прохождения службы я получил четыре штуки. Одна из них предлагала мне явиться на сборный пункт с вещами 2 июня, другая – 15 июня. Я всё же решил заблаговременно позвонить и проверить, какая из повесток самая правильная. Ответ удивил: никакая. Оказывается, Армия обороны Израиля вообще не нуждается в моих услугах. Почему? “Я не имею возможности дать объяснения по этому вопросу”, – сухо заявил мне сотрудник военкомата 17 мая. А на следующий день израильские газеты вышли с заголовками: “ЦАХАЛ решил отказаться от призыва новых репатриантов по соображениям экономии”.

Из статей выясняется, что призывать новых репатриантов нашей доблестной армии накладно: отказ от их призыва экономит в военном бюджете... свыше 200 миллионов шекелей! Можно только порадоваться. Отмена олимовских льгот на покупку машины сэкономила бы втрое меньшую сумму.

Не будем мелочиться, вспоминать, что я все свои планы на ближайшие 4 месяца строил в соответствии с датой призыва. Не будем жалеть и Сашу Ц., который из-за точно такой же, как моя, повестки предупредил квартирную хозяйку о выезде из квартиры накануне призыва и вынужден был отказаться от стажировки в США, куда посылал его работодатель: не могу, босс, в армию иду. Не будем жалеть и доктора Максима И., который после сдачи экзамена и окончания стажировки не стал искать работы, ожидая призыва в армию на полтора года... Это всё – мелкие личные хлопоты мелких личных людей, до которых бюрократам из военкомата нет и не может быть никакого дела. Такое, кстати, может случиться и с любым израильтянином: по закону призвать человека в армию, не оповестив за 55 дней, – нельзя, а отменить призыв на полтора года за полчаса до срока явки – можно.

Здесь интереснее другой аспект: почему из-за бюджетных сложностей армия решает не сократить призыв вообще, а именно прекратить призыв новых репатриантов? Потому что репатрианты, подлежащие призыву на 4 месяца, в отличие от прочих израильских резервистов, не обучены, и курс молодого бойца дорого обходится? Но ведь призывники срочной службы – тоже необученные. Что мешало армии сократить равномерно первичный призыв репатриантов и “срочников”?

Неужели не ясно, что мой статус в еврейском государстве Израиль, начиная с 17 мая, – это статус араба, который голосует, налоги платит, а в армию его не берут? Я не против арабов, я приветствую возможность жить с ними в мире, но я – еврей и приехал в еврейское государство, чтобы равно разделить с его гражданами бремя всех его забот. Если при этом в армию меня не берут – значит, действительно я являюсь “условным” гражданином, как выразился Юлий Кошаровский. И перед каждым служившим в этой стране я – в пожизненном долгу, потому что они за меня кровь проливают, пока я в тылу отсиживаюсь из-за неудачного своего происхождения.

Есть у этой проблемы и ещё ряд аспектов. Учитывая положение в Израиле и регионе, “тиронут” (курс молодого бойца), с которого начинается служба в армии, даёт гражданам Израиля ряд навыков, иногда, к сожалению, применимых в повседневной жизни. Лишая репатриантов возможности получить эти навыки, армейское командование превращает их в группу повышенного риска при возникновении экстремальных ситуаций (террористический акт, всеобщая мобилизация).

Кроме того, невозможность пройти воинскую службу лишает репатриантов шанса устроиться на работу на сотни должностей (от ВОХРа до лётчика), где требуются, если верить объявлениям, “лица, прошедшие службу в ЦАХАЛе”.

С учётом всего вышесказанного я намерен в ближайшее время выяснить возможность обжалования этого мудрого решения армейского руководства в БАГАЦе. Желающих присоединиться прошу написать на моё имя в редакцию.

...В гражданской жизни дела обстоят не лучше. На днях в “Суперсоль”, где я уже два года покупаю продукты, от меня потребовали подтверждение из банка, что мой чек не вернётся. Без этого чек не приняли. Когда я попытался возразить, что это новшество представляется мне не вполне законным, представитель администрации ответил, что “Суперсоль” – частная лавочка, принимает чеки по своему усмотрению. И добавил негромко, но злобно: “Ишь ты, два дня в стране, а уже права качает...”

На следующий день в газетах появились сообщения, что другая сеть – на сей раз “Шекем” – не принимает чеки от новых репатриантов. Кассиршам выдано распоряжение требовать от репатриантов подтверждение из банка либо заверенную справку с постоянного места работы. Об этом сообщил пресс-секретарь “Шекема”, мотивируя нововведение тем, что в последнее время “возвращается слишком много чеков” новых репатриантов.

Охотно допускаю, что это так и есть. Хотя у “Шекема” нет никакого законного способа достоверно выяснить, каких чеков возвращается больше – репатриантских или “местных”. При возврате чека без покрытия банк не пишет на нём, сколько времени находится в стране хозяин чековой книжки. Но представим, что “Шекем” прав. И вспомним, что до начала массовой алии из СССР в Израиле возвращалось без покрытия около 700 тысяч чеков ежегодно. Если было бы доказано, что большинство чеков без покрытия выдают люди с голубыми глазами, брюнеты, выходцы из Туниса, велосипедисты? Против них тоже приняли бы дискриминационные ограничения?!

Нельзя не отметить, что ЦАХАЛ, “Суперсоль” и “Шекем” преподнесли на этой неделе королевский подарок Юлию Кошаровскому и его движению. Дискриминация репатриантов – этот чёрт, которого так долго поминали по всем поводам, – явился пред наши очи за месяц до выборов. Конечно, если я всерьёз надумаю затевать дело против названных организаций и восстанавливать справедливость, мне и в голову не придёт параноидальная идея, что помочь мне могут только выходцы из СССР, причём непременно в кнессете. Я обращусь в ту израильскую организацию (партию, амуту, адвокатскую контору), которая зарекомендовала себя достижениями в борьбе против подобных нарушений. Например, в Сионистский Форум – пойду, а в ДА – не пойду. Совета я попрошу не у “русского” адвоката, а у знающего. Если же я решу привлечь к своей борьбе депутатов кнессета, то обращусь не к Эфраиму Гуру, который из СССР, и

не к Лёве Элиаву, вообще из Москвы. Скорее уж я пойду к профессору Амнону Рубинштейну из Шинуя, ибо он свою готовность бороться с нарушениями законности доказал делом, а не громкими лозунгами или советским происхождением.

[1994. Из армейского дневника]

Из всех известных форм организации человеческого общества бардак является, наверное, самой естественной и широко распространённой.

Без креста

Совместно с Арканом Каривом, Демьяном Кудрявцевым

[10.07.1992. “Время”]

“Я – церковь без креста!” – выкрикнул лет пять назад Юрий Шевчук, солист прославленной питерской рок-группы “ДДТ”, с приторчавшего от собственной свободы советского телеэкрана. В те дни надежды и недоверия, когда кровь прилиwała к вискам, а на душе становилось пророчески пусто, никому не пришло бы в голову понимать эту текстовку буквально. Церковь без креста – что тут долго объяснять, всё ясно и многократно повторено под серый дождь царяпин вдоль кинохроники: 70 лет воевали, а оказалось – с самими собой, этот поезд в огне, и нам не на что больше жать, этот поезд в огне, и нам некуда больше бежать, эта земля была нашей, пока мы не увязли в борьбе, она умрёт, если станет ничьей, пора вернуть эту землю себе... А Юра Шевчук – церковь без креста. Куда уж ясней.

Но вдруг в июне 1992 года на площади Франции в Иерусалиме вознёсся гигантский щит с кроваво-красным изображением храма Василия Блаженного без крестов на куполах (мешковина, белила, масло), и текстовка ДДТ стала явью. Ибо нездешнего вида декорация извещала как раз о приезде в Израиль Шевчука. Вернее, о “Неделе Москвы в Иерусалиме”, на которую собрались со всей России лица из нашего прошлого – от рафинированных абстракционистов и плечистых арт-дилеров до волосатых рокеров, вальяжных киношников с красными от темноты глазами и красного же армейского хора цвета хаки.

“Дожили”, – сказал израильтянин по имени А., оторвав глаза от щита на площади Франции, и другой израильтянин по имени А. с ним полностью согласился. Но после этого они исправно созвонились с отделом культуры муниципалитета и нарыли аккредитации на всё, что там было, – на вернисаж Штейнберга в Доме художников, на просмотр “Гардемаринов” в Синематеке, на “ДДТ” и “Алису” в Брехат ха-Султан и на фольклорный ансамбль “Русская песня”, а на Лёшу Романова из “Воскресенья” в Центре культурных евреев пошли без всякой аккредитации, осведомившись, почём поёт ночная птица, и узнав не без удивления, что вход свободный...

Левый писатель Амос Оз, кажется, первым сказал пару лет назад, что мы украли у них государство. Не в том смысле, что мы – вонючие русские, или уголовники, или проститутки, или много пьём, как можно тут иногда услышать (а можно и не услышать, если не иметь болезненно обострённый слух и не ловить подобное в воздухе). Не в том смысле, что мы припёрлись, получили льгот на миллиарды, купили себе бытовой реактивной техники и уехали обратно, увозя национальное богатство. А просто в Государство Израиль, которое Амос Оз и его односельчане привыкли считать своим личным, понаехали социально далёкие, от которых не приходится ждать, что они подпоют “Интернационалу”, выйдут к Стене Плача махать флагами в Первомай, включатся в братоубийственную борьбу за мир или поедут с песнями в далёкую Кфар-Манду создавать киббуц по выращиванию серпов и молотов. Короче, не те люди, не наши. И в очень большом количестве.

Действительно, количество такое, что есть чего стыдиться. Четыреста, говорят, тысяч за три года. Селимся кучно, даже без направляющих указаний министерства абсорбции. Бывали вы когда-нибудь в Гило? Или в Кирьят-Йовеле, на улице Штерн, под вечер?

– Вообразите, Жорик, эти бляди сняли с меня сорок процентов мас-ахнасы!³²

---

³² НДС.

- А вы их птором, Алла Сергеевна, птором, они таки живенько вам всё вернут...³³
 – Как же, вернут, ироды... Последнее отберут!

Ходим в специальные магазины, куда без голубой книжечки даже поглядеть не пускают. Одной прессы на языке, недоступном Амосу Озу, пишем и читаем, по нескромным подсчётам, миллион экземпляров в неделю. Недослышанное с семи до семи по РЭКА досматриваем в девять по “Актуальности”, а после того переключаемся на Останкино и до отбоя имеем культурный досуг без “Сохен самуя” и “Зеузе”. Создаём союзы выходцев и выходок, в каждом офисе и банке имеем своего человека, и человек этот не всегда понимает про офис, в котором работает, но всегда понимает про нас. С Содружеством имеем такие живые и непосредственные связи, что можем рассказать много новенького его Превосходительству А.Е. Бовину о положении дел в представляемой им федерации. Например, почём там сегодня доллар, сколько дают и просят за квадратный метр полезной площади в Кузьминках и что нужно везти туда/оттуда в текущем квартале.³⁴³⁵

Так что, может быть, государства мы у Амоса Оза не крали, но жизнь четырёхсот тысяч в массе построена вполне экстерриториально, не хватает лишь флага, границы и КПП с таможеней. Браки с аборигенами – редкость, случаются не чаще, чем на доисторической – с иностранцами. Как написано на знамени партии Моледет: “Они – там, мы – здесь, и мир Израилю!” Правда, написано не про алию, а про арабов, но принцип подмечен верно. Сегрегация бытовая, культурная, экономическая и коммунальная – колючая проволока не натянута, но звуковой барьер почти непробиваем.

В такой недвусмысленной обстановке желание единиц оказаться поверх барьеров, слиться из гетто и раствориться в местной среде чем сильнее, тем несбыточней. Один женится на киббуцнице и плодит детей, не знающих русскому языку. Другой подписывает “кеву” и годами кутается в салатное, украшая семейные торжества статным видом и флорой погон. Третий возвращается в ответе и, почернев, надолго пропадает из поля русскоязычного зрения. Четвёртый растворяется в сахарных кубках Еврейского университета и даже не оборачивается потом с высоты горы Смотрящего (Скопус, ха-Цофим) на оставленный Вавилон вдоль стен Градшалаима. И сам я им неизлечим.³⁶³⁷

...Но проходит несколько световых лет в разомкнутом пространстве, и все беглецы проявляются в Центре культурных советских евреев, или на вернисаже культурных советских выкрестов проездом, или в какой-нибудь ещё тусовке ярко выраженного русскоязычного свойства. А подвижники и первопроходцы московского иврита, демонстративно углубившиеся в “Гаарец”, едва сойдя с трапа в Бен-Гурионе, сегодня либо двигают здешнюю русскоязычную прессу вперёд к рентабельности, либо, хуже того, пытаются “консолидировать общину”, из которой 5,45 % готово их для этого видеть в кнессете. Прощай, вересковый мёд ханаанского мифа. Здравствуй, не совсем шотландский король на зелёной поляне под стенами Старого Города. Наступают “Дни Москвы в Иерусалиме”, и выходим мы из-под камня, шурясь на белый свет, сколько нас там было: и старый горбатый карлик, и мальчик пятнадцати лет, и некто лысый в очках, похожий на Йоси Сариду. Это, если кто не понял, был наш групповой автопортрет. Мы, как выше сказано, дожили. До “Дней Москвы”.

³³ Букв. “освобождение” (*иврит*), безналоговый статус.

³⁴ “Сохен самуй” (“Агент под прикрытием”, в русскоязычной версии “Умник”) – популярный израильский сериал (1987–1990 гг.). “Зеузе” – молодежный образовательный сериал 1 и 2 каналов израильского телевидения.

³⁵ Бовин Александр Евгеньевич (1930–2004) – журналист, политолог, дипломат, в 1991–1997 годах – посол СССР, а затем Российской Федерации в Израиле.

³⁶ Статус постоянного сотрудника (также “квиют”).

³⁷ Букв. “хазер бе тшува” (*иврит*), о человеке, возвращающемся к соблюдению заповедей иудаизма.

Как мы пели за деньги

Совместно с Арканом Каривом, Демьяном Кудрявцевым, Арсеном Ревазовым

[1992. “Вести”]

Мы стареем, это неизбежно. Мы теряем лёгкость на подъём, спонтанность, чувство юмора; один из нас с ужасающей быстротой теряет волосы на голове. Мы всё меньше интересуемся женщинами и всё больше – хорошим обедом, желательно – за счёт заведения, кто бы им ни был. Былое презрение к деньгам постепенно сменяется бережливостью, граничащей со скопидомством: наших избранниц уже не ожидает ужин даже в дешёвой “Наргиле”. С трудом втягивая воздух в прокуренные лёгкие, безо всякого желания – по одной лишь обязанности, мы тащимся с ними, проклиная хамсин и безденежье, на прогулку по Старому Городу. Там мы отдаём последнюю дань романтике и читаем специально подготовленные для этой цели стихи:

Когда бы реки повернули к нам
последнею водой к Иерусалиму
где жили мы
полуденным палимы
то
ту
которую
до этого не знал
я звал бы анну
Анна!
и она
не проходила б мимо...³⁸

Отдекламировав, мы совершаем ритуальный первый поцелуй, затем куём железо: деловито ловим таксомотор и через три минуты уже варим кофе – “ты здесь совсем один живёшь?” – в нашей центральной квартире. Редкие отказы (“ой, может, не надо... мама будет волноваться... мне сегодня нельзя...”) воспринимаются с плохо скрываемым облегчением, отчего становятся более частыми. Дверь за посетительницей закрывается, собака укладывается на коврике, честно-просительное выражение нашего лица сменяется дориан-греевской ухмылкой, и с криком: “Сколь же радостней прекрасное вне тела!” – мы валимся на скрипучий диван (вот счастье-то: можно по диагонали!) и убаюкиваем себя тринадцатым (который уж год...) уроком из “Самоучителя португальского языка”. Диалог: “Знакомство. Прогулка по городу”. Фодо, фодес, фодер.

Но если завтра в дверь постучат и на пороге встанет чёрный с пейсами человек из “Хеврат кадиша”, пришедший с деревянным сантиметром производить замеры наших форм, – нет, не пустим. Врёшь, костлявая, рано: в нас горит ещё желанье. Конечно, не то уже, которое выгнало за полночь на Минский хайвей или втискивало в заплёванный тамбур “шестьсот весёлого” (до Калинина – стоя)... И не то, ради которого гуляли под ручку по замёрзшим лужам до рассвета, на память читая Бродского. И не то, заставлявшее пилить левое предплечье ржавым лезвием “Спутник”... Но желания умирают последними – даже позже ещё, чем надежды. И приключений на свою почти уже лысую – нет-нет, голову! – нам по-прежнему хочется.

---

³⁸ Фрагмент стихотворения Д. Кудрявцева из поэтического цикла “Памяти Залива” (1991).

И мы их ищем. “Дожили до седых яиц, – добродушно ворчит ветеран российской гинекологии Мария Михайловна Р., – а ума не нажили”, – глядя, как наша печальная команда, вооружённая двумя гитарами и тремя рюмками коньяку из кафе напротив, усаживается на тёплый булыжник иерусалимского арбата на исходе субботы. А что поделаешь? Компания “Эм Эн Джей Лимитед” переживает временные финансовые затруднения, некто Нимроды заплатит последние деньги не раньше десятого (если вообще), Дёма купил себе “пежо”, и порядочный человек на его месте давно бы застрелился с такими долгами. Сегодня мы пришли просить подаяния. Пойми нас правильно, историческая родина. Твои дети хотят кушать. Крабов.

Президент компании “Эм Эн Джей Лимитед” Арсен А. Ревазов, M.D., берёт первый аккорд. Ответственный график издательства “Графор” Демьян Б. Кудрявцев (тот самый, который создал кодаковскую блядь с синими губами) подстраивается по ноте соль, тихо матерясь и трясая причёской фасона “Мицыри” (см. иллюстрации Фаворского к первоисточнику). Обхватив колени, уткнув в них лицевую часть черепа, собственный корреспондент газеты “В.” из района боевых сербско-хорватских действий готовится вступить развратным баритоном. Одолжив без спросу из соседней забегаловки столик и пластиковое канареечное кресло, экономический редактор той же газеты фарширует хлипкое тело блинчиками с шоколадом (куда что потом девается?!). У ног скульптурной группы – раскрытый чехол из-под гитары, где в живописном беспорядке разложены медные монетки для возбуждения природной еврейской щедрости прохожих. Сбоку, почти не попадая в кадр, стоит Мадонна Михайловна Ф. с младенцем на руках, младенец радостно скалится редкими зубами на граждан. На другом фланге – снисходительный прищур Марии Михайловны Р., уже процитированной выше.³⁹⁴⁰

И вот они, братцы, запели. Бог мой, кто б мог подумать, что вместе у нас ещё более отвратительные голоса, чем по отдельности! Прохожие, впрочем, останавливались, с интересом заглядывали в чехол, подсчитывая общую сумму мелочи. Весёлая стайка сефардских школьников ликудного вида обступила нас и обещала озолотить, если споём гимн “Бейтара” (Иерусалим). Мы сообщили им, что власть в стране сменилась, и в подтверждение своих слов исполнили (довольно, кстати, складно) “Союз нерушимый”. Этого они не поняли и ушли дальше, вниз, к площади Сиона.

Позже настала очередь “Катюши”. Есть такая хорошая ивритская песня: “Ливлеву агас ве-гам тапуах, арфилим чего-то там не’ар...” Тут к нам подсели два звёздно-полосатых тинейджера в чёрных кипах и попросили разрешения услышать, как она поёт. Разрешение было дано, и янки честно дослушали до конца, наступившего, впрочем, довольно скоро, потому что третьего куплета никто из нас не вспомнил даже на идише.

- Ду ю спик англит? – осторожно спросили американцы крайнего из нас.
- Кен, ай ду! А что? – показал себя эдаким полиглотом лысый череп.
- Уэр ю бай драгз в этом городе? – спросили кипастые форины на жаргоне “Ешива юниверсити”. Сторонники Клинтона, они не интересовались морфином или ЛСД, пределом испорченности в их ешиве оказалась зелёная, сыпучая палестинская марихуана.
- Ин зе арабик сектор оф зе сити, – сказал экономический редактор.
- На площади Когана, у художников, – уточнил ответственный график.
- У Джонни в пабе “Череп”! – сказал лысый череп.
- На каждом углу, – подвёл итоги дискуссии президент компании с ограниченной ответственностью.

– У меня, – тихо вступил в разговор неизвестно откуда взявшийся очкарик Съеблом (подлинная фамилия хранится в редакции). Он бросил в гитарный чехол десять рублей одной

³⁹ Doctor of Medicine.

⁴⁰ Речь идёт об Аркане Кариве (1963–2012), писателе и журналисте. В начале 1990-х годов, как собственный корреспондент газеты “Вести”, он работал в зоне боевых действий на территории бывшей Югославии.

монеткой – проездом из Москвы в Петербург, знай наших! – и, заговорщически подмигнув ансамблю, увёл американцев за угол. На прощание они успели крикнуть “спасибо!” и сыпануть нам пять шекелевых монеток на пропитание.

Анна (см. выше) действительно не прошла мимо. Она возникла из ночных огней кафе напротив – того самого, откуда мы полуспёрли столик и креслице, – подошла к нам и встала справа, улыбаясь и глядя на всех нас вместе, ни на кого в отдельности. Потом она прикурила, попрощалась, сдала смену и пошла домой ваять очередной унитаз из карской глазированной в цветочек глины. А мы продолжали петь. Так увлеклись, так увлеклись. Даже про крабов забыли.

Ночная публика струилась мимо в обе стороны. По левую руку от Арсена возник лоток с варёной кукурузой. Затем три смурных косматых курда притащили картонную коробку, набитую самопальными магнитофонными записями. Нам по этническому признаку предложили Высоцкого. Мы предпочли Поликера и гордо ничего не купили (Нимроды заплатит только десятого, Дёма в долгах за “пежо”, см. выше). Кто-то, очень быстро пробежавший мимо, бросил в гитарный чехол запечатанную пачку солёных кукурузных хлопьев “Бамба” производства компании “Осем”. Лица благодетеля мы так и не разглядели. Скорее всего, за ним кто-то гнался.

– Конфетки, бараночки! – тряс кудряшками (они же – руно) ответственный график. – Словно лебеди-саночки...

– Спят усталые игрушки, – выводил жалобно экономический редактор. – Книжки спят.

– Yesterday love was such an easy game to play, – сетовал козлиным голосом лысый череп.

– Корчит тело России, – тревожил память поэта и между прочим солдата Михаила С. Генделева президент компании, сам почти русский офицер в изгнании с ограниченной ответственностью.

Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла любимый город (может спать спокойно – не разобравшись в синтаксисе, дописала чья-то паскудная левая рука). И мы отправились домой, где “Самоучитель португальского языка” уже распахивался нам навстречу тринадцатым уроком. Фодо, фодес, фодер... И не было с нами в эту ночь той, что всплакнула бы под душем, повторяя одними губами последнюю нашу строфу:

я
обитатель будущего дна
гляжу как зажигается одна
и гаснет
и финальная волна
проходит над
стеной Иерусалима.⁴¹

И слава богу, что не было.

---

⁴¹ Финальная строфа ранее процитированного стихотворения Д. Кудрявцева “Памяти Залива” (1991).

Всю жизнь – займы

[19.04.1991. “Время”]

Слово “машканта” – явно арамейское по своему происхождению – большинство новых репатриантов выучивают ещё в Советском Союзе, раньше, чем “савланут” или “беседер”. О банковских ссудах на приобретение жилья подробно рассказывают информационные листки министерства абсорбции, раздаваемые в генеральном консульстве, цветные рекламные проспекты ипотечных банков и те израильтяне, которые, пользуясь растерянностью советской власти, заполонили Москву в последние годы.⁴²⁴³⁴⁴

Сама идея ссуды в сорок – а то и больше – тысяч долларов, которую государство одалживает любому новоприбывшему, звучит поначалу дико для человека, не получившего в родной гострудсберкассе за всю жизнь и одной копейки в кредит. Однако первый шок преодолевается легко, и перед репатриантом встаёт другой вопрос: взять машканту по закону можно, а вот по карману ли будет её возвращать?

– Вы журналист? Про алию пишете? – Во взгляде моего собеседника появился вызов. – А про машканту вы пишете?

– Случается. А что?

– А вы пробовали с карандашом в руках подсчитать, возможно ли эту машканту выплатить? Я вам говорю как профессор математики: выплатить её невозможно. При самых льготных условиях. Потому что индекс, к которому привязана машканта, растет быстрее вашей зарплаты – и намного быстрее. Вот посмотрите: в 1989 году индекс вырос на 20 %. Стало быть, взятые вами 100 тысяч превратились в 120. На следующий год – ещё 20 %. Вы должны уже 144 тысячи. На следующий год – уже 172 800. А ещё через год – 207 360 шекелей. Стало быть, долг ваш за четыре года удвоится. А зарплата удвоится? Как вы думаете? И ещё: надеетесь ли вы, что ваша зарплата за ближайшие шесть лет учетверится? Что за будущие восемь лет она возрастет в шесть раз? Машканта, заметьте, будет расти именно такими темпами.

– И что будет?

– Напрасно вы пропускали в школе уроки математики, молодой человек. Иначе вы бы поняли из моих расчётов, что любая машканта уже в первое десятилетие её возврата начинает превышать любую зарплату. Это при неизменной инфляции. А если инфляция подскочит, скажем, процентов до тридцати? Кстати, вам известно, какую сумму денег возвращает через 30 лет человек, который взял в 1990 году льготную олимовскую машканту в 74 тысячи шекелей?

– Это уже высшая математика...

– Ничуть. Это арифметика. Суммарный возврат составляет при нынешнем уровне инфляции около 550 тысяч шекелей. У вас нет впечатления, что жалко покупать 72 тысячи за 550 тысяч? И это, напоминая, только льготная – а на неё, как известно, никакой квартиры сегодня не купишь. Даже в пустыне Негев. Даже в арабском квартале, извиняюсь за выражение.

---

⁴² “Ипотека” (“ипотечная ссуда”). (иврит) Публикуемая статья о машканте открыла цикл материалов А. Носика на эту тему, написанных в 1991–1993 годах и до сих пор памятных русскоязычным репатриантам, читателям “Времени” и “Вестей”. Носик – как сказали бы сегодня, в режиме онлайн, реагируя едва ли не еженедельно на общественную дискуссию на эту тему, – поневоле выступил консультантом по банковским и жилищным вопросам для всех русскоязычных репатриантов, стоявших перед дилеммой покупки квартиры и не имевших опыта в этом деле. Экономические выкладки Носика в этих материалах были по сути своей дискуссионными, содержали отчётливую личную ноту и вызвали одно из самых бурных в русскоязычном Израиле обсуждений.

⁴³ “Терпение”. (иврит)

⁴⁴ Букв. “в порядке”. (иврит)

– Что же вы предлагаете?

– Не брать машканту! Сам не возьму и другим не советую. Лучше уж всю жизнь на съёмной квартире.

– Но послушайте, ведь все же её берут, эту машканту! И не похоже, что все израильские квартирновладельцы сидят в долговых тюрьмах...

– Ипотечные ссуды, привязанные к индексу потребительских цен, были введены не более 10 лет назад, – терпеливо объяснил мой собеседник. – И даются эти ссуды сроком на 30 лет. Так что во всём Израиле нет ни одного человека, который уже погасил бы целиком прикрепленную машканту. И во всём мире тоже нет, поскольку во всём мире не существует ссуды, прикрепленной к индексу потребительских цен. В развитых странах такие ссуды выдаются под 9–10 % годовых – и точка.

– А инфляция?

– В США, например, не более 8 % со времени прихода к власти Рейгана. Но ведь инфляция – это обесценивание денег, то есть синхронный рост цен и доходов населения. А индекс – это рост одних только цен; доходы при этом расти совершенно не обязаны. Согласитесь, что между плавным обесцениванием национальной валюты и резким обесцениванием индивидуальных доходов есть немалая разница...

Мой собеседник, в прошлом доцент кафедры вычислительной техники в одном из московских институтов, а ныне работник небольшой компьютерной фирмы, приехавший в Израиль в феврале 1989-го, машканты до сих пор не взял, продолжая снимать за 450 долларов трёхкомнатную квартиру под Тель-Авивом. Его рассуждения впервые заставили меня усомниться в привлекательности льготных ипотечных ссуд. Впоследствии такие же выкладки мне приходилось слышать неоднократно.

Разговор происходил в октябре минувшего года на пляже Холона под шум прибоя и песню Иланы Авиталь “Как хорошо, что вы приехали”. А месяц спустя израильские банки сообщили: из 150 тысяч репатриантов, прибывших из СССР до декабря 1990 года, лишь 400 человек воспользовались правом на льготную ипотечную ссуду – машканту. Видимо, мой случайный собеседник с холонского пляжа оказался не одинок в своей оценке.

С тех пор многое изменилось. Число новых репатриантов, решивших обзавестись квартирой, существенно возросло в последние месяцы. Некогда безлюдные отделы ипотечных ссуд крупных банков заполнились посетителями. У дверей кабинетов звучит русская речь. Принцип, тем не менее, остался тот, на который указывал мой холонский собеседник: размер ежемесячного возврата полученной ссуды зависит от роста индекса потребительских цен. Следовательно, даже если начальный возврат на ссуду в 74 000 шекелей составляет 207 шекелей в месяц, то через 8 лет тот же возврат будет составлять уже более 1300 шекелей. А 74 000 – это ещё далеко не та сумма, на которую можно рассчитывать купить квартиру (для сравнения: средняя квартира в Израиле стоит 189 480 шекелей: в Иерусалиме средняя стоимость – 237 737 шекелей, в Тель-Авиве – 272 281 шекель, в Хайфе – 99 478 шекелей).

Оставшаяся – не льготная – часть ипотечной ссуды выдаётся под проценты в дополнение к привязке к индексу цен. На проценты набегают ещё проценты (на иврите этот процесс называется “рибит де-рибит”) – в итоге долг по дополнительной ссуде опережает долг по основной ссуде и... Хватит о грустном!

На что рассчитывают люди, которые, несмотря на вышесказанное, всё же берут ипотечную ссуду?

Игорь, 36 лет, из Москвы, в Израиле работает электронщиком: “Конечно, её нельзя выплатить. Я и не собираюсь её выплачивать. Израиль – это страна чудес. Случится чудо, и долги мои простятся”.

Михаил и Света из Ленинграда, устроились инженерами в государственные фирмы в Иерусалиме: “Нам объясняли, что никто не требует выплачивать всю сумму целиком. Просто платишь её 30 лет, а потом она списывается. Нам так рассказывали знающие люди”.

Тамара, 25 лет, из Киева, временно не работает: “Я куплю сейчас квартиру, буду её сдавать и из этих денег выплачивать возврат в банк. А потом квартира поднимется в цене в два-три раза, я её продам, выплачу ссуду одним ударом и останусь с приличным «наваром»”.

Фёдор, 26 лет, из Ленинграда, открывает собственное издательское дело: “Я в Израиле долго не задержусь – лет шесть-семь максимум. Всё это время платить аренду мне просто накладно – дешевле купить квартиру, выплачивать возврат, а потом продать квартиру и вернуть ссуду”.

Во всех ответах – полное нежелание сесть с карандашом и посчитать собственные шансы в этой безвыигрышной лотерее. Общественный климат давит: покупай, завтра будет поздно, завтра не останется квартир, кончатся ссуды, утратятся цены. Покупай, покуда не настало завтра!

Представители банков обходительны и оптимистичны: “Ну и что же, что возврат растёт! Зарплата ведь тоже на месте не стоит! Кроме того, мы следим, чтобы начальный возврат не превышал четверти от зарплаты получателя ссуды. Это значит, что до размеров всей зарплаты выплата не дойдёт никогда! Во всяком случае, нам о таких случаях неизвестно”.

В прошлом месяце “Первый международный банк” Израиля (банк “Леуми ха-ришон”) объявил о том, что выдаёт ссуду, не прикрепленную к индексу потребительских цен. Пресса почему-то обошла это событие молчанием, да и сам банк воздержался от шумной рекламной кампании для своего нововведения: рождение новой “революционной” ссуды обошлось без лишних слов. Тем не менее, к конторке с табличкой “Машканта” в “Первом международном” не пробиться. Военнослужащие, молодые семьи с детьми, новые репатрианты, полицейские, бизнесмены и “вязанные кипы” толпятся напротив стола в иерусалимском отделении банка, за которым усталая и печальная Дорит объясняет желающим условия получения и возврата новой ссуды: “Срок выплаты составляет от⁴⁵ 5 до 10 лет. Сумма выплаты в месяц постоянна и известна заранее. Размер ссуды – до 75 % от стоимости квартиры, – повторяет Дорит всё новым и новым посетителям. – На 5 лет возврат составляет 257 шекелей в месяц с каждых взятых 10 тысяч шекелей. На 10 лет он составляет 185 шекелей с каждых 10 тысяч. Считайте сами. Думайте сами”.

“Это упаковка, – убеждённо говорит Малахи Меир из ипотечного банка “Аданим”, группа “Мизрахи”. – Это всего лишь упаковка. На самом деле сумма возврата с привязкой к индексу или из расчёта 20 % годовых, как в банке «Леуми ха-ришон», – это практически одно и то же. Те же темпы роста. Кроме того, у них можно растянуть выплату не больше чем на 10 лет – кто же такое выдержит? Ведь средняя зарплата – около 2 400 шекелей, а у них ежемесячный возврат на 70 тысяч составляет 1 295 шекелей на 10 лет или 1 799 шекелей на 5 лет!”

Его коллега Шауль настроен не так пессимистично: “Машканта, которую предлагает сегодня «Первый международный банк», должна была неизбежно появиться на ипотечном рынке. Учитывая резко возросший спрос на жильё и машканти, кто-то должен был предложить клиентам ссуду без привязки к индексу. Этот банк оказался первым, но он недолго будет оставаться единственным. Другие банки в ближайшее время последуют за ним. Это перспективный путь, выгодный для клиентов и для банка”.

“Да что ты, право же, как маленький, – Моше Коэн из банка «Леуми» улыбается по-отечески. – «Революция», ишь ты... Все машканти привязаны к индексу, а у «Леуми ха-ришон» – к долговому проценту под названием «прайм», который определяет Банк Израиля. Уровень долгового процента на ипотечную ссуду в этом банке составляет 130 % от размеров «прайма».

---

⁴⁵ Подразумеваются религиозные сионисты.

Сегодня это 21,2 % эффективного годового возврата, но никто не может предсказать, каков будет итоговый «прайм» 1991 года. Поднимается «прайм» – повышается и размер ежемесячного возврата в «Леуми ха-ришон». Конечно, «прайм» и индекс – это разные слова, однако суть одна”.

“По процентам, по абсолютной сумме возврат в нашем банке похож на возврат с привязкой к индексу, – говорит Шуламит из “Леуми ха-ришон”. – Но программа постоянных выплат безусловно привлекательна. Через месяц после открытия новой программы трудно судить о её эффективности и выгоде. Однако что-то в этом есть. Страх перед привязкой к индексу – это не невроз и не национальный предрассудок. Это совершенно законное нежелание жить в течение 30 лет на пороховой бочке, не зная, сколько ты окажешься должен завтра”.

Кто прав? Произошла ли “революция в ипотечном деле” или мы столкнулись здесь с ещё одной рекламной упаковкой, в которую завернут всё тот же непогасимый долг квартировладельца банку? Виден ли свет в конце долгового туннеля длиной в 30 лет – длиной в жизнь? Или это лишь блестящая фольга, скрывающая глухую бетонную стену?

В споре о достоинствах новой, неприкреплённой машканты немало будет сломано копий. Экономисты, финансисты и банкиры будут спорить до хрипоты, заваливая друг друга столбцами цифр из последней балансовой сводки Банка Израиля.

А главный получатель ипотечной ссуды 1991 года – новый репатриант из СССР – по-прежнему будет давиться в очереди к столу с табличкой “Машканта”, надеясь не на абстракции вроде “абсолютного смещения эффективного банковского процента”, а на совершенно конкретную вещь: на чудо. На день прощения и забвения всех долгов.

Урок перспективы

[06.09.1991. “Время”]

Репортаж о машкантах “Всю жизнь – займы” вызвал сотни читательских откликов: в редакцию писали, звонили, обращались с вопросами, жаловались и присылали собственные формулы расчётов возрастания долга по ссуде. Многие русскоязычные газеты поспешили поддержать тему. Радиостанция “РЭКА” и телевизионные программы на русском языке также посвятили немало места болезненной теме. Не остались в долгу и ипотечные банки: их сотрудники поспешили опубликовать ряд разъяснительных статей, успокаивая общественность: “Подумаешь, долги растут! Зарплата всё равно растёт быстрее...” Несмотря на эти опровержения, слово “машканта” в олимовском лексиконе довольно скоро превратилось в бранное и обросло эпитетами “грабительская”, “невыносимая”.

Вопрос о машкантах был поднят в кнессете – и с тех пор не иссякает поток всё новых решений, указаний и постановлений, почти ежемесячно изменяющих условия получения машканы и её размеры.

Как бы то ни было, численность репатриантских семей, берущих машканы, после апреля 1991 года начала снижаться. Прежде всего этот процесс был связан с чехардой ипотечных реформ, обсуждавшихся с начала мая кнессетом и правительством. Однако и изменения в настроениях репатриантов, возможно, сыграли здесь свою роль. Поэтому советник правительства по жилищным вопросам, экономист Шломо Шатнер был неприятно удивлён, когда услышал, что в русскоязычных израильских средствах массовой информации ведётся кампания против получения машкант. Шломо Шатнер позвонил Натану Щаранскому и выразил своё недоумение по поводу кампании против машкант. “Возрази, – сказал Щаранский. – Переубеди репатриантов. Представь контраргументы”.

И вот в тёплый августовский вечер я отправился к господину Шатнеру, чтобы переубедиться и переубедить читателей: может быть, всё-таки стоит брать машканту, а? Возможно, стоит даже спешить, ведь квартиры в Израиле до сих пор только дорожали, а условия машканы только ухудшались.

Честно говоря, исходя из своего предшествующего опыта споров о машканте с представителями израильского истеблишмента, я не ждал большого толка от своей беседы с господином Шатнером. Обычно такие беседы протекали весьма однообразно:

– Пятьсот тысяч постановлений об аресте имущества за долги?! За один только прошлый год?! Какая чушь! В какой газете вы это вычитали?!

– Эти данные сообщил мне депутат кнессета, профессор права Чикагского университета Шимон Шитрит.

– Ах, эти политики... Не слушайте их, молодой человек, вы же ещё не разбираетесь в израильской политике!

– Эти данные заимствованы из ежегодного отчёта министерства юстиции за 1990 год.

– Отчёт-шмотчёт. Я вам так скажу, молодой человек, все будет в порядке. Так и напишите. А квартиры будут только дорожать, так что чем скорее купите – тем дешевле обойдётся.

Подобных речей ожидал я и от Шломо Шатнера. Советник правительства – сам титул предполагает причастность его носителя ко всем тем ошибкам, которые понаделало наше правительство со дня своего формирования. С другой стороны, экономист. По поступкам наших министров не скажешь, чтобы они слишком прислушивались к мнению специалистов перед тем, как принимать свои “исторические решения”.

В общем, не будем загадывать, решил я.

Шатнер оказался худым блондином за сорок, со спокойным тихим голосом и без каких-либо признаков ведомственной полноты и самоуверенности. Ковбойка, джинсы, кроссовки. Предложил кофе, закурил “Парламент” из синей пачки, поговорил по телефону с сыном.

– По профессии я советник, консультант. Даю советы. Если ко мне приходит человек и говорит: “Шломо, купить мне квартиру или нет?”, то я, конечно, не отвечаю ему прямо: покупай, не покупай. Да и задача моя не в том, чтобы решать за него. Самое важное, чтобы человек имел достаточно исходных данных для самостоятельного принятия решения. Чтобы это решение – важное в его жизни – принималось на основании трезвой оценки всех входящих компонентов и фактов, а не под влиянием слухов, суеверий и иллюзий.

Решение купить квартиру нелегко даётся даже коренным израильтянам. Но новым репатриантам такое решение принять ещё трудней. Коренной израильтянин, во-первых, знает, какова обстановка в различных районах страны, на что и где он может рассчитывать: где есть спрос на его профессию, где есть хорошее транспортное сообщение с центром страны. Кроме того, у каждого коренного израильтянина есть в стране место, где он вырос, где у него сложились привычные отношения и связи. Этими обстоятельствами в значительной степени определяется его выбор. А репатриант в этом вопросе – *tabula rasa*. Ему трудно судить о местных условиях, о том, где у него больше шансов найти работу, где лучше жить. Тут он должен сам разобраться, познакомиться с местными условиями. Это, так сказать, объективная реальность.

А есть ещё распространенные репатриантские иллюзии – и они как раз очень вредны, на мой взгляд. Эти иллюзии искажают процесс принятия решений в среде репатриантов. И здесь не они одни виноваты. Первая иллюзия, опасное заблуждение, – что в один прекрасный день министерство жилищного строительства будет раздавать квартиры даром. Важно знать, что такого не случится никогда. Когда только лишь появились караваны, многие репатрианты не хотели там селиться из страха, что, получив караван, они теряют место в “очереди за квартирами”. Странно повело себя и министерство строительства: Шарон заявил, что не только не потеряют место, а наоборот: кто согласится жить в караванах, будет записан в начало этой самой очереди. А очереди-то никакой и нет. Ни первым в ней, ни последним бесплатных квартир не достанется. Не будет этого. Чтобы каждой репатриантской семье подарить по квартире, с каждого израильского налогоплательщика придётся снять – в дополнение к уже существующим налогам – тысяч эдак четырнадцать шекелей. Как вы думаете, согласится кто-нибудь на это? Это, между прочим, половина среднегодовой зарплаты! Поэтому раздачи бесплатных квартир не будет. Рано или поздно квартиру придётся покупать практически всем...

– Пусть раздачи квартир не будет, но по сегодняшним вздутым ценам покупать квартиру как-то дико... Кроме того, Шарон сейчас раздал подрядчикам обязательства закупить у них десятки тысяч квартир. Куда он их потом денет? Сам будет жить? Он их будет спихивать на баланс “Амидара” или продавать – но по такой цене, чтобы репатрианты могли их купить.

– Я и не говорю, что квартиру непременно нужно покупать сейчас. Цены действительно устрашающие, за один июль выросли на 11 %. Человек, который покупает сегодня квартиру, должен иметь в виду, что в будущем стоимость его недвижимости может снизиться. Я говорю сейчас о другом – о том, что опасна принципиальная выжидательная поза, надежда на то, что в один прекрасный день квартиры будут раздавать даром. Этот день не наступит никогда.

Кроме того, не забывайте, где у Шарона строятся квартиры. В Димоне! В Кирьят-Шмоне! *(презрительно:)* В Йе-ру-ха-ме! Что ты там делать будешь, в Йерухаме?! На мух охотиться?! Там же работы нет совсем никакой, местные бегут. И в Тель-Авиве ты, живя в Йерухаме, особенно не поработаешь. А в центре страны Шарон никакого демпинга не устроит. Он искусственно тормозит там строительство, чтобы загнать всех на территории. Поэтому в центре страны и на подешевение особенно рассчитывать не приходится.

– То есть вы советуете покупать квартиру сейчас, по вздутым спекулятивным ценам?

– Повторяю: я не советую покупать квартиру. Ни сегодня, ни через год. Я просто хочу, чтобы люди ясно представляли себе имеющуюся у них альтернативу. Купить квартиру – трудное решение. И вообще здесь не идёт борьба хорошего с лучшим. Здесь из двух зол выбирается наименьшее.

Многим представляется, что снимать – это наименьшее зло. Но нужно выбрать правильные критерии для сравнения. Скажем, так: сколько ты платишь за подержанную квартиру, а сколько за новую. Не будем брать сумасшедшие районы – северный Тель-Авив, Рехавию в Иерусалиме, – возьмем, к примеру, Бейт-Шемеш. Там есть трёхкомнатные квартиры. Новые и подержанные. Новые стоят, скажем, 80 тысяч долларов за 60 квадратных метров, а подержанные – 55 тысяч долларов за ту же площадь. На новые при этом можно получить местную ссуду в 20 тысяч долларов, плюс льготная машканта в 31 тысячу. Итого – 51 тысяча, остальные 30 тысяч долларов – “машлима” (дополнительная машканта). Начальный возврат по ссуде составит при этом около 300 долларов, то есть 5 долларов за квадратный метр. Из них 4 доллара идёт в погашение машканты, и лишь один доллар – проценты банку. А представим себе, что вы ту же квартиру снимаете за 360 долларов (не ту же, конечно: снимают обычно подержанные квартиры). То есть за квадратный метр вы платите в месяц 6 долларов, и вся эта сумма идёт домохозяину.

Возьмем теперь подержанную квартиру, которую вы покупаете без местной ссуды. 30 тысяч долларов – льготная машканта, 30 тысяч – “машлима”. Начальный возврат – 190 долларов в месяц, то есть три с небольшим доллара за квадратный метр. Из них три доллара идёт в погашение вашей машканты. В отличие от случая, когда вы снимаете ту же квартиру и платите 6 долларов за метр, то есть за право этим метром не владеть.

– *Вот тут-то я с вами и не согласен. Действительно, в первый месяц, даже в первый год возвращать машканту выгоднее, чем снимать квартиру. А лет через семь-восемь пять человек, считавших меня своим другом, отправятся за эту мою выгоду в долговую тюрьму. Цены на съёмное жильё определяются свободным рынком, потому они естественным образом привязаны к платёжеспособности съёмщика, то есть к зарплатам. Если цена средней съёмной квартиры будет равна размеру средней зарплаты – никто не сможет столько платить, и квартирный рынок умрёт. А индекс – это безликое начало. Ему безразлична моя зарплата. Как он вырос в июле на 3 %, так он в августе мог вырасти на 33 %, а то и на 333 %. Вспомните 1983–1985 годы. Вы можете гарантировать, что тогдашняя инфляция не повторится? Вы можете кому-то посоветовать принимать на себя обязательства платить неизвестно сколько? И в залог представить банку пятерых ни в чём не повинных людей?*

– А кто гарантировал, что доллар за месяц так же не подскочит? Слава богу, недавние девальвации у всех на памяти...

– *Это вопрос монетарной политики Банка Израиля. Девальвации проводятся однократно и резко, примерно раз в полгода, в то время как индекс растёт постепенно, раз в месяц. И за последние годы индекс опередил доллар по темпам роста на 40 %...*

– Мы подходим здесь ко второй важнейшей иллюзии, распространённой среди новых репатриантов. Иллюзии, что инфляция – это смертельная опасность, которой следует стараться избежать. Индекс, доллар – это одна и та же инфляция, один и тот же процесс. Вы говорите: как можно обязаться платить привязку к индексу? А как можно не обязаться?! Вы ведь никакого кабального договора с булочной не подписывали. И всё равно каждое утро идёте и покупаете буханку хлеба. Безо всяких взаимных обязательств. По собственной свободной воле. И платите цену, то есть привязку к индексу потребительских цен. Она же инфляция – потому что изменения индекса законодательно отражаются в зарплате.

Инфляция – процесс совершенно естественный, он существует и учитывается практически везде. Вы говорите: неизвестность. Вы, насколько я понимаю, предпочитаете, чтобы размеры выплат были известны заранее. Скажем, как в “Банк леуми ха-ришон” (“Первый между-

народный банк”). Но разницы-то нет, если вдуматься, никакой. Берёте вы ссуду под 20–25 % годовых. Весь её рост пересчитывается наперёд. То есть вы сразу начинаете платить огромные суммы. За 10 тысяч долларов ссуды вы возвращаете свыше 2 тысяч шекелей в месяц. Потом, за счёт инфляции, реальная стоимость ваших выплат снижается при постоянстве размера ежемесячного возврата. Но в принципе всё то же самое: в одном случае вы платите мало вначале и много в конце, в другом случае – много платите вначале. Сколько вы будете платить в конце – зависит от темпов инфляции. Они могут быть, кстати, ниже, чем процент, объявленный банком заранее. Та же самая неизвестность. А вдруг вас уволят, сократят, вы заболите... Короче говоря, желание “знать заранее” – неисполнимо. Как говорили классики, трудно предвидеть. В особенности – будущее.

– Но ведь если индекс растёт быстрее зарплаты, то привязываться к нему – значит садиться на бомбу замедленного действия.

– Индекс не может опережать зарплату.

– Ну да! За первое полугодие 1991 года величина реальной заработной платы снизилась в среднем по стране на 2 %. Это значит, что рост средней зарплаты отстал на 2 % от роста индекса.

– Это связано с тем, что на рынок труда поступили десятки тысяч новых работников, получающих зарплату, близкую к минимальной (45 % от средней). С учётом этого сама средняя зарплата понизилась. Средняя по стране, заметьте, – не то чтобы отдельным работникам снизили зарплату. И этот процесс будет продолжаться, пока все 170 тысяч работоспособных репатриантов не абсорбируются на рынке труда. Инфляция здесь ни при чём. А что касается реальной заработной платы – тут всё очень просто. Работодатель заинтересован платить работнику в соответствии с эффективностью его труда. Естественно, не больше, чем работник действительно заработал. Но и не меньше. Потому что если платить меньше – работнику будет невыгодно работать на данного работодателя, и всегда найдётся другой работодатель, который его переманит. Рост цен, то есть увеличение объёма реализованной продукции, означает, что работник принёс работодателю больший экономический эффект. А значит, работодателю выгодно поднять ему зарплату.

– Вы так говорите, Шломо, как будто в Израиле рынок труда полностью контролируется частным сектором. А вам не хуже меня известно, что крупнейшими работодателями в стране являются как раз предприятия так называемого “общественного сектора” – то есть государственные и гистадрутовские. Там нет хозяев, нет подлинной заинтересованности и царит полный социализм. Кто там будет ценить работника и поднимать ему зарплату, когда в социалистическом секторе всем плевать на производительность, качество и прибыль!

– Действительно, в общественном секторе при определении зарплаты работников не слишком озабочены реальной отдачей от их труда. Но там действует такое количество коллективных договоров, что социальные условия работников в общественном секторе даже лучше, чем в частном. Вспомните электрическую компанию – им по ошибке подняли зарплату на 8 %, а не на 6 %, как было предусмотрено договорами. А потом хотели ошибку исправить и снять 2 % лишней прибавки. Так они всему Израилю свет отключили и кислород перекрыли. Там речь не шла о том, чтобы снизить зарплату, – просто чтобы прибавка не была выше договорной... А вы говорите – общественный сектор...

– Но согласитесь, Шломо: есть категории лиц, которым просто запрещено покупать собственные квартиры. Например, работники, получающие минимальную заработную плату. Не может человек обязаться возвращать в месяц 1000 шекелей, получая 1167 шекелей.

– Не соглашусь. Представьте себе, приходит солдат из армии. Он ещё непонятно, где работает. Он вот женился и покупает квартиру, идёт в банк за ссудой. Какая разница, сколько он получает?! Главное – что он перспективен, что он может и будет работать. Его сегодняшняя зарплата – не показатель. Показатель – его потенциал. А приходит мужчина 60 лет, занимает

солидное общественное положение, зарплата большая. Просит такую же ссуду. Ему уже дадут с осторожностью – мало ли кто он сегодня: завтра может отправиться на заслуженный отдых, а то и вовсе... Так что величина сегодняшней зарплаты – это не критерий.

– Раз уж мы говорим об иллюзиях, то давайте разоблачим ещё одну. Многие новые репатрианты, в том числе уже взявшие машканту, думают, что размеры месячных выплат каким-то образом не могут превысить третью часть от заработной платы. Например, если выплата становится больше трети зарплаты, то банк пересчитывает долг, снижая возврат и расписывая выплаты на большее число лет...

– Этого не бывает и, слава богу, быть не может. В Америке в 1970-е годы сделали такой эксперимент, известный под названием “восьмого параграфа”. Это такое законодательство, согласно которому плата за квартиру не может превышать четверть от доходов. Результат получился безрадостный. Немедленно возросло число лиц, не желающих работать. Они рассуждали так: если моё пособие по безработице составит 1000 долларов, а зарплата, скажем, 2000 долларов, то с этой зарплаты я не только больше заплачу подоходного налога, но и квартплаты с меня больше возьмут – за то же самое жильё. В итоге от 2000 долларов останется, скажем, 1100. Получается, что я месяц работал за 100 долларов?! Да гори они огнём, я лучше на 100 долларов меньше заработаю, зато проживу месяц в своё удовольствие. Короче говоря, этот “восьмой параграф” оказался направлен на дискриминацию получающих много относительно получающих мало – естественно, он послужил тормозом на пути профессионального роста граждан. В Израиле, тем не менее, на этот параграф постоянно оглядываются.

– Откуда же у репатриантов подобная иллюзия?

– Просто банковские сотрудники, как правило, следят, чтобы начальный возврат не превышал четверти от зарплаты. Только начальный. Что случится дальше – зависит от зарплаты. То есть от тебя самого. Очевидно, этот момент банковские сотрудники недостаточно чётко объясняют. В принципе, они заинтересованы в существовании подобных иллюзий на первых порах...

Политэкономические выкладки советника правительства по жилищным вопросам Шломо Шатнера оказались убедительными: я готов к непредсказуемому будущему, – но только лично для себя. Обрекать пять гарантов на непредсказуемость по моей вине – это, согласитесь, не экономическое, а нравственное решение, и никакая трактовка инфляции не заставит меня такое решение принять. Покуда в Израиле действует исключительная в своем роде практика поручительства, я квартиру не покупаю, – даже если в пересчёте долларов на квадратные метры это может оказаться выгодно. Тем не менее спасибо господину Шатнеру за преподанный урок перспективы. В самом деле, многие вещи неожиданным образом преобразуются при изменении нашей точки зрения на них. Даже такие бесспорные, как машканта...

Заметки у позорного столба

[04.10.1991. “Время”]

С тех пор как была опубликована статья “Урок перспективы”, прошло совсем немного времени – но этого недолгого периода хватило, чтобы в жизни автора произошли совершенно драматические изменения. Положение, в котором он сегодня пребывает, можно сравнить разве что с последними месяцами жизни Н.И. Бухарина, когда тот, превратившись внезапно из популярного лидера в главаря троцкистско-зиновьевской банды, со всех сторон слышал от недавних своих почитателей кровожадные призывы и полные презрения реплики. “Предатель! Изменник! Ты продался врагу!” – эти обвинения автору приходится теперь выслушивать чуть ли не ежедневно, всего лишь за то, что в названной статье он имел неосторожность согласиться с несколькими мыслями экономиста Шатнера. Читатели звонят, пишут возмущённые письма, высказывают негодование при личной встрече... Их можно понять, но согласиться с ними трудно.

Строго говоря, в утверждениях Шатнера – что платить за собственную квартиру экономически более оправданно, чем за съёмную, а инфляция не может служить противопоказанием для взятия ссуды на покупку жилья, ибо существует во всех странах, где есть экономика, и никого ещё не отвадила брать ипотечные ссуды, – нет ничего оригинального, что можно было бы назвать его личным открытием. То же самое расскажет вам любой чиновник в любом банке – что своя квартира лучше, чем съёмная, и что зарплата растёт быстрее, чем инфляция. Отличие здесь состояло не в утверждении, а в способе изложения.

В отличие от банковских “оптимистов за зарплату”, Шатнер исходил в своих рассуждениях из трезвой оценки действительности. Сравнивая съём квартиры с покупкой, он не называл последнюю “сбывшейся мечтой” или “сном, который на Родине становится явью” (лозунги из коммерческой рекламы дорогостоящих строительных проектов). Он говорил о том, что покупка квартиры может оказаться меньшим злом, если сравнивать её со съёмом. Может оказаться, но совершенно необязательно окажется. Он не советовал покупать квартиры, не советовал брать машканты. Он советовал только одно: не идти на поводу у расхожих стереотипов и предрассудков, трезво взвешивать все привходящие обстоятельства и основывать решение на чётком понимании альтернативы. В его позиции, таким образом, интересен оказался подход, метод – бесспорно, выигрышный по сравнению и с казенным банковским оптимизмом, и с обречённым репатриантским пессимизмом. Анализ Шатнера отличался всего лишь тем, что действительность рассматривалась в упор, как она есть, без бинокля или очков – будь то розовые или чёрные. Поэтому статья моя называлась не “Урок экономики”, а “Урок перспективы”.

Тем не менее выяснилось, что многие читатели не меньше дорожат своими чёрными очками, чем банковские сотрудники – розовыми. Попытка взглянуть на экономические вопросы без надрыва, без эпитетов и причитаний, в практической, а не политической плоскости, к сожалению, оказалась многим не по нутру. И здесь мне, ренегату, остаётся лишь просить прощения у тех читателей, которых я разочаровал. А те, кому вопрос “как быть дальше” интереснее, чем плач Ярославны по поводу “беспросветного будущего”, приглашаются думать над нашими возможностями и перспективами.

Вот читательница С. из Гило пишет мне: “У меня есть знакомые, которые взяли машканту в 1980 году, и в этом году их выплаты составляют 3700 шекелей на 11-й год. Что же будет на 30-й? Выплата в 1991 году суммы в 3700 шекелей – это более чем две минимальные зарплаты (на самом деле это более чем три минимальные зарплаты. – А.Н.). По-моему, это просто немыслимо, а Вы в то же время пошли на попятную... Любой математик объяснит Вам,

что выплатить машканту просто невозможно, на пятый-шестой год сумма выплат превышает минимальную зарплату в стране, на восьмой-девятый год в два раза выше минимальной зарплаты, на 12-й – в три раза выше...”

Прежде всего напоминаю: минимальная зарплата – это не постоянная величина, а переменная, равная, скажем 1221 шекелю 50 агорот, как сегодня, или 1000 шекелей, как год назад. Она постоянно меняется и пересматривается. Поэтому утверждения, что выплаты по машканте через столько-то лет превысят на столько-то минимальную зарплату, являются чисто гадательными, и никакой “математик” не может сегодня сказать определённо: сколько составит минимальная заработная плата в 2000 году и сколько составят в этом году выплаты по машканте, взятой сегодня. Но это, так сказать, методология. Интереснее другой вопрос.

Минимальная заработная плата – кто её получает? Правомерно ли утверждать, что репатрианты из алии-90 пожизненно обречены работать за “схар минимум” (минимальную зарплату)? Мне представляется, что подобное утверждение – сильнейшая натяжка. В первые годы после приезда в страну представители каждой волны алии занимали нижнюю ступеньку социальной лестницы – не только в Государстве Израиль, но и до его основания, в Палестине времён мандата. И если сегодня кто-то получает среднюю заработную плату, а кто-то – максимальную, то это те же самые люди, которые начинали с минимума. Это правило распространялось и на халуцим начала века, и на немецких евреев 1930-х, и на марокканцев 1950-х, и на советскую алию прошлых десятилетий. Тот, кто говорит, что с нами всё будет иначе, что мы не сможем “догнать” даже марокканцев, эфиопов и йеменцев, приехавших раньше нас, кто предлагает исходить из допущения, что через десять лет все мы будем получать “схар минимум”, – либо совсем в грош не ставит алию-90, либо кривит душой. Использовать заработок врача-репатрианта, подметающего сегодня улицы, в качестве отправной точки для прогнозирования его зарплаты через 10 лет – это эффектный пропагандистский трюк, но для серьёзного разговора он, увы, не годится.

И, наконец, об инфляции. Я писал в своих статьях про 5 %, покуда индекс не вырос на 8 %. В нынешних условиях рост индекса является “абсурдным с экономической точки зрения” (определение И. Модаи), а брать 80 тысяч долларов в долг с привязкой к абсурду мне не хочется. Поэтому я жду, что ипотечные банки, отчаявшись заманить меня существующими условиями, предложат более выгодные. То же относится к строительным подрядчикам: они не заработали тех денег, которые они с меня сегодня требуют. Когда они приведут цену своего товара в соответствие с его реальной стоимостью, – я с удовольствием его куплю. Не раньше.

Таковы практические рассуждения. Исходя из них, я готов уже сегодня брать ссуду на условиях, предлагаемых коммерческими банками, – например, Леуми предлагает студентам ссуду в 5000 шекелей под 16 % годовых (прайм+1 %), а на покупку машины он предлагает ссуду под 21 % годовых. Никто не заставляет Леуми давать такие условия, никто ему их не субсидирует. Ему это просто выгодно. Конечно, под 35 % ему было бы ещё выгодней, но тут уже он вынужден считаться с волей клиентов и возможностями конкурентов.

Наша задача, однако, состоит не в том, чтобы доказать окружающим трагичность собственного положения, а в том, чтобы найти выход из него. Таково моё мнение, и, высказывая его, я не “иду на попятную”, не отказываюсь от собственных слов, а всего лишь отказываюсь превращать собственные экономические наблюдения в плацдарм для политических и идеологических игр. Я хочу, чтобы улучшились условия машканты, чтобы подешевели квартиры, и совершенно не хочу, чтобы за критику машканты меня выдвигали в кнессет или звали возглавить “вооружённые отряды олимовской самообороны, нашу Хагану” (выражение, слышанное мною от оратора на митинге конфедерации “Ам Эхад”). Если за эти простые желания я заслуживаю, чтобы меня пригвоздили к позорному столбу, – горе мне. Впрочем, надеюсь, что эти мои желания разделяет большинство читателей, и это большинство добьётся своего – и от политиков на ближайших выборах, и от ипотечных банков, и от строительных подрядчиков.

А любители громких фраз так и будут кричать: “Грабёж! Издевательство! Требуем прекратить геноцид алии из СССР!” Ведь выдвигать подобные лозунги всегда легче, чем учить иврит или работать...⁴⁶

---

⁴⁶ Букв. “Единый Народ” (*иврит*) – общественная партия, основанная в 1991 году под лозунгами защиты прав новых репатриантов.

Так покупать или не покупать?

[январь 1992. Балаган]

Нынешняя ситуация на квартирном рынке напоминает мне картину классика русской живописи... жаль, забыл её название: после боя огромное поле усеяно уже никому не нужным оружием, трупами воинов и лошадей, над которыми кружатся стаи воронов... Сейчас это Куликово поле Израиля, на котором без дыхания лежат олим хадашим, строительные подрядчики, чиновники ипотечных банков, министры. Олимы, для которых строилось жильё, его не покупают, подрядчики, надеявшиеся на большую прибыль, его не продают, банки не дают ссуды, министры ничего не делают. Все лежат под нашим тропическим солнцем, раскинув руки, в ожидании чуда.⁴⁷

Тем самым создано неравное положение. У нас есть что покупать и кроме квартир. Нам ведь зарплату платят не за то, что мы покупаем квартиры, у нас есть выбор. А вот у подрядчиков больше ничего нет, кроме этих самых квартир. То обстоятельство, что квартиры не покупаются, для них смерти подобно. Выход только один – уступить в цене. Ибо им больше надо продать, чем нам – купить. В этом можно убедиться на рынке подержанных квартир, где цены заметно упали: здесь никому не выданы государственные гарантии, что квартиры купят, здесь Шарон никому ничего не дарил, здесь нет никакой сформированной мафии, никакой монополии, каждый квартировладелец сам за себя.

...Несколько лет тому назад, когда выводили армию из Синая, в Мицпе Рамоне, где каждый пятый безработный, понастроили жилья в расчёте, что его займёт армия. Армия в Израиле умная, она не захотела селиться в этих домах. Так и стояли незаселённые, пока не подогнали бульдозеры и не сломали. Самое любопытное, что сейчас в Мицпе Рамоне вновь строят квартиры. Наверное, скоро начнут закупать и бульдозеры.⁴⁸

---

⁴⁷ Имеется в виду картина В.М. Васнецова «После побоища Игоря Святославича с половцами» (1880).

⁴⁸ Город в пустыне Негев, где в 1988 году началось строительство жилья для 3 тыс. новых репатриантов (ныне население 5 тыс. жителей).

Ни слова о шин-гимеле

[1994]

...Перед кассой в супермаркете Нес-Ционы – очередь. Небольшая, минут на пять, но очередь. Встаю вслед за пышной дамой средних лет, наслаждаюсь мятным дыханием кондиционера, листаю биржевую сводку, соблезную вкладчикам. Внезапно ход моих мыслей перебивается окриком кассирши: “Бахурчик! Эй, бахурчик! Иди сюда!” Отрываюсь от газеты, так и не дойдя до акций “Исрамко”. Оглядываю очередь. Две дамы впереди, какой-то пенсионер с бутылкой кефира – сзади. Бахурчик – это, похоже, я: больше никто в пределах видимости под это определение не подходит. Исключая саму кассиршу, которая со всей очевидностью обращается ко мне, поскольку смотрит на меня пристально, с какой-то необъяснимой материнской теплотой во взоре. И вся очередь смотрит. И все – нежно так, участливо. С чего бы это они?⁴⁹

“Иди сюда”, – повторяет кассирша. Две дамы впереди, посторонившись, пропускают меня к кассе. Я подхожу: “Ну что там у тебя? Две колы, кусок мыла, шоколадка... Девять восемьдесят”. Я покорно протягиваю кассирше мятую “голду”, но решительно ничего не понимаю. С какой вдруг стати меня пропускают без очереди? На поклонника моего пера ни кассирша, ни кто-либо из покупателей даже отдалённо не смахивают – да и с какой бы стати моим читателям меня вперёд пропускать... Может, у меня две ноги отвалились, а я не заметил? Может, я беременный, или постарел вдруг, как портрет Дориана Грея? Странное ощущение. Жванецкий, кажется, что-то писал об этом, когда тебе вдруг в автобусе место уступают. Но мне, извиняюсь, всего только двадцать восемь! И вроде бы я прилично для этого возраста сохранился (во всяком случае, когда последний раз брился, мне так показалось). В чём же дело?

– Солдатику нужно вперёд пропускать, – назидательно произносит кассирша, отдавая мне двугривенник сдачи. – Я всегда солдат пропускать стараюсь, если очередь не против!

– Да уж, конечно, конечно, пропустим, – согласно гудит очередь.

Как в плохом пропагандистском фильме о единстве армии и народа. Я смотрю на собственное отражение в витрине супермаркета – и в самом деле, форма на мне зелёная, класса “бет”, с большими дырками под мышкой (для вентиляции), с жёлтой нашивкой “ЦАХАЛ” над левым карманом рубашки, пыльные чёрные ботинки на ногах, штаны стянуты резинками, и панама на шнурке болтается за спиной. Рядовой Носик, личный номер⁵⁰4708972, “шлав бет”, сто дней. За полтора часа, проведённых в увольнении, я как-то успел совсем забыть обо всех этих деталях своей биографии, почувствовать себя нормальным человеком – штатским, свободным, без колючей проволоки вокруг, без поминутных окриков прыщавой малолетней командирши, без торжественных построений под полуденным солнцем в честь предстоящего коллективного приёма баланды, без нарядов караульной службы и дежурств по кухне... Все это снова начнётся – скоро, через два-три часа, когда я вернусь в часть, но и в недолгие мгновения свободы мне хочется чувствовать себя штатским. Стоять, например, в очереди к кассе супермаркета позади пышной дамы средних лет, листать биржевую сводку и не вспоминать о том, что у капитана на плече – три гроба, а у майора – один фалафель. Мне этот фокус с забыванием удаётся отлично. А окружающим он почему-то не удаётся совсем. Впрочем,⁵¹ чему это я так удивлён – я же сам на гражданке всегда забирал голосующих солдат с тремпиады...

---

⁴⁹ “Паренек”. (*иврит*)

⁵⁰ Класс “бет” – боевая форма одежды.

⁵¹ Букв. “второй этап” (*иврит*) – курс службы в ЦАХАЛе для репатриантов постпризывного возраста или уже отслуживших в других армиях.

Странное всё-таки состояние – “шлав бет”. Я знаю, что, когда меня выпустят (предположительно – середина августа), я напишу об этом целый роман. Или, по крайней мере, журналистское расследование. В котором расскажу про все наши приключения и злоключения, про Ра-СаПов и МэмПэев, про кухню и интендантскую службу, про гимель и шин-гимель. Мои сослуживцы тоже об этом знают. Они каждый день ко мне подходят и говорят с надрывом и трагической уверенностью: “Нет, но ты всё-таки должен об этом написать”. Я не отказываюсь, хотя всякий раз напоминаю товарищам по оружию: все публикации об армии подлежат военной цензуре. Так что многих вещей в моих статьях не будет – ни имён, ни географических названий, ни даже намёка на рода войск и другие строго секретные подробности. Впрочем, и без этих деталей у меня уже сегодня набралось материала на полсотни неудобных вопросов к пресс-секретарю⁵²⁵³⁵⁴ ЦАХАЛа. И я непременно их задам.

...А пока на мне – зелёная форма класса “бет”, с большими дырками под мышкой, с жёлтой нашивкой “ЦАХАЛ” над левым карманом рубашки, и в супермаркете кассирша пропускает меня без очереди. Впереди у меня – десять недель действительной воинской службы, и в эти десять недель я постараюсь не обращаться к армейской теме. Да поймут меня читатели, и да простят товарищи по оружию. Засим остаюсь искренне ваш, рядовой Носик, личный номер 4709872, “шлав бет”, сто дней.

---

⁵² Ра-СаП (*иврит, аббр.*) – человек, отвечающий за техническое обеспечение отряда.

⁵³ МэмПэй (*иврит, аббр.*) – командир взвода.

⁵⁴ Здесь имеется в виду шифрованный язык, использующийся армейской рацией: на этом языке “гимель” обозначает “гизра” (отрезок местности), “шин-гимель” – “шлагбаум” или “человек, стоящий у шлагбаума”.

Почему в Палестине до сих пор нет двух государств?

[19.02.2017. ЖЖ]

В 2015 году американский журналист Хантер Стюарт впервые приехал в Иерусалим, чтобы освещать арабо-израильский конфликт. Прибыл он с обычным багажом представлений западной прессы об израильских оккупантах, угнетающих палестинский народ, – и, конечно же, с полным набором рекомендаций о том, какие именно уступки и в какой последовательности Израилю необходимо осуществить в одностороннем порядке, чтобы завершить тот самый конфликт.

Но когда репортёр увидел ситуацию собственными глазами, провёл сотни часов в беседах с израильтянами и палестинцами, узнал биографии террористов и их жертв, что-то в этой стройной картине мира начало рушиться. Сам по себе террор перестал казаться ему таким уж естественным ответом на “ужасы оккупации”, когда он разобрался в мотивациях шахидов и источниках финансирования их подвигов, а заодно и посмотрел на ту самую “оккупацию” вблизи.

По ходу выяснилось, что уступки со стороны Израиля палестинцев на самом деле не интересуют. Никакой компромиссной формулы мирного сосуществования с евреями ни у политического руководства, ни у рядовых жителей Рамаллы и Газы в головах нет. Провозглашение собственного государства в рамках пресловутого Two-State Solution в их картине мира совершенно не является конечной целью. Если они и настаивают на этом решении, то лишь в качестве промежуточного этапа на пути к главному результату – ликвидации Государства Израиль. И “ястребы” из ХАМАСа, возглавляющие Сектор Газы, и “умеренные” правители ООП в Рамалле в этом вопросе совершенно единодушны.

Такой вывод Хантер Стюарт сделал не из брифингов МИДа Израиля, а из собственных разговоров с палестинцами в Рамалле, Наблусе, Тулькарме. Их слова подтверждали данные опросов, которым журналист прежде отказывался верить: 62 % жителей Автономии поддерживают террор как средство достижения политических целей. А цель у них, на самом деле, одна, и это вовсе не замораживание строительства поселений, не право на возвращение правнуков тех, кто в 1948 году покинул Яффо и Галилею, не снятие блокады с Газы; цель – всё та же, что провозглашена Арафатом при создании ООП: полное уничтожение Израиля.

Стоит добавить, что когда в 1964 году Лига арабских государств объявляла об учреждении Организации освобождения Палестины, никаких таких “оккупированных территорий” ещё не существовало в природе. Израиль в ту пору существовал в пресловутых границах 1948 года, зафиксированных в резолюции ГА ООН. Восточный Иерусалим, Иудея и Самария находились в ту пору под властью Иордании. Так что под “Палестиной”, подлежащей освобождению, имелись в виду не Рамалла, Наблус и Тулькарм (попавшие под контроль Израиля в ходе Шестидневной войны), а Тель-Авив, Иерусалим и Хайфа, Эйлат и Беэр-Шева. Так сказано в ст. 1–5, 11–14, 16–18, 25–27 и 29 Палестинской Хартии, где прямым текстом утверждается, что на спорной территории после “освобождения” может существовать лишь одно государство, и никаких евреев, приехавших туда или родившихся там после 1947 года, это государство на своей территории не потерпит. Кто жил там до 1947-го – может остаться, но лишь в качестве “палестинца”. Иной статус противоречил бы декларируемой задаче полного избавления Палестины от еврейского присутствия.

Хантер Стюарт признаётся, что со временем перестал понимать, о каком компромиссе Израиль может договариваться с людьми, стоящими на таких позициях.

50 лет назад Иерусалим стал нашим, окончательно и навсегда

[07.06.2017. ЖЖ]

Предпоследняя на нашей памяти попытка арабских соседей уничтожить Государство Израиль закончилась полвека назад сокрушительным разгромом египтян, сирийцев и иорданцев. В историю этот вооружённый конфликт вошёл под именем Шестидневной войны, хотя основной разгром завершился к исходу вторых суток, а дальше проигравшая сторона просто жевала сопли, пытаясь выторговать через ООН менее унижительные условия капитуляции.

Советский Союз, поддерживавший в той войне арабских вояк, так обиделся на Израиль за происшедшее, что разорвал дипотношения и запретил преподавание иврита. И даже в конце 1989 года, когда я возвращался из первой поездки в Израиль, шереметьевская таможня торжественно конфисковала у меня книгу Черчиллей “Шестидневная война”, русское издание. Нужно понимать, что вся махровая антисоветчина и запрещёнка советской эпохи к тому времени в стране уже широко издавалась и продавалась – и Солженицын, и Набоков, и “Доктор Живаго”, и даже “Ледокол” Суворова готовился к печати. Абуладзе уже выпустил “Покаяние”, и фильмы Германа-старшего сняли с полки Госфильмофонда. А вот “Шестидневная война”, написанная двумя англичанами, потомками Черчилля, всё ещё действовала на советскую власть, как красная тряпка на быка. Обида официально забылась лишь после августовского путча 1991 года, когда между двумя странами восстановились дипотношения.

Иорданцы обиделись так, что один из них, по имени Сирхан Сирхан, год спустя застрелил Роберта Кеннеди, который в то время лидировал на демократических праймериз, но до выборов президента США в итоге не дожил. Причиной покушения убийца назвал захват евреями Иерусалима, хотя покойный сенатор Кеннеди в этом событии никак не участвовал, и вообще, как будет рассказано ниже, город был взят совершенно случайно.

Сюжет Шестидневной войны был прост и примитивен. Гамаль Абдель Насер, большой друг СССР, вознамерился стереть Израиль с карты мира одновременным наступлением египетских и сирийских армий с юга (Синай) и севера (Голаны) соответственно. Король Иордании Хусейн очень не хотел вступать в эту авантюру, но товарищ Насер поклялся ему на Коране, что буквально в считанные часы Израиль будет захвачен, и делить его территорию будут те страны, чьи армии вовремя на ней окажутся. Израильская разведка честно предупреждала короля, что выйдет несколько наоборот, но Насер, увы, показался убедительней. Король вступил в войну, и Иордания стала главным проигравшим её участником. Потому что по Египту и Сирии Израиль ударил первым, быстро разгромив ожидавшие команды к атаке силы противника с воздуха. К тому моменту, когда Хусейну докладывали из Каира, что сирийцы уже взяли Хайфу, а египтяне подходят к Тель-Авиву, война на двух этих направлениях была Израилем уже выиграна, причём не на своей территории, а на египетском Синае и сирийских Голанах она закончилась. Но у короля не было веб-камер, у него был только Насер в телефонной трубке, который бил себя пяткой в грудь и клялся, что его генералы уже видят Тель-Авив в бинокль, а сирийские пируют на горе Кармель.

И король вступил в эту войну. А надо понимать, что до этого, в 1948–1949 годах, Иордания с Израилем повоевала очень успешно. В результате под её контроль отошли все те территории, которые резолюцией ООН от 29 ноября 1947 года отводились под пресловутое Палестинское государство: Иудея на юге, Самария на севере и Восточный Иерусалим посередке. Новорождённый Израиль в ту пору ничего не мог противопоставить тренированному британ-

цами Арабскому легиону под командованием Глабб-паши. По итогам Войны за Независимость Израилю пришлось смириться с потерей Иерусалима, где иорданцы тут же сровняли с землёй Еврейский квартал Старого Города, уничтожив в нём все жилые дома. Тот Еврейский квартал Иерусалима, по которому вы, дорогой читатель, гуляли – абсолютный новодел, 1980-х годов постройки. Именно поэтому он так похож архитектурой на Гило и Рамот. А не потому, что архитекторы Гило и Рамота вдохновлялись еврейской древностью. Нечем было вдохновляться, иорданцы там дозврывались аж до культурных слоёв Царя Соломона, на радость позднейшим еврейским археологам. Разумеется, за те 19 лет, что Иордания контролировала Иудею, Самарию и Восточный Иерусалим, ни о каком Палестинском государстве речь не шла. Территории эти были аннексированы Хашимитским королевством, а их гражданам выданы иорданские паспорта, по которым многие живут по сей день. Самое смешное, что под контролем Израиля на территориях, которые он захватил в 1967 году, сохраняют свою силу некоторые иорданские законы, кадастры и правоотношения.

Иордания начала войну обстрелом жилых кварталов Иерусалима. В ответ Израиль развернул мощнейшее наступление по всему фронту. На севере, взяв Латрун, израильтяне к вечеру были уже в Рамалле. В Иерусалиме в ходе упорных боёв они выбили иорданскую армию из всех её укреплений. На юге иорданцам в первый же день пришлось отступить аж до Вифлеема, ещё до начала полномасштабных военных действий (обстрелом иорданских позиций из старых чешских винтовок занималось гражданское население Западного Иерусалима, у которого эти стволы сохранились ещё с перемирия 1949-го). Отряд из 600 египетских коммандос, который пытался просочиться в Израиль с иорданской территории в районе Рамлы, чтобы атаковать аэропорт, был замечен жителями в пшеничном поле – и это поле жители тупо подожгли, так что 450 египтян сгорело, остальные же либо сдались в плен, либо успели добежать обратно до иорданской границы, которая, впрочем, решительно отодвигалась на восток с каждым часом военных действий.

7 июня произошёл главный бой – за Старый Город. Его, вообще-то, не должно было случиться, потому что разгром арабов к тому моменту стал очевиден, и эмиссары ООН срочно готовили перемирие, которое Израиль готов был подписать. Но после того, как силами двух парашютных бригад израильтяне легко захватили Августу-Викторию (средний холм между Скопусом и Масличной горой), Моше Даяну показалось, что сам бог велел дожать. Ни с кем не советуясь и нарушив прямой приказ правительства, Даян велел своим частям взять Старый Город. С задачей справились в общей сложности три батальона ВДВ. Один наступал с горы Скопус, другой – из Кидронской долины, а третий, под командованием Моты Гура, ворвался в стены Старого Города и там воссоединился с первыми двумя, когда те завершили зачистку периметра. Артиллерийской поддержки у них не было, потому что израильтяне боялись повредить сердце святого для них города артобстрелом...

Остатки иорданских частей, оборонявших Восточный Иерусалим, отступили в тот день на север до самого Дженина, были там осаждены и на завтра капитулировали. У иорданцев было серьёзное преимущество в танках с приличной бронёй, они могли бы долго обороняться, но на их беду выяснилось, что бензобаки, расположенные снаружи на корпусе у американских Patton M48, легко и удачно пробиваются снарядами израильских бронебойных орудий. Эти танки просто сожгли прицельной стрельбой по бензобакам с земли и воздуха, ни в какой бой не ввязываясь.

Так 50 лет назад закончилось иорданское присутствие в Дженине и началась новейшая история единого и неделимого Иерусалима, столицы Государства Израиль. Если кто-то из читателей по-прежнему убеждён, что столицей Израиля является Тель-Авив, он приглашается стряхнуть с ушей лапшу советских политинформаций. Иерусалим был провозглашён столицей сразу после окончания Войны за Независимость, 5 декабря 1949 года, а в 1980 году кнессет

принял “Закон об Иерусалиме”, имеющий конституционную силу, где прямо сказано о “единой и неделимой столице”.

Очень трогательная история случилась в этой связи с израильской песенницей Наоми Шемер. К 19-летию Государства Израиль (то есть к 15 мая 1967 года) она сочинила убойный шлягер “Золотой Иерусалим” на мелодию португальской колыбельной “Дурашка Иосиф”. В этой неописуемо красивой песне, которую, кажется, за последние полвека только мёртвый не перепевал, рассказывалось не только и не столько о любви автора к “Золотому Иерусалиму”, городу из меди и света, сколько о страданиях древней еврейской столицы, разделённой надвое линией израильско-иорданского перемирия 1949 года. Описывая печальную участь города, “в сердце которого – стена”, Наоми Шемер обильно цитировала “Плач Иеремии”, самую трагическую из библейских книг, где пророк сокрушается о разрушении вечного города и главной его святыни – Храма Соломона.

Проходит всего три недели с первого исполнения песни, а тут вдруг – хуяк! – и нет больше разделённого Иерусалима, а есть единый и неделимый. Потому что наглый Моше Даян забыл спросить правительство и самовольно штурмовал древние стены. После того, как на весь мир прозвучала историческая фраза “Храмовая гора – в наших руках”, Наоми Шемер немедленно села и дописала к песне два куплета, полностью перечёркивающих все предшествующие жалобы и рассказывающих о том, как преобразился древний город, в 44-й раз избавившись от своих захватчиков. Без слёз эти два куплета переводить невозможно, так что воздержусь, но вкратце их смысл передаёт непристойное двустушие про БАМ из моего дворового детства:

Там, где раньше тигры срали,
Мы проложим магистрали.

А в нынешнем году, к 50-летию Иерусалима, друг мой Александр Михайлович Елин, автор многих русскоязычных шлягеров за последние десятилетия, наконец сподобился перевести “Золотой Иерусалим” на русский язык.

За победу в Шестидневной войне израильтянам вскоре пришлось дорого поплатиться – тем же способом, каким заплатились иорданцы за свой военный успех в 1949 году. После стремительной и безусловной победы над всеми воинственными соседями (с соотношением боевых потерь 1:20) в Армии обороны Израиля воцарилась такая эйфория, на фоне которой политическое руководство страны очень бездарно провафлило совместную советско-арабскую подготовку к окончательному решению еврейского вопроса в октябре 1973 года. Правительство и Генштаб накануне Войны Судного дня вели себя буквально как товарищ Сталин 21 июня 1941-го. В ответ на все сообщения разведки о египетских и сирийских приготовлениях к атаке поступали приказы ничего не предпринимать и сидеть на попе ровно. В результате нападение застало передовые израильские части врасплох, и даже отвоёванный в 1967 году контроль над Голанами не помог: сирийцы лавиной смели расположенные там израильские укрепления и двинулись в сторону Хайфы.

Израиль в октябре 1973 года реально находился на волоске от гибели. Страшно подумать, что могло бы случиться, если бы ему противостояли не отмороженные арабские башибузуки, а какие-нибудь нормально управляемые армии. Чтобы стереть в порошок превосходящие силы Египта и Сирии, поддержанные отрядами головорезов из Ирака, Иордании, Алжира, Марокко, Ливии и даже с острова Свободы (кубинцы в 1970-х воевали по всему миру), отдали свои жизни больше 2,5 тысяч солдат и офицеров Армии обороны Израиля, срочников и резервистов.

Агрессоры 1973 года угадали ровно в одном: исход арабо-израильского вооружённого противостояния в той войне решился окончательно. Уже 44 года прошло, а ни одна арабская страна больше не рискнула вступить с Израилем в открытую военную конфронтацию. Вскоре

после разгрома, в ходе которого египтяне потеряли больше 23 000 человек убитыми и ранеными, сотни самолётов и тысячи единиц бронетехники, президент Анвар Садат, отдавший приказ о нападении, приехал в Иерусалим, выступил в кнессете и подписал кемп-дэвидские мирные соглашения между Египтом и Израилем. С тех пор две этих страны живут в мирном соседстве. Спустя ещё 16 лет примеру Египта последовала Иордания. В 1994 году всё тот же король Хусейн подписал мир с Израилем и установил дипотношения.

Не готова к мирной жизни оказалась только Сирия под властью диктатора Хафеза Асада (отца нынешнего людоеда). Она так никогда и не подписала мир с Израилем и продолжала лелеять мечты о реванше. Дальнейший ход событий известен: процентов на 80 эта самая Сирия сегодня уже стёрта с лица Земли. Её территория, по меткому замечанию В.В. Путина, превращена пилотами и ракетчиками всех передовых армий мира в удобный естественный полигон для отработки навыков бомбометания и запуска дальних крылатых ракет. Израилю там сегодня почти совсем нечего бомбить – разве что изредка его ракеты разносят в щепы большой оружейный склад в дамасском аэропорту, устроенный Корпусом Стражей Исламской революции для переправки иранского оружия братьям-шиитам из ливанской “Хизбаллы”. Но это уже история не про Сирию, а про стервятников, пирующих на её развалинах. Что-то подобное, к слову сказать, предсказано в 137-м псалме про Иерусалим, который цитируется всё в том же шлягере Наоми Шемер. Православные, которые ошибочно нумеруют этот псалом 136-м, произносят его в церквах каждую пятницу. Как и песня Наоми, начинается он довольно заупокойно, стонами пленённого народа, а заканчивается вполне жизнеутверждающе:

Припомни, Господи, сынам Едомовым день Иерусалима, когда они говорили: “Разрушайте, разрушайте до основания его”.

Дочь Вавилона, опустошительница! блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам!

Блажен, кто возьмёт и разобьёт младенцев твоих о камень!

Про уехавших из Израиля

[02.01.2003. ЖЖ]

10 лет назад, в один из ненастных зимних четвергов 1992 года, на страницах тогда ещё новорождённой газеты “Вести” вышел в свет вполне себе хулиганский двухполосный репортаж “Как мы пели за деньги”, подписанный именами четырёх русскоязычных иерусалимских гуманитариев: поэта Демьяна Кудрявцева, журналиста Аркана Карива, книгоиздателя Арсена Ревазова и автора этих строк.

Сюжет репортажа в полной мере описывается в его названии: мы действительно вышли однажды на исходе субботы вчетвером на пешеходную улицу Бен-Иегуда в Иерусалиме, сели у бронзовых дверей банка “Дисконт”, отгородившись от прохожих распахнутым гитарным чехлом, и пару часов дурным голосом (за неимением лучшего) пели за деньги разнообразные русские песни, искушая щедрость, музыкальный слух и терпение столичных жителей, проходящих мимо. Задекларированная цель эксперимента состояла в том, чтобы выяснить, сколько могут заработать своим искусством уличные музыканты. На самом деле, независимо от научной достоверности и репрезентативности полученных нами финансовых результатов, мы просто отлично развлеклись, причём два раза: сначала, когда пели за деньги, а потом – когда сочиняли статью с таким названием.

Вспомнил я об этой статье десятилетней давности после того, как за одну неделю успел повстречать всех участвовавших в её написании соавторов. Было это не в пример сложнее сделать, чем в Иерусалиме начала девяностых, когда все мы жили друг от друга на расстоянии вытянутой руки (руку надлежало вытянуть, стоя на тротуаре, в пределах прямой видимости какого-нибудь местного таксиста). С Арканом Каривом я увиделся в неве-иланской студии телеканала “Израиль-Плюс”, где он ныне работает редактором и ведущим нескольких программ, а я записывался в предновогоднем выпуске передачи “Ваше право”. Арсена Ревазова, ныне президента рекламной компании ИМХО VI (холдинг Video⁵⁵ International), я встретил в VIP-зале аэропорта Шереметьево-2, улетающим из Москвы в Европу. Демьяна Кудрявцева довелось увидеть на 31-м дне его рождения, в тихом лондонском округе Кенсингтон, в уютной двухсотметровой квартирке окнами на Гайд-парк. Сам я провёл ту неделю между Иерусалимом, Москвой, Лондоном и Генуей (а строки эти пишу в кабинете ещё одного моего московско-израильского друга, Стаса Бельского, сменявшего писгат-зеэвские хоромы начала девяностых на просторную двухэтажную виллу на вершине горы в итальянской деревне Мадонна ди Сассо, с видом на лаго дель Орте и заснеженный пик Монблана вдаль, а, дописав, отправлюсь в долину за билетами на следующий рейс, из Ниццы или Женевы в Москву).

Не претендуя на статистическую достоверность своих наблюдений, отмечу, однако, цифру. Из четырёх израильтян, чьими именами была подписана статья в “Вестях” 1992 года, по состоянию на конец декабря 2002 года жить в Обетованной остаётся один. Самый, замечу, старший из нас четверых и первым из всех (чуть ли не в 1988 году) в Израиль приехавший. Не скажу за всю алию девяностых (так как не располагаю цифрами), но по субъективному моему ощущению, с целевой аудиторией статьи “Как мы пели за деньги” произошла примерно такая же история. Под “целевой аудиторией” я понимаю не весь миллион с лишним приехавших из СНГ в Россию в первой половине девяностых, а вполне конкретную (и, вероятно, узкую) прослойку молодых профессионалов в возрасте от 23 до 35 лет, с нормальной специальностью

---

⁵⁵ Писатель и журналист Аркан Карив скончался в Москве в 2012 году.

и хорошим ивритом. Прослойку, которая, в общем-то, оказалась в Израиле вполне успешно устроена и востребована сразу по приезде.

Я не говорю о “социальных случаях” – репатриантах в возрасте за 45, которые после нескольких лет мытарств в Обетованной вернулись бедствовать в Россию от невозможности найти в Израиле работу или выжить на пособие. Среди моих русско-израильских знакомых в этой возрастной категории “ре-репатрианты”, они же йордим, сколько-нибудь заметной доли не составляют. А говорю я как раз о тех своих сверстниках, которые в начале 1990-х выводили чёрной икрой поверх красной девиз: “Жизнь удалась”, снисходительно пролистывали в местной прессе раздел новостей с “доисторической родины” и вальяжно подкармливали ресторанными ужинами заезжих московских коллег, полагая их бедными и голодными. Мы свято были уверены тогда, в первой половине девяностых, что в Израиле всё у нас сбылось, что тут мы пустим корни, наплодим детей, и здесь же они нас со временем похоронят. И если во второй половине девяностых мы двинулись стройными рядами обратно в Россию (вариант: в Европу, Америку, Канаду), то случилось это отнюдь не от безработицы, скромного размера выплачиваемых пособий или “иврит катан”.⁵⁶

Оперируя аналогией из советских времён, мы вернулись в Россию по тем же самым причинам, по каким возвращается в Москву выпускник московского вуза, отбыв несколько лет по распределению в Бийске или Кемерове, сделав фантастическую, по бийско-кемеровским понятиям, карьеру. “Ну почему, почему ты едешь? – пытаются понять его порыв остающиеся в Кемерове (Бийске) начальники, сослуживцы, друзья, любовницы, невесты. – Ты же здесь добился всего, о чём мы даже не мечтали. В Москве ты никогда не получишь должности главного врача облздрави, не станешь главным архитектором города, не возглавишь губернаторский предвыборный штаб”... А он и не спорит, только улыбается загадочно. Потому что он уже понял то, чего не поняли они. Или думает, что понял. А на самом деле он – заложник своих неуместных амбиций. Но факт остаётся фактом: он садится в самолёт и летит в Москву.

Отток из Израиля профессионалов международного класса в таких областях, как программирование и компьютеры, современная музыка, неивритская журналистика, бизнес и финансы, – процесс совершенно неизбежный, с учётом таких объективных обстоятельств, как размеры страны, географическое её расположение, структура и состояние экономики. Процесс этот не с нашей алией начался, мы тут только часть общенациональной (чтобы не сказать общемировой) тенденции. Офра Хаза, Джерри Левин и Яков Агам тут такие же показательные примеры, как Максим Леонидов, Михаил Козаков и создатели “Би-2”. Большая проблема Израиля состоит в том, что многие местные уроженцы, вслед за покойным Ицхаком Рабиным, склонны рассматривать эту объективную реальность в гормонально-пафосных терминах, видеть в уезжающих “предателей”, “отрезанный ломоть” и чуть ли не врагов народа. Такое отношение знаменует впечатляющий триумф провинциальных комплексов над пресловутым еврейским здравым смыслом, победу истерического ура-патриотизма над трезвым прагматизмом, позволившим еврейскому народу выжить и сохраниться на протяжении двух тысячелетий в рассеянии.

Люди, уехавшие из Израиля, на самом деле являются не столько “врагами” и “предателями”, сколько проводниками израильских интересов в тех странах, где официальная дипломатия пока никаких впечатляющих успехов не добилась, несмотря на сотни миллионов долларов, исправно выделяемых из года в год на поправку имиджа и столь же исправно “осваиваемых” устроителями посольских и сохнутовских фуршетов. Каждый “йоред”, сделавший удачную карьеру, будь то в Москве, Милане, Нью-Йорке или Лондоне, на практике может быть полезен Израилю куда больше, чем пресс-атташе посольства в том же городе, со всеми его пресс-релизами, брифингами и контакт-листами. Эта простая мысль, вероятно, куда более очевидна для

⁵⁶ Имеется в виду плохое знание иврита (букв. “малый иврит”).

представителей “нашей” алии девяностых, носителей постсоветской космополитической ментальности, чем для местных уроженцев и иных старожилов, не способных поступиться принципом “ха олам куло негдейну”.⁵⁷

В этой связи я смею надеяться, что кто-нибудь из “русских” представителей в будущем кнессете поставит, наконец, на повестку дня израильского законодателя хотя бы такую мелочь, как вопрос о предоставлении всем гражданам Израиля, независимо от места их нынешнего пребывания, права голосовать на выборах. Права, которое россиянами, американцами, итальянцами, бельгийцами, немцами, канадцами или французами воспринимается как нечто само собой разумеющееся: не лишать же гражданина страны одного из основополагающих конституционных прав просто за то, что он посмел работать и жить за границей!.. Израильское табу на избирательное право для “йордим” – постыдный пережиток однопартийного маарахного правления и мировоззрения – давно должно было быть пересмотрено, если не из соображений юридических, то хотя бы в силу его явной непристойности.⁵⁸

[1994. Из армейского дневника]

Прошлое больше не кажется сном – ни сладким, ни otherwise. Вообще всякая способность оценивать образы и как-то к ним относиться – медленно отступает.

---

⁵⁷ “Весь мир против нас”. (иврит)

⁵⁸ До 1978 года, при официальной двухпартийной системе, власть в Израиле принадлежала социалистической партии “Маарах”, предшественнице партии “Авода”.

Глава третья Кто придумал Рунет

Арсен Ревазов. Несколько эпизодов с Антоном Носиком в главной роли

Эпизод первый. Москва. 1999 год

Кому принадлежит интернет?

У кого-то заканчиваются лихие девяностые. У нас надувается великий пузырь интернет-компаний. Двукратный годовой рост доткомовской компании в год считается скромным, почти лузерским. Вся просвещённая публика офигевает от интернета как от явления. В бизнес-журналах публикуются захватывающие дух статьи про новую экономику. Время славы и восторга. До того, как пузырь начнёт лопаться, ещё долгих 11 месяцев. В “Балчуге” проходит одна из первых в Москве конференций про интернет. Слушают инвесторы. Выступают интернет-гуру образца 1999 года. Всё выглядит очень по-взрослому. В соседнем зале – очередная конференция стоматологов, которым впаривается какое-то оборудование для протезирования. Мы смеёмся, что в “Балчуге” на одном этаже представлены две успешных экономических модели: новая и старая. Стоматологи уже что-то слышали про интернет – и в совпавшем перерыве группой подходят к группе интернетчиков. Один из них обращается к Норвежскому Лесному, воплощению Иисуса Христа из рок-оперы “Джизус Крайст Супер Стар”: правильная борода с усами, длинная рубаша и страдающий взгляд. Лесной смотрит всепонимающими глазами на подошедшего к нему стоматолога. Мы знаем, что этот взгляд означает: “зря ты ко мне подошёл, добрый человек”. Но стоматолог не знает. Он спрашивает, обращаясь к Лесному, но почему-то во множественном числе:

– Пацаны, я так понял, что вы из интернета?

Лесной складывает руки на груди и страдальчески кивает.

– Слушай, а кому этот ваш интернет принадлежит? Кто тут главный?

Лесной не задумываясь, точным движением руки указывает на Носика, который в это время что-то разъясняет инвесторам, и говорит коротко и внушительно:

– Ему!

Группа стоматологов в благоговении затихает и смотрит на Антона. Если человек, похожий на Иисуса Христа, говорит, что интернет принадлежит еврею в кипе, значит, так оно, скорее всего, и есть.

– А лет-то ему сколько? – спрашивает самый недоверчивый из стоматологов.

– Тридцать три, – вновь кратко отвечает Лесной.

Группа уже в ошолоблении переводит взгляд с Лесного на Носика, с Носика на Лесного и постепенно отходит, перешёптываясь. Один из них возвращается и осторожно спрашивает у Лесного, указывая головой на Носика:

– А где он учился?

– У вас, – по-прежнему лаконичен Лесной, которому весь этот разговор с самого начала неинтересен.

- Как – у нас? – начинает выпадать в осадок стоматолог. – Где – у нас?
- В стоматологическом, – мрачно уточняет Лесной, – вот он подтвердит, – и кивает на меня.
- Не может быть! – хватается за голову стоматолог.
- Может, – вполне дружелюбно объясняю я. – Лечфак ММСИ. Выпуск 1989 года.
- И он главный в интернете? – переспрашивает меня стоматолог.
- Он, – решительно заявляю я.
- А как его зовут?
- Антон Носик.
- И это нормально?.. – спрашивает стоматолог уже сам себя и, покачивая головой, возвращается к своим коллегам и протезной презентации.

Эпизод второй. Москва. 1982 год

Первая встреча

- Мы познакомились с Антоном на лабораторной работе по бионеорганической химии.
- Сколько надо капать этой херни? – проявляя формальный интерес, устало спросил у меня студент с большими грустными глазами.
  - Долго. Пока не посинеет. В этом фишка буфера: льёшь в него щёлочь или кислоту, а рН не меняется. Это вы сейчас буферные свойства крови изучаете.
  - Раз ты разбираешься в свойствах химических буферов, значит, ты умеешь играть в преферанс, – предположил студент, непринуждённо сменив тему.
  - Умею, – сказал я. – А что, есть компания?
  - Сейчас образуется, – уверенно ответил он. – А есть тут где собраться?
  - Чердак подъезда напротив вполне обжитой. И не пыльный. А карты у твоей компании есть?
  - Есть и карты, и бутылка Плодовыгодного. Пошли!
- Через полчаса Антон, пара студентов из его группы и я рассаживались на раздолбанных табуретках вокруг стола-ящика. Антон высунулся из круглого окна чердака и удовлетворённо засунулся обратно.
- Лучший вид на этот город.
- Из окна виднелся Кремль с соборами.
- Если сесть в бомбардировщик, – механически ответил я.
- Антон кивнул, мы пустили бутылку по кругу и сдали до туза.
- На следующий год я поступил в ММСИ, оказавшись на курс младше него. Следующие шесть лет мы виделись по несколько раз в месяц в перерывах между лекциями и семинарами. Время от времени пили, время от времени играли в преферанс, обсуждая студенток и преподавателей.

Эпизод третий. Иерусалим. 1992 год

Бибиэски и Телнет

В 1990 году мы независимо друг от друга оказались в Израиле: я в Беэр-Шеве делал PhD, а Антон с феноменальной скоростью становился звездой израильской журналистики. Первая

его статья была написана и опубликована на второй месяц его пребывания в Израиле. Причём написана она была по-английски, а опубликована в Newsweek. Вслед за этим он написал несколько статей для “Маарива” на иврите. Специализировался он на алии и её проблемах. И когда “Маарив” решил сделать русскоязычную газету, Антон самым естественным образом занял в ней место главного колумниста. А поскольку он ещё с конца 1980-х освоил компьютеры, то именно он помогал израильским аййтишникам в “Маариве” наладить русификацию издательской системы.

Антон уговаривал меня бросить провинциальную размеренную академическую карьеру и переехать в Иерусалим. В июне 1992 года, чтобы показать мне Город воочию, он пригласил меня провести в Иерусалиме выходные.

Я вошёл в маленькую прокуренную спальню по адресу Метудела, 28 и увидел IBM PC AT, активно работающий в отсутствие хозяина (компьютер пытался дозвониться кому-то по модему, шипел, ругался и снова пытался дозвониться). Его клавиатура была неаккуратно посыпана пеплом, а на стенках монитора коричневели три-четыре раны от шальных сигарет.

Буквально за месяц до этого дрожащими руками я распаковывал свой первый компьютер, новенький Мак-Классик, и до сих пор бережно сдувал с него пыль.

Я с интересом стал изучать автономно пикающий и жужжащий IBM PC AT изнутри. Он был настолько давно лишен кожуха, что кожух даже не валялся рядом. Возможно, остался на прошлой квартире. Или как-то сам собой потерялся.

– Что он у тебя делает? – кивнул я на комп.

– Дозванивается по бибиэскам, но, как правило, отваливается, – мрачно объяснил Антон и выключил модем.⁵⁹

– А что такое бибиэски?

– Такие же компьютеры, подключённые к модемам.

– А что можно делать, дозвонившись?

– Не знаю. Письмо оставить. Файл скачать.

– И твой компьютер тоже бибиэска?

– Пока меня нет дома, он – бибиэска.

– Странно. Я из своего компа захожу на сервер университета, и там у меня всё есть: и почта, и файлы всякие. Игрушки. Книг много, английские в основном. И чат есть онлайнный в Телнете, я по нему с друзьями из Штатов общаюсь. И дозваниваться надо только до самого сервера.

– Что? – сказал Антон. – У тебя есть свой аккаунт? И свой e-mail?

– Ну да, – ответил я. – Университетский, arsen@bgu.ac.il.

– И ты можешь дать логин с паролем от своего аккаунта? – не поверил Антон.

– Какие проблемы? Могу дать всё. И телефон, по которому звонить, и логин, и пароль.

После того, как я сдал пароли-явки, Антон был потерян для общества на все выходные. Он погрузился в Телнет, как в новую вселенную, а я пошёл общаться с его иерусалимскими друзьями – Арканом Каривом и Демой Кудрявцевым.

Интернетом назвать эту вселенную было нельзя. Во-первых, не было языка разметки страницы HTML. Во-вторых, не было знакомых URL, начинающихся с <http://www.etc>. В-третьих, не было браузера. Никуда нельзя было кликнуть мышкой, и все команды надо было вводить руками. Но почта, онлайнные чаты, подписка на новости всех мастей и скачивание самых разных файлов, включая какие-то книги, – всё это было доступно. Носик влюбился в универ-

---

⁵⁹ BBS – Bulletin Board System, электронная доска объявлений. Форма общения, представлявшая собой компьютерную систему, объединявшую коммутируемые телефонные сети с помощью модема и соответствующей программы. Использовалась до середины 1990-х годов, до широкого распространения Всемирной паутины (World Wide Web).

ситетский Телнет и забросил свои бибиэски. Так мы оба оказались тогда в интернете, сами ещё не зная, что это называется именно так.

Эпизод четвёртый. Тель-Авив. 1995 год

“Депортация новых репатриантов с финансовыми проблемами”

Первым профессиональным контент-проектом Антона в интернете стал “Вечерний Интернет” – полный аналог ежедневной авторской колонки в газете, а по сути – классический stand alone блог. Название проекта, скорее всего, было навеяно не газетой “Вечерняя Москва”, к которой Носик относился так, как она того заслуживала, а газетой “Вечерний Тель-Авив”, в которой Антон, по моей просьбе, вёл авторскую колонку, основанную на истинных fake news в стиле первоапрельских шуток.

Концепция была в том, что человек, взявший газету в руки первый раз (а газета была новой), читал эту колонку, приходил в ужас и начинал звонить знакомым, спрашивая, в курсе ли они, что... (например, депортация новых репатриантов, вышедших за границы разрешённого банковского овердрафта, начнётся уже на следующей неделе; закон подготовлен министерством абсорбции по заказу банковского лобби; при этом Антон выражал неподдельное возмущение этим законом, проклинал и банки, и министерство, обещал лично оспорить этот закон в Высшем суде справедливости и сетовал, что на рассмотрение его жалобы уйдёт как минимум полгода-год: тут доставалось и израильской бюрократии). Постоянные читатели, которые уже знали, в чём дело, просто веселились. В общем, первоапрельские, комментированные Носиком, безумные новости круглый год. Он же сам обычно подбирал картинки, а часто сам эту статью и завёрстывал. Мы любовались скоростью, с которой страница появлялась на свет: 10 тысяч знаков связного, часто прикольного авторского текста за полтора часа, включая поиск картинки и вёрстку. Колонка была украшением газеты – к сожалению, недолгим.

Последний придуманный нами прикол выглядел так. Банк “Мизрахи”, абсолютно забывший о работе с новыми репатриантами, якобы решил резко увеличить число клиентов-репатриантов. Для этого он собрался частично компенсировать финансовые потери новых репатриантов на российских финансовых пирамидах, прежде всего на МММ. Концепция, разработанная мной и Антоном, была такая: раз репатриант вкладывал деньги в пирамиды, значит, они у него были. Следовательно, он успешен и доверчив – идеальный клиент для банка. Если вернуть ему, например, 30 % потерянных средств, он привяжется к новому банку всей душой. И Антон писал скептическую статью о банковском идиотизме и наивности, предсказывая, что сейчас из России в Израиль будут присланы десятки тысяч билетов обанкротившихся пирамид и перед отделением банка в Кольбо Шалом в Тель-Авиве (именно его мы выбрали в качестве жертвы) возникнут километровые очереди, после чего банку придётся срочно и с позором отменить свою маркетинговую программу. Антон с пафосом указывал на то, что банк даже не обеспокоился предъявлением доказательства принадлежности данных “пирамидальных” билетов конкретным репатриантам, и сетовал на банковскую доверчивость. Программа компенсации якобы должна была стартовать в воскресенье. Газета выходила в пятницу. Мы хотели с утра в воскресенье приехать к отделению банка, чтобы посмотреть, не подъедет ли какой идиот за компенсацией, но потом нам стало лень. И это нас спасло. Несколько десятков гневных звонков в редакцию с проклятиями за дурацкие шутки дали нам представление о силе печатного слова, пусть и малотиражного. Совершенно неясно, чем бы закончилось наше появление перед банком, тем более что Антона русскоязычные израильтяне хорошо знали в лицо.

К сожалению, эти приколы не помогли нашей бедной газете. Через пару месяцев я продал её за долги и уехал в Москву. Антон оставался пока в Израиле.

Эпизод пятый. Москва. 1999 год

Дружба новостных площадок

В 1996 году он начал делать колонку в газете “Вести” под названием “Наши Сети”; это была первая в истории колонка, посвящённая интернету и интернет-проектам на русском языке. А в декабре 1996 года, по заказу “Ситилайна”, вновь начал делать “Вечерний Интернет”, уже в качестве обзора сетевых новостей. Писал Носик, как всегда, обо всём, что его интересовало, не особенно вникая в то, чем в данный момент интересуются остальные. Он считал, что остальные подтянутся. Разумеется, “первоапрельских” новостей он уже себе не позволял, всё делалось на полном серьёзе. “Вечерний Интернет” вывел его в интеллектуальные лидеры русского интернета, и дальше на него посыпались заказы.

В 1999 году ФЭП предложил ему создать и возглавить “Газету. ру”⁶⁰. Носик пригласил делать дизайн Тёму Лебедева, программировал сайт Максим Мошков. Успех был невероятный, но через полгода ФЭП продал “Газету. ру”, а Носик начал делать “Ленту. ру”, тем же составом и с тем же успехом. Потом он консультировал “Медиа-Мост” в создании их первой интернет-медиа-структуры и помогал делать сайт ntv.ru. В этот момент, сидя, по сути, на трёх стульях, он сделал великое бизнес-открытие. Произошло это так.

– Гусь в бешенстве, – грустно сообщил мне Антон. – Говорит, что я сижу на трёх стульях. Предлагает определиться.⁶¹

Проблема была понятна. Новостные СМИ везде – в России, Америке и Европе – между собой конкурируют. Как за читателей, так и за рекламодателей. Причём самыми серьёзными конкурентами считают друг друга тематически близкие СМИ. “Ведомости” и “Коммерсантъ”. Daily News и Daily Mirror. Так же собирались вести себя только что вылупившиеся из яиц странных инвесторов онлайн-СМИ.

– И что ты собираешься делать?

– Объяснить ему, что онлайн-СМИ не конкуренты, а партнёры.

– А он поверит?

– Ну, попробуем.

– Тогда покажи ему настоящих конкурентов. В идеальную дружбу он не поверит никогда.

– Я объясню ему, что наши главные конкуренты – офлайн-СМИ. У них – настоящие бюджеты и настоящая аудитория. С ними мы и будем конкурировать. А между собой – дружить.

– А что нам даст дружба?

– Дружба даст обмен аудиторией. Мы будем меняться ссылками на лучшие новостные заголовки друг у друга, и аудитория у каждого из нас будет расти быстрее, чем в случае естественного роста. Но это не главное. Главное – что получают пользователи в результате обмена интересными ссылками. Главное, что получит аудитория!

– А что получит аудитория?

– Лёгкий доступ к интересному контенту. Она будет проводить в интернете гораздо больше времени. Посидел человек на “Ленте. ру”, почитал новости, увидел ссылку на аналитическую статью на “Газете”, пошёл туда. Увидел там какую-нибудь смешную ссылку на anecdot.ru, пошёл на анекдоты. Человек за свою интернет-сессию посетит больше сайтов. А сайты получают больше пользователей, которых попробуют продать рекламодателям.

---

⁶⁰ “Фонд эффективной политики” Глеба Павловского.

⁶¹ Владимир Гусинский, учредитель АО Группа “Мост” (1992), телеканалов НТВ, ТНТ, соучредитель газет “Сегодня”, “7 дней”, журнала “Итоги”.

Первые инвесторы Рунета (по крайней мере те, с которыми начинал работать Носик, в том числе и Гусинский) были не идиотами. Они приняли концепцию дружбы и обмена трафиком между онлайн-СМИ и создали рекламную сеть под смешным названием “Союз журналистов”. Идея оказалась революционной. Ни в одной стране мира она не появилась и не прижилась – только в России, точнее, в русскоязычном сегменте интернета. Русскоязычные читатели поверили в онлайн-СМИ, стали доверять им и регулярно пользоваться ими.

Результаты воплощения этой идеи видны сегодня всем нам невооружённым глазом: новостной сегмент российского интернета превосходит по качеству и разнообразию политических взглядов любой новостной сегмент других языков, возможно, даже американский. Идея дружбы и кооперации тех, кто мог бы считать друг друга конкурентами, и усилия по воплощению этой идеи (то есть дар убеждения владельцев онлайн-СМИ) принадлежат лично Антону Б. Носику. И если кто-то ценит возможность авторам высказываться, а читателям – читать разнообразные, в том числе и полярные, точки зрения на русском языке, то за эту свободу слова следует сказать спасибо Антону.

Эпизод шестой. Москва. 2002 год

Профессия – блогер

В 2002 году Антон сказал мне: “Увидишь, блогер станет профессией”. Это казалось ересью. Я готов был допустить, что профессиональные журналисты могут вести блоги, но в этом случае их профессия всё-таки будет называться “журналист”, а блог будет просто ещё одним СМИ. Но чтобы люди – в массе своей без журналистского образования – становились профессионалами, живущими на доход с ведения блога (тогда ещё с аудиторией не более 10–15 тысяч), мне казалось невозможным даже арифметически. “Профессия блогер” – это резало слух. Указывать её в важных анкетах (на получение визы, например) в 2002 году казалось невозможным.

Сегодня топ-блогеры своими постами могут зарабатывать по 5–7 млн рублей в месяц. Антон знал, что так будет, ещё 15 лет назад – и делал всё, чтобы это произошло: не только вёл собственные блоги в ЖЖ, фб, инстаграме и т. д., но и настойчиво обосновывал блогинг как основное занятие самыми разными аргументами, в ряду которых может быть поставлен и состоявшийся над ним суд.

Жанр блога Антона сочетал в себе традиционность и уникальность. С одной стороны, это был жанр акына: что вижу, о том пою. Антон писал только о том, что его интересовало. Но поскольку интересовало его всё, то и писал он обо всём. Воспроизвести концепцию “писать обо всём”, кажется, очень несложно. А вот сделать это так, чтобы обо всём было ещё и интересно читать, удаётся совсем немногим.

Эпизод седьмой. Москва. 2007 год

Новая форма СМИ

Примерно в 2007 году я услышал от него имя Павла Дурова.

– Кто это? – лениво спросил я. Круг знакомых Антона превосходил мои представления о допустимых размерах адресной книжки на порядок.

– Это гений, – тепло и нравоучительно объяснил Носик. – Он сделал аналог фейсбука, только написали они его с братом лучше Цукерберга со всеми его вице-президентами. На него

уже пол-Питера подсело. Нет, правда, офигенный чувак, – продолжил Антон, посмотрев на мой сморщенный нос. – Умный, спокойный, образованный. И видит на пять лет вперёд, если не на десять.

Антон влюбился в Телеграм с самого момента его появления и евангелизировал его до последнего своего дня. Он считал, что новостные потоки и даже потребительские потоки (покупки) со временем сместятся в телеграм-каналы. Одним из первых в мире – если не самый первый – он запустил свой телеграм-канал: “Бюро Находок”.

– Понимаешь, – объяснял он мне, – телеграм-канал – это новая форма СМИ. Анонимная, но с брендом. Ты доверяешь не конкретному человеку или редакции, а бренду как таковому.

– Понимаю, – отвечал я. – Но анонимность вызывает страшное искушение начать торговать своим брендом направо и налево. А если бренд засрётся – какая проблема, всегда можно новый создать. А капитализация бренда из-за анонимности всегда будет относительно невысокой.

– Допустим, – соглашался Антон. – Но ведь и расходы на создание такого СМИ тоже невысоки. Их можно плодить, как кроликов.

– А зачем нам столько кроликов?

– Чтобы оставаться свободными от государственной пропаганды.

– А кто помешает государству плодить своих кроликов?

– Никто. Оно уже начинает этим заниматься. Но умные люди скоро научатся отличать независимые каналы от государственных по запаху.

– Разве пропаганда рассчитана на умных людей?..

Через девять месяцев после смерти Антона началась война Роскомнадзора и Телеграма. Через двадцать один месяц Государственная Дума приняла закон о суверенном интернете.

Кто придумал Рунет

[07.04.2015. ЖЖ]

Если вам скажут, что его выдумал я, – не верьте. Когда этот неологизм появился 19 лет назад, он казался мне отвратительным возвратом к унылой традиции советских аббревиатур, вроде ГубЧеКа, и я приложил немало сил к отговариванию публики от его использования.⁶²

Но, увы, money talks. Впрочем, по порядку.

Термин “блог” был введён в англоязычный обиход в апреле-мае 1999-го. Но блоги и блогеры существовали задолго до этого времени.

В частности, русская блогосфера началась в апреле 1996 года с моего блога “Наши сети”, который был онлайн-версией ежедневной колонки в тель-авивской газете “Вести”, где я рассказывал о новых сайтах, сервисах и возможностях Сети.

Зачем я это делал, не знал никто. Включая главреда Э.С. Кузнецова, давшего добро на создание рубрики со словами: “Да похуй, о чём ты там пишешь, только пять раз в неделю присылай”. Интернетом в ту пору ни один сотрудник редакции не пользовался. Но некоторые коллеги догадывались, что рано или поздно им придётся вникать, и вырезали из газеты мои колонки “на чёрный день”.

К концу 1996-го, когда появились на свет “Вечерний Интернет” и “Паравозов News”, русскопишущих блогеров в интернете насчитывалось уже несколько десятков – от Делавэра до Австралии. Они называли свои блоги “колонками”, “обозрениями”, “обзорами”, “веб-обзорами” и “веб-обозрениями”. И этим довольно точно описывался жанр: все писали о новых сайтах, сервисах и возможностях Сети.⁶³

Понятно, что в диапазоне от Делавэра до Австралии пупом “русского мира” была середина этого расстояния. То есть Израиль, и конкретно Рамат-Ган, расположенный строго между Гиватаимом (“Два Холма”) и Петах-Тиквой (буквально “Ворота Надежды”) – где ж ещё размещаться пупку. И впрямь, в Израиле концентрировалось некоторое квалифицированное большинство читаемых русскопишущих блогеров. Двое из них, независимо друг от друга, придумали и стали активно внедрять слово РУНЕТ.

Одного из парней звали Мик Гур. Он потом вернулся в Россию под именем Михаила Леонидовича Гуревича, стал вице-президентом РБК, создал газету “Утро” и холдинг “Медиа Мир”, теперь инвестирует в какие-то стартапы.

Другого звали Раф Асланбейли aka Великий Дядя.

Он в Россию вернуться никак не мог, поскольку не уезжал из неё, будучи этническим турком из Баку.

Так что живёт он по сей день в том самом Рамат-Гане.

Раффи придумал термин РУНЕТ – для обозначения сайтов, использующих русский язык, независимо от домена.

Потом Мик Гур популяризировал его в своей радиопередаче об интернете на “Седьмом канале”.

Мне название не нравилось, но я о нём писал в “Вечернем Интернете”, повышая *brand awareness*⁶⁴.

---

⁶² В 1996 году.

⁶³ Обзор сайтов и событий, связанных с интернетом, который с 1996 года вёл Александр Гагин под псевдонимом Иван Паравозов.

⁶⁴ Узнаваемость бренда. (англ.)

К 1999 году, когда Раффи забросил блог, а Гуревич переехал в Москву, “Вечерний Интернет” остался главным адресом, откуда люди узнавали слово “Рунет”, так что меня стали ошибочно называть его автором. Я сперва отпирался, но потом подоспела подмога.

В феврале 2000 года целый инвестфонд, увлекшийся интернетом, вынес “РУ-Нет” себе в название.⁶⁵

Этот фонд сперва инвестировал 1,8 млн долларов в “Озон”, потом купил 35,72 % “Яндекса” за 5,28 млн долларов.

Так что слово РУНЕТ стало охраняемым брендом раньше, чем сам Рунет научился зарабатывать копейку.

И очень задолго до того, как его инвесторы научились нести миллиардные (в долларах) политические убытки.

[10.11.2009. “Professional.ru”]

В сети я провожу от 12 до 17 часов в сутки, начиная с 1993 года.

[04.02.2017. “Диалог о соцсетях” с Александром Цыпкиным]

Единственный смысл работы духовного лидера состоит в распространении своих взглядов, верований и идей. Религиозная организация присутствует при рождении любой технологии доставки информации и играет в этом процессе ключевую роль.

---

⁶⁵ Инвестиционная компания ru-Net Holdings, основанная Л.Б. Богуславским в 1999 году.

Русский интернет, начавшийся в Меа Шеарим

[“Рунет: Сотворённые кумиры”]⁶⁶

Летом 1990 года я работал в издательстве. Книгоиздательский цикл тогда состоял в том, что в одном месте делали фотонабор – так называемый typeset, в другом месте загружали файл с фотонабором в печатную машину и выводили плёнки, которые в третьем месте, называемом “типография”, превращались сначала в печатные формы, а потом в оттиски этих форм на бумаге.

Я работал в том месте, где производился фотонабор, – в издательстве. А место, где выводились плёнки, располагалось от издательства в паре километров, что в городе Иерусалиме с его жарким климатом и гористой местностью было довольно утомительным путешествием. Место, где осуществлялся фотонабор, находилось в религиозном квартале Меа Шеарим. Это была <фото>лаборатория, которая печатала еврейские священные книги, ну и, в частности, русские книги для моего издательства. Клиентов у них было много, и все они таскались туда с разных концов города. Поэтому в какой-то момент владельцы этой фотолаборатории, съездив в Нью-Йорк за тем же, за чем все хасиды ездили в Нью-Йорк, – получить благословение у ребе и вернуться в Израиль с набитыми контрабандой чемоданами, которые не досматривали, – привезли, помимо всяких порнографических журналов, которые истинно правоверный должен ввозить из Нью-Йорка, какое-то количество модемов. С этого времени ходьба закончилась, и началась пересылка файлов телефонным способом.

А у меня в распоряжении появился первый модем. Я пошёл в компьютерный магазин выяснять, что с помощью этого модема я мог бы делать. И мне рассказали, что существуют такие BBS’ы, куда нужно дозваниваться, регистрироваться, и можно там общаться и скачивать программы. Я попросил распечатать мне список этих BBS’ов и стал на них дозваниваться. Так я попал в компьютерную сеть. Завёл там много друзей, скачал много программ. Стал участником разнообразных обсуждений и форумов. Это был ещё не интернет, это была Fido. Потом, в 1993 году, в Fido появилась конференция Internet, посвященная обмену данными между разными сетями.

Потом я узнал, что есть сети побольше, и там есть разноразличные возможности. Но доступ туда можно было получить двумя способами: либо чей-то чужой, ворованный аккаунт, либо чей-то служебный аккаунт. У меня был аккаунт математического факультета Иерусалимского университета от одного студента, который там учился. Я использовал модемный пул Иерусалимского университета, чтобы заходить в интернет. Но тогда ещё не было графического веба, так что это была общалка, и тогда же немножечко началась электронная почта. Потом настал⁶⁷ 1994 год, появился графический веб, появились серверы, на которые можно было зайти и полистать странички с помощью браузера. Он назывался “Нетскейп”. В этом “Нетскейпе” ещё была такая вещь – “view source”, “посмотреть исходный код”. В 1994 году мы все посмотрели исходный код, а в 1995-м мы уже выучили язык, на котором там всё было написано, и стали его, наоборот, писать, то есть стали делать свои странички, а потом – сайты. И Тёмины (Артемия Лебедева. – *Ред.*) первые сайты, и мои первые сайты – это всё продукция 1995 года.

---

⁶⁶ Юлия Идлис. Рунет: Сотворённые кумиры. М.: Альпина нон-фикшн, 2010.

⁶⁷ В предисловии (с. 142) А. Реватов сообщает, что А. Носик пользовался также и его аккаунтом для входа в Сеть. Д. Кудрявцев свидетельствует, что в этот период времени Носик брал пароли доступа к Сети у многих своих друзей и знакомых, имевших служебные, академические аккаунты.

Тогда ещё Microsoft не выпустил Windows-95 – а мало было его выпустить, надо было ещё, чтобы его все поставили, – и понятие русской кодировки было довольно эзотерическим. Их существовало штук 38 – разных русских кодировок. Пока Microsoft всех не изнасиловал на тему принятия в качестве стандарта его убищной кодировки CP1251, она же Windows Cyrillic, вообще не было понимания того, что мы можем писать по-русски и понимать написанное. Поэтому первые мои страницы, так же как и Тёмины первые страницы, были на английском языке. Моя первая страница была каталогом русских ресурсов интернета. Другая страничка, которую я сделал, была посвящена технологиям создания страниц... Ещё, когда умер Бродский, я сделал страничку его памяти, куда московский химик Сергей Кузнецов прислал 600 килобайт набранного им в разные годы творчества Бродского. В общем, мы научились делать странички. Потом захотели заниматься этим профессионально и учредили фирмы: Тёма – в Москве, я – в Израиле. Моя фирма называлась “Шарат” (“Сервер”). Фирма выиграла тендер Музея Израиля, выиграла тендер Банка Израиля, потом – министерства иностранных дел, и делала им сайты. А в ежедневной израильской газете, в которой я тогда работал, я писал ежедневную колонку про интернет под названием “Наша сеть”: какие есть сайты, какие есть программы. Из ныне существующих примеров наиболее похожей является колонка Саши Гагина. А тем часом мой израильский друг Дёма, с которым мы вместе все эти премудрости осваивали в своё время, приехал в Россию, пошёл к нашему с ним интернетовскому знакомому по имени Тёма Лебедев и стал партнёром в его студии.⁶⁸⁶⁹

Дёма и Тёма сидели в Москве и ваяли сайты.

Между тем мой друг Емеля Захаров захотел сделать интернет-провайдер. Потому что они, мои московские друзья, подключались к “России Онлайн”, она с них брала 7 долларов за час, а сервис давала при этом чудовищный и хамский. И они решили, что сделают интернет-провайдер для нормальных людей. Взяли денег, создали провайдерскую фирму. А потом им пришлось в голову, что этой фирме нужен сайт. И они позвонили мне в Израиль на мобильник. Я в это время ехал с какого-то телеинтервью к себе в редакцию. Они мне сказали: “Слушай, а вот сайт, например. Кто делает сайты?” “Сайты делает Тёма Лебедев, – сказал я, – вот вам его телефон”. Они позвонили Тёме Лебедеву, пришли, познакомились, подружились. Через некоторое время Дёма стал директором “Ситилайна”, “Ситилайн” создал компанию “Нетскейт”, компания “Нетскейт” поглотила студию Лебедева, которую впоследствии из себя исторгла. Но следующим шагом “Ситилайна” после создания собственно сайта было осознание того, что мы, конечно, продаём людям доступ в интернет и берём с них деньги, но хорошо бы приложить усилия к тому, чтобы людям было что делать в этом интернете. Потому что, если им там нечего делать, они там недолго просидят, а мы с них берём почасовую оплату. Соответственно, следующая задача – создание контента. И тут Емеля и Дёма ещё раз вспомнили, независимо друг от друга, что есть у них в Израиле друг, который сидит и пишет ежедневную колонку об интернете в русской газете, откуда многие люди эту колонку вырезают и складывают на будущее, понимая, что у них сейчас интернета нет и они не понимают, о чём это, но когда-нибудь поймут, и им это пригодится. И они мне позвонили ещё раз и сказали: “Слушай, вот ты колонку пишешь?” Я говорю: “Пишу”. – “А давай ты её будешь писать не в газете, а в интернете?” Я сказал: “Давай”. Так родился “Вечерний Интернет”.⁷⁰⁷¹

“Вечерний Интернет” всего лишь один проект, планов у моих друзей в России было громадье. А в Израиле продолжалось унылое кропание сайтов, которое позволяло компании “Шарат” отбить существование сервера и секретарш. И постепенно выяснилось, что москов-

⁶⁸ “Паравозов News”.

⁶⁹ Демьян Кудрявцев.

⁷⁰ “Ситилайн”.

⁷¹ Е. Захаров и В. Трунин.

скими делами мне приходится заниматься значительно больше, чем израильскими, хоть я и в Иерусалиме живу. И как-то само собой сложилось, что в марте 1997 года я переехал в Москву и продолжил вести “Вечерний Интернет” там. В феврале 1997 года открылся счётчик “Рамблера” – не поисковик, который открылся в предыдущем году, а рейтинг “Рамблера”, – и “Вечерний Интернет” вошёл в десятку самых посещаемых сайтов, а я его вёл.

[сентябрь 2016. Разговоры с Таней Кисилевски]

Центром текстов на русском языке является не Тель-Авив, Иерусалим и Уолл-стрит, а Москва. Поэтому рано или поздно ты обречён сюда отправиться.

Рука руку моет

[12.01.1997. “Вечерний Интернет”]

Вся русскоязычная Паутина последних двух-трёх лет создана руками одних и тех же людей – и всякий раз, когда мы слышим о возникновении каких-то новых проектов (будь то конкурс “Тенёта” или архипелаг “Куличики”, издание “Zhurnal.ru” или сервер “Ситилайн”), мы всегда можем с большой степенью уверенности рассчитывать увидеть во всех этих начинаниях одних и тех же действующих лиц, знакомых нам по всем предыдущим русским интернетовским тусовкам. Один и тот же Роман Лейбов создал в своё время⁷²

---

⁷² Ниже в тексте перечисляются персонажи и явления начальной эпохи Рунета: например, старейший литературный конкурс “Тенёта” (см. с. 29), в жюри которого в разные годы входили Б. Стругацкий, А. Кушнер, В. Кривулин, В. Попов, среди участников первого конкурса (тексты, отобранные за 1994–1996 гг.) – поэты Бахыт Кенжеев и Дмитрий Александрович Пригов; один из первых развлекательных порталов Архипелаг «Куличики» (литературные игры, анекдоты и т. д.); портал с коллаборативным литературным гипертекстом РОМАН (исходную историю написал Роман Лейбов, а далее её продолжали писать совместно несколько авторов, «подлинковывая» свои ветки к любой фразе текста); виртуальная награда Н.Ж.М.Д. – аббревиатура от «накопитель на жёстких магнитных дисках», и др.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.